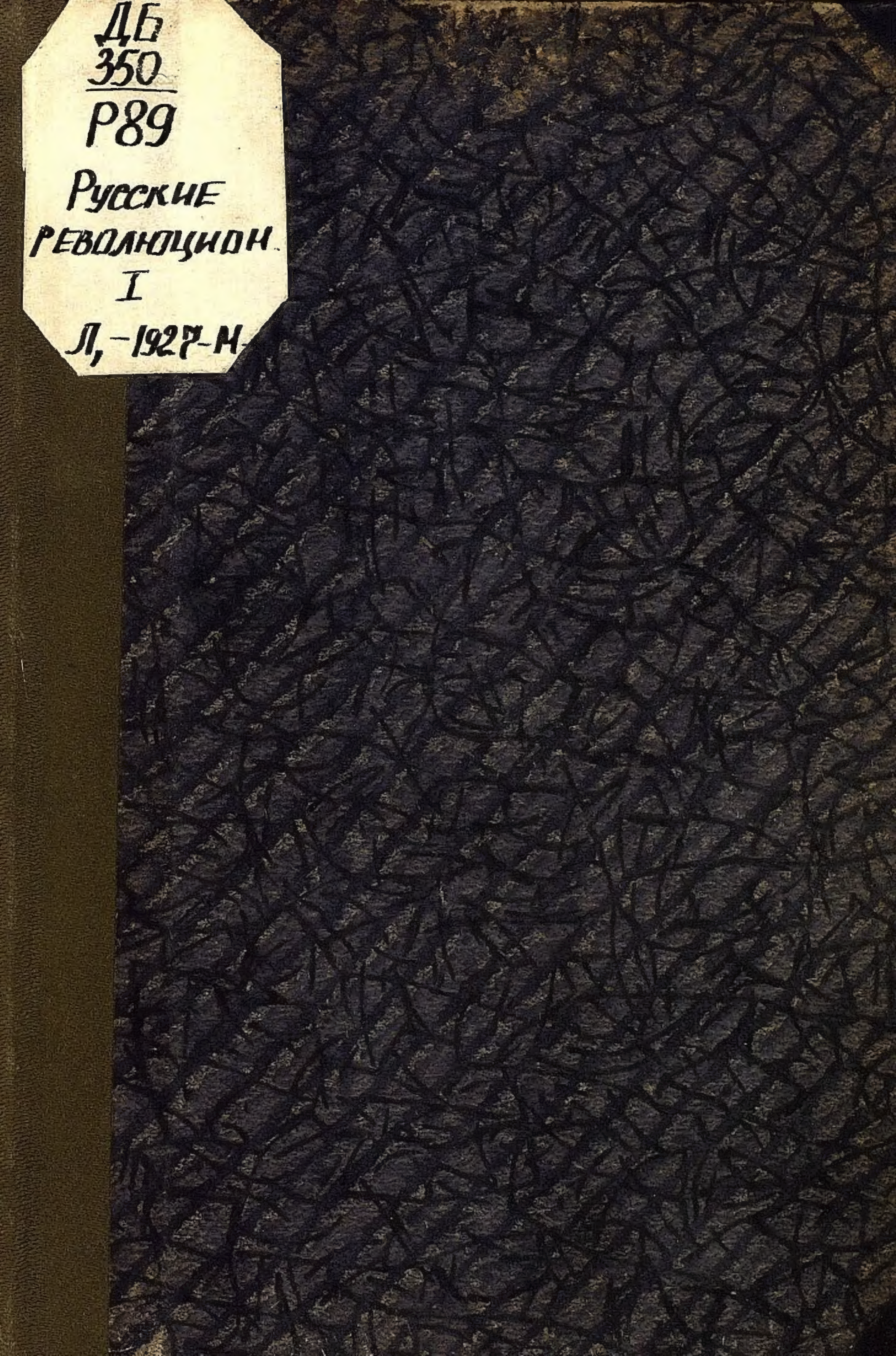
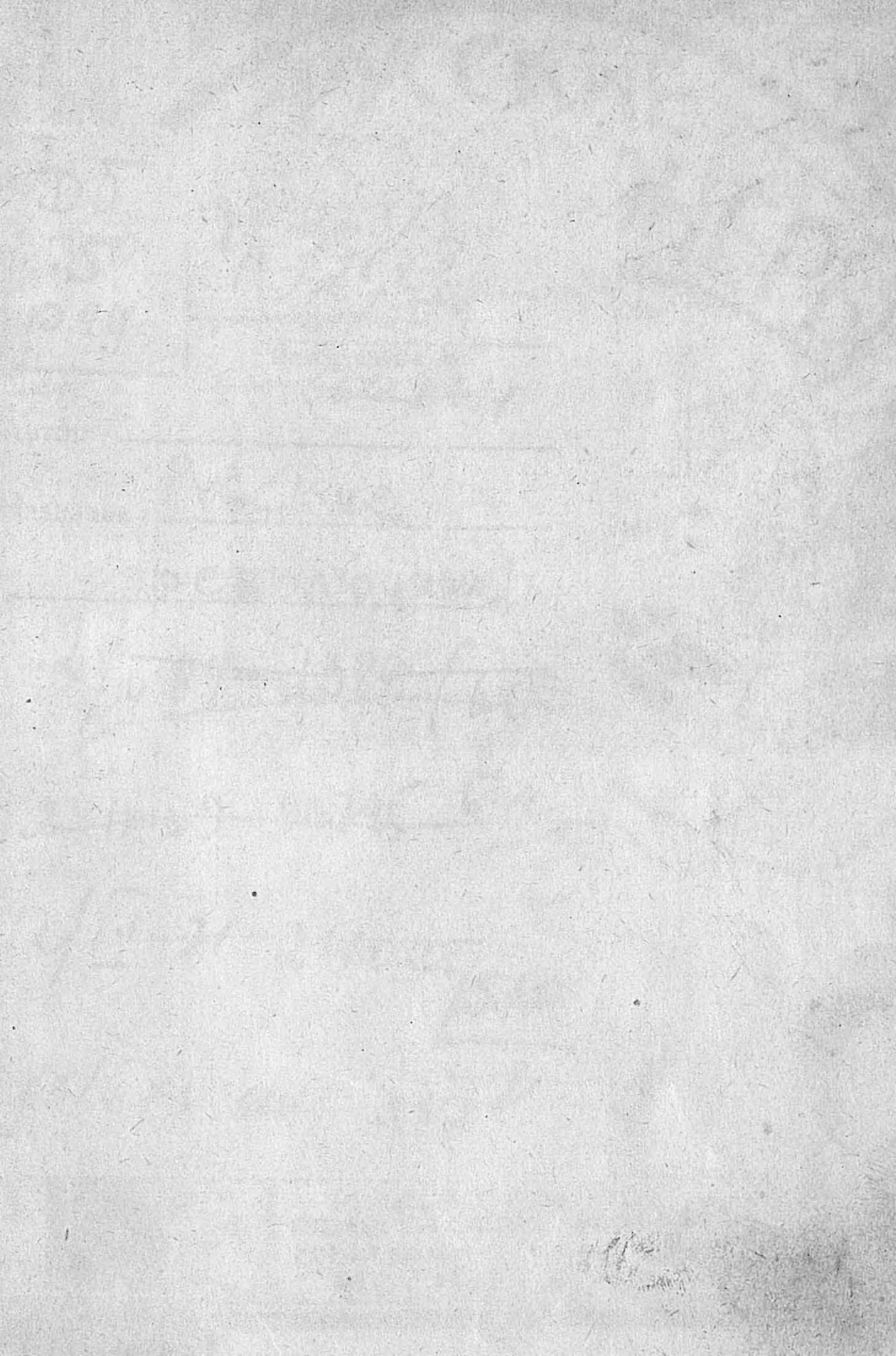
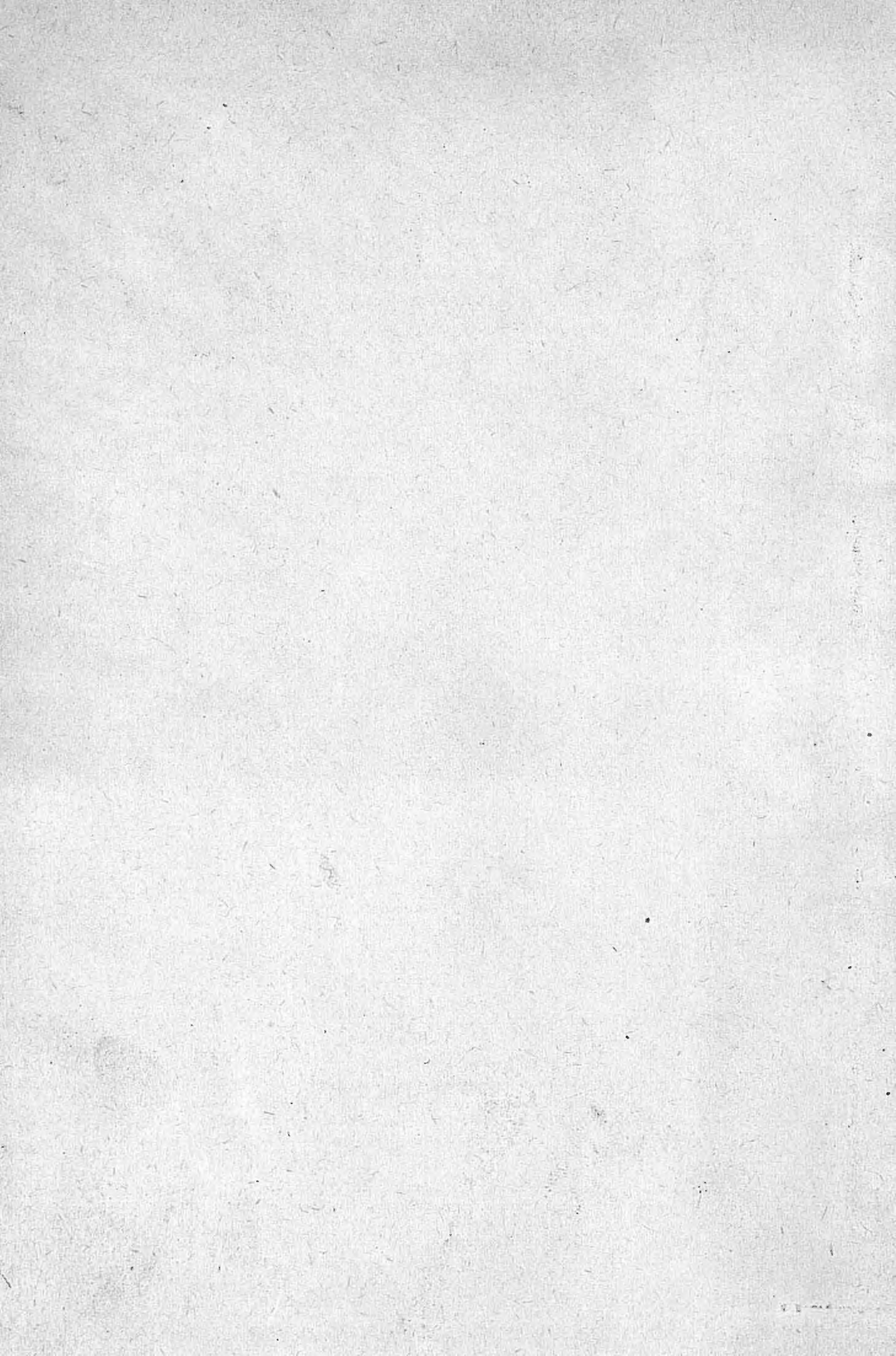
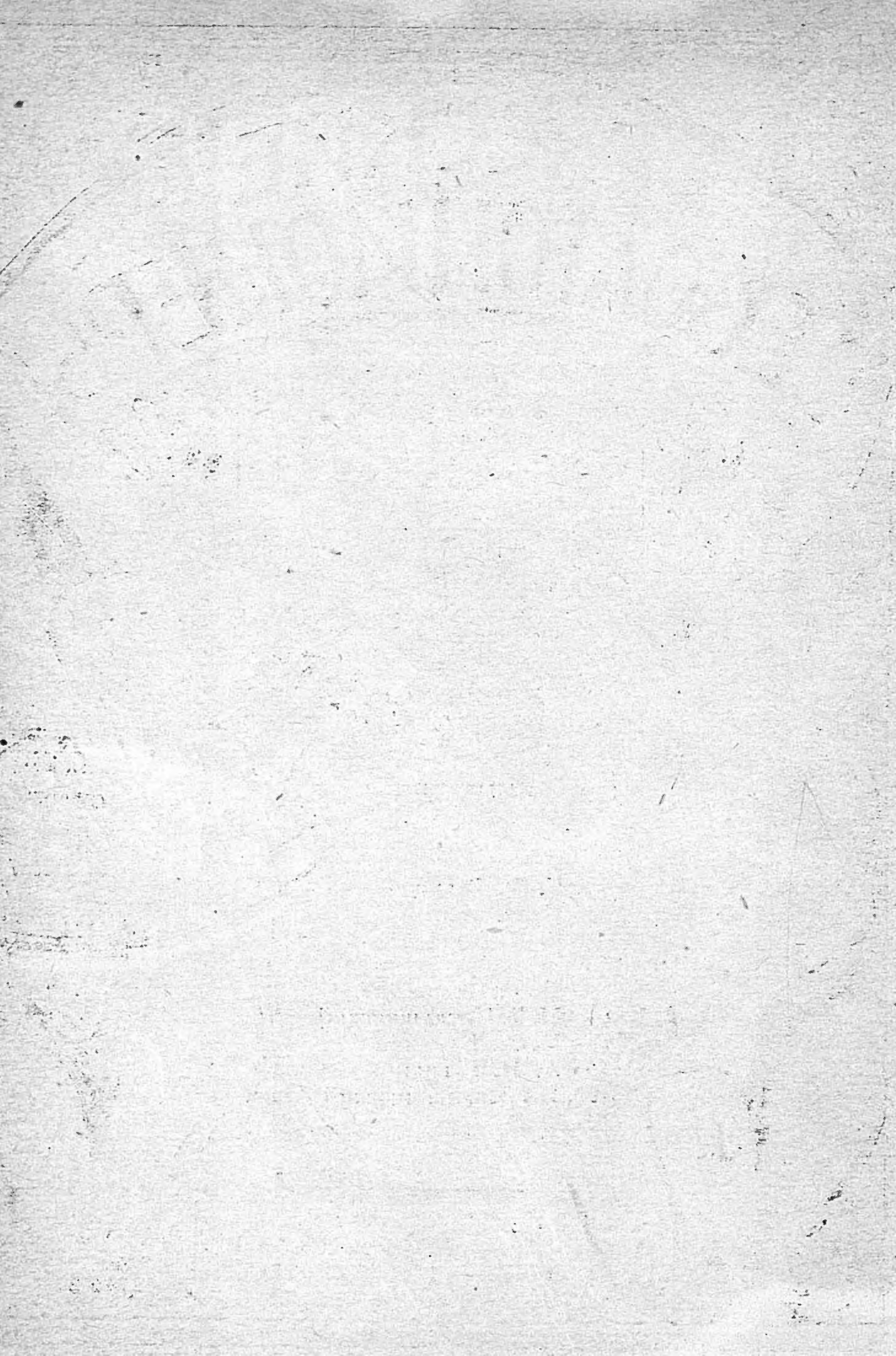

ДБ
350
Р89
Русские
революцион.
I
Л, -1927-М.

РУССКИЕ
РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ
КНИГА ДЛЯ
ЮНЫХ
ЧИТАТЕЛЕЙ
ПОД РЕД.
И. СВЕРЧКОВА
ЧАСТЬ
I
К. Ф. Рылеев
П. И. Пестель
С. И. Муравьев-
Апостол
П. Г. Каховский
М. В. Петрашевский
М. А. Бакунин
А. И. Герцен
Н. Г. Чернышевский
ИЗДАТЕЛСТВО
ПОЛИТ-КАТОРЖАН И
ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
МОСКВА 1927
С
Ш

РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

КНИГА ДЛЯ ЮНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

ДОПУЩЕНО ГОСУД. УЧЕНЫМ СОВЕТОМ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. СВЕРЧКОВА

I

Рылеев, Пестель,
Муравьев-Апостол, Каховский,
Петрашевский, Бакунин, Герцен,
Чернышевский

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
ЛЕНИНГРАД — 1927 — МОСКВА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНИ тов. ЗИНОВЬЕВА.
Изд-ства «Ленинградская Правда».
Ленинград, Социалистическая, 14.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГУБЛИТ № 6050.

Тираж 6000.—15 л. Зак. 4237.

1927 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Хрестоматия «Русские революционеры» в первых двух частях содержит 18 биографий наиболее ярких представителей русского революционного движения XIX века.

Хрестоматия имеет назначение дать детям старшего возраста и подросткам тот материал, который, с одной стороны, всегда интересовал и интересует указанные возрасты, а с другой стороны, с большим трудом попадает к ним. Мы говорим о биографиях замечательных людей, какими являются наши революционеры. Прежде, до революции, этот материал не попадал в детские руки, так как имена были под запретом. Нынче запрета нет, но, при всей массе печатаемых книг, до предназначенного для детей материала о старых революционерах очередь почти еще не дошла.

Полагаем, поэтому, что данные биографии найдут своего читателя, тем более, что выходят они в то время, когда только что праздновалось столетие со дня восстания декабристов.

Для правильной оценки помещаемого материала и вообще для правильного отношения к книге, следует иметь в виду ее особенности и их мотивировку.

Хотя биографии объединены в сборник, составители стремились каждой из них придать характер законченный. Этим объясняются некоторые повторения (напр., в биографиях декабристов).

Принимая во внимание особенности возраста предполагаемых читателей, мы делали центром тяжести биографий не столько теоретические построения революционеров, сколько действенные приложения этих построений. Динамике жизни отдавалось предпочтение. Поведение героев, наиболее яркие моменты их деятельности — вот над чем задерживается внимание читателей. Захваченный этим, юный читатель не забудет революционера и пафос революционного действия — этого высшего напряжения человеческой воли.

Большая часть очерков составлена Т. А. Альмединген.

> «Поймет ли, оценит ли грядущее поколение всю трагическую сторону нашего существования, между тем, как наше страдание — зерно, из которого разовьется их счастье».
>
> Герцен.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Первая русская революция в XIX веке — это так называемое декабрьское восстание 1825 г. Это было массовое выступление, планомерно и длительно подготовлявшееся. После него в течение целых 80 лет, до 1905 г., массовых революционных выступлений не было. Поэтому восстание декабристов имеет очень большое значение в революционном движении XIX века.

Кто совершил восстание? Кто был его участником?

Вождями его были офицеры-дворяне, помещики. Но эти офицеры вовлекли в свое дело солдатские массы.

Вот почему, вспоминая отдельных декабристов, читая их биографии, мы не должны забывать тех безвестных героев восстания, чьи имена и биографии умерли вместе с ними.

От декабрьского восстания 1825 г. через весь XIX век тянется цепь революционной работы отдельных групп революционеров. Эта работа нашла себе завершение в Октябрьской революции 1917 года, давшей России новый строй.

Есть ли что-нибудь общее, какая-нибудь единая цель, связывающая русских революционеров? Можно ли установить связь между далекими от нас декабристами и коммунистами, деятелями Октябрьской революции?

Основой революционного движения в России является крестьянский вопрос — вопрос о переходе земли в руки крестьян. Эта борьба крестьян за землю — главное явление русского революционного движения, его национальная черта.

Целых три века русское крестьянство боролось за землю; мелкие крестьянские хозяйства боролись с крупными помещичьими хозяйствами. До XVI века крестьяне были свободными владельцами земельных участков. Но уже в XVI веке начинает возникать крепостное право: вследствие тяжкой нужды, крестьяне попадают в кабалу к более крупным собственникам.

Постепенно крестьянская собственность все уменьшалась, помещик отнимал землю у крестьянина. Между тем, крестьянин хотел хозяйничать, рвался к земле и свободному труду на ней. И вот вспыхивают крестьянские революции: Смутное время, революция Хмельницкого на Украйне, восстание Степана Разина, Пугачевский бунт.

Эти революции были отчаянной борьбой крестьянина за то, чтобы он мог быть самостоятельным хозяином на своей земле. Крестьяне попали в положение батраков; со своего надела они могли вырабатывать продукты только для своего личного потребления; весь хлеб для рынка, для продажи внутри страны и для вывоза за-границу они вырабатывали только на земле помещика и, значит, в пользу помещика.

Эта кабала для крестьян стала еще мучительнее после отмены крепостного права в 1861 г., когда крестьяне получили самые малые наделы земли да еще с выплатой за нее помещику.

Крестьянство не помирилось с этим. В России происходили непрерывные крестьянские восстания. В революцию 1905 г. крестьяне поддерживали рабочий класс.

Только революция 1917 г. разрешила вековой спор о земле. По декрету Советской власти земля перешла, наконец, в руки крестьян.

Если вдуматься в глубокую причину, вызвавшую декабрьское восстание 1825 г., то мы видим, что это та же причина, какая вызвала и дальнейшее революционное движение в России: это крестьянский вопрос, вопрос о владении крестьянами землей.

Мы видим, как этот вопрос отразился в программах декабристов. Самые сильные «головы» среди декабристов занимались, главным образом, вопросом о крестьянах, о крепостном праве, о земельном наделе.

Почему, однако, вышло так, что революция 1825 г. была сделана руками дворян, офицеров, помещиков? Чем можно объяснить, что именно помещики, казалось бы, заинтересованные в том, чтобы больше выжимать из крестьян, жертвовали своей жизнью для того, чтобы добиться положения, в высокой степени для них невыгодного?

Прежде многие историки объясняли причину декабрьского восстания так: это было восстание благородных, просвещенных людей против гнета царизма за освобождение народа. К свободе стремились и лучшие представители дворянства — им была нужна свобода политическая — и крестьянские массы, которым нужна была гражданская свобода (ведь они были рабами помещиков).

Все это верно, но это еще не объяснение. Есть одна глубоко скрытая причина, лежащая в основе всех этих событий, и разгаданная современными историками-марксистами. Эта причина — те условия труда, промышленности, экономики, которые создались в ту эпоху.

Помещики-дворяне не потому поднялись на защиту крестьян, не потому встали на борьбу за свободу, что именно в то время они поняли необходимость восстания, и среди них появились нужные вожди, герои; наоборот, потому-то и появились в то время эти вожди, потому и нашли их мысли отклик в массах, что таковы стали общие социально-экономические условия в России.

В чем же заключались эти условия?

С конца XVIII века на Западе и главным образом в Англии происходит промышленный переворот. Как грибы, растут фабрики и заводы; население уходит работать к станкам; своего хлеба недостает, и вот главным поставщиком хлеба на английский рынок становится «житница Европы», огромная сельско-хозяйственная Россия.

Помещик превращается как бы в фабриканта. Его имение — фабрика для производства хлеба. За 4 года, следовавших после войны с Наполеоном, вывоз из России пшеницы и других хлебов возрос в 5 раз. А цены на хлеб в Англии поднялись вдвое.

Спрос на русский хлеб громаден. Помещик может богатеть со сказочной быстротой. Но на пути к этому богатству — перед ним роковое препятствие. Он убеждается, что его фабрика, вернее — рабочие на его фабрике никуда не годятся.

Крепостные были, разумеется, самыми дешевыми работниками. Но они были и самыми плохими, т. е. мало производящими работниками. Пока они работали главным образом на барина да на сбыт внутри страны, барину эти мало производящие работники были достаточно хороши. Но как только представились возможности огромного и выгодного сбыта, потребовалось повысить или, как мы теперь говорим, интенсифицировать труд крестьян.

Как можно было этого достигнуть?

В нашей литературе второго десятилетия XIX века этот вопрос постоянно обсуждается. Назрела «крестьянская реформа». И ответ у наиболее прозорливых

дворян напрашивается такой: крестьяне будут прилежно трудиться, только если дать им свободу, если им будет расчет работать как можно напряженнее, как можно лучше и больше вырабатывать.

Таковы были внутренние глубокие, и в то же время такие простые причины, сделавшие не только возможным, но прямо-таки необходимым восстание 1825 года.

Тогда встает вопрос: что же, значит, декабристы вовсе не были героями-революционерами? Значит, не за чем нам вспоминать их, изучать их жизнь и борьбу?

Нет, это не так. Декабристы были людьми идеи. Они сами не могли осознать того, выразителями какой движущей силы они были. Они не могли понять 100 лет тому назад, какие экономические первопричины лежали в основе всего движения эпохи. Они были убеждены, что ведут борьбу за интересы всего народа, и с их точки зрения они, конечно, отказывались от своих классовых интересов. Затем некоторые из них были людьми сильной воли, готовыми отдать жизнь за свою идею. Личных интересов они отнюдь не преследовали. Некоторые из них (в особенности члены Общества «Соединенных Славян») были настоящими революционерами-демократами; они пользовались методом революционной пропаганды, среди них были лица, готовые на террор.

В силу всех этих условий декабристы являются дедами русской революции. Земельная программа Пестеля — один конец нити, другой конец которой

заключен в декрете Совета Народных Комиссаров о национализации земли. Влияние революции 1825 г. на современников и на следующие поколения огромно.

В декабрьском восстании участвовали представители народа—солдаты-крестьяне, и кровь их была пролита за то дело свободы, которое завершено через 100 л.

Силой, толкавшей вперед революционное движение в России после декабристов, было развитие промышленности. Развивающаяся промышленность выдвигала на арену истории новый класс — рабочий. А этот новый класс ставил на очередь разрешение нового вопроса — рабочего вопроса.

Эта связь революционного движения с развитием промышленности становится ясной, если проследить последовательно все главные вспышки революционного движения XIX века после декабрьского восстания 1825 г. Движение петрашевцев падает на 1848—49 годы, являющиеся годами бурного развития нашей текстильной промышленности. В начале 60-х годов, когда совершается освобождение крестьян, в России крепнет промышленный капитал. Как после войны 1812 г. русские помещики начинают ощущать потребность в свободном хлебопашце, ибо он им больше даст, чем крепостной, — так с ростом нашей промышленности нарождающейся буржуазии необходим становится свободный рабочий. Получить его в большом числе можно только открепив крестьянина от помещика и наделив его очень малым количеством земли: это толкнет его на фабрику. Если в

1825 г. крестьянин был нужен нарождающемуся торговому капиталу, и, значит, экономические причины являются скрытой пружиной декабрьской революции, то в 60-х годах рабочий, т.-е. тот же крестьянин, нужен уже промышленному капиталу. На этот раз победил капитал: вопреки воле основной отсталой части помещичьей массы, правительство, толкаемое промышленным и сельско-хозяйственным капиталом, освобождает крестьян.

В 60-х годах начинается в России рабочее движение. Первая большая стачка произошла в 1865 году, а в 1870 году прокатилась целая волна забастовок на заводах Петербурга. В 1878 г. поднялась вторая волна стачечного движения, тоже в Петербурге. К 70-м годам относится и новое развитие революционного движения, выразившееся, главным образом, в деятельности общества «Народная Воля».

Однако, все сказанное здесь еще не означает, что революционное движение 40-х — 70-х годов шло под другими лозунгами, чем декабрьское восстание. То, что всецело относится к декабристам, остается и здесь в полной силе: основным стержнем русской революции был вопрос крестьянский, вопрос о земле. Вокруг этого вопроса сосредоточивались все помыслы революционеров, о нем они думали, писали. Связь между вспышками революции и нарождающимся рабочим движением, очевидная современным исследователям, революционерами в те годы еще не улавливалась. Не рабочий, а крестьянин попрежнему привлекал к себе их главное внимание.

Декабрьское восстание было поднято дворянами-офицерами. В дальнейшем впереди революционного движения, до конца XIX века, пока не окреп у нас рабочий класс, идет интеллигенция, представители крупного и мелкого дворянства и главным образом лица так наз. «свободных» профессий — представители класса «разночинцев», образованного мещанства: писатели, ученые, врачи, адвокаты, учителя в тесном союзе со студенчеством.

Эта интеллигенция стояла в стороне от нашей развивающейся промышленности. Новые фабрики, даже еще в 70-х годах, обслуживались главным образом иностранцами: директора, инженеры, техники выписывались из за-границы. Вот чем объясняется тот факт, что связи у революционной интеллигенции с рабочими массами долго были слабы, и долго эта интеллигенция искала опоры в крестьянстве.

Эти революционеры также были социалистами, как и те будущие революционеры, которые увидели опору революции в рабочем классе. Но идеалом этих социалистов была крестьянская община. И все революционное движение 60-х — 70-х годов было построено на ожидании восстания крестьян, обманутых при освобождении 1861 г.

Однако, и крестьяне обманули надежды революционеров. Состав тогдашнего крестьянства оказался невосприимчивым к идеям социализма. Народовольцы оказались одинокими, и единственной доступной для них тактикой была тактика террора, истребления отдельных лиц. К тому же, как раз в 70-х годах были

изобретены сильно взрывчатые вещества — нитроглицерин, динамит, пироксилин. Их научились готовить дома, кустарным способом, и они сделались техническим средством борьбы народовольцев.

В августе 1879 г. Исполнительный Комитет «Народной Воли» вынес постановление все силы борьбы сосредоточить на личности царя, не отвлекаясь от этой цели другими террористическими предприятиями. Исполняя это постановление, революционеры проявляют чудеса героизма. Эта эпоха становится эпической в истории революционного движения.

Убийство царя было последним актом «Народной Воли». После этого она существовала больше по имени. Революционная борьба переходит в руки рабочего класса.

В 70-х годах появляются революционные организации, связанные с рабочим классом, кружки интеллигенции, агитировавшей среди рабочих (напр., кружок революционера Чайковского). Наконец, возникают и чисто-рабочие политические организации.

Первой такой организацией был «Южный русский союз рабочих», действовавший в Одессе и Ростове.

Второй организацией был «Северный Союз русских рабочих», во главе которого стоял Степан Халтурин.

Под влиянием этого движения появляются у нас революционеры-марксисты, видящие главную силу революции уже не в крестьянстве, а в рабочем классе. «Наши городские рабочие,—читаем мы впер-

вые в февральском № «Земли и Воли» за 1879 г., — одинаково с западными, составляют самый подвижной, наиболее удобовоспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения».

Наиболее прозорливыми революционерами настойчиво высказывается мысль о необходимости организовать рабочие массы для борьбы; возникает замысел боевой рабочей партии, т.-е. появляется идея будущего большевизма.

Биографиям вождей революционного движения этой новой эпохи будут нами посвящены следующие части хрестоматии.

1. Кто были декабристы, поднявшие восстание в 1825 г.?

2. Чем объясняется то, что декабрьское восстание было поднято дворянами-помещиками?

3. Как объясняют марксисты причины, вызвавшие декабрьское восстание?

Кондратий Федорович
Рылеев

1795 — 1826

КОНДРАТИЙ ФЕДОРОВИЧ РЫЛЕЕВ
(1795—1826).

«Чтоб я младые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил,
Под знамена свободы!
Нет, нет, тому во век
Со мною не случиться...»

К. Рылеев.

Кондратий Федорович Рылеев родился в захудалой дворянской семье в 1795 г.

Сохранилось семейное предание, что у отца К. Ф. Рылеева было и раньше несколько детей, но все они умирали маленькими. Поэтому, когда родился поэт, решено было последовать старинному русскому поверью: взять в восприемники новорожденному первого встречного; это должно было, как думали суеверные родители, сохранить жизнь младенцу. Таким образом, крестили Рылеева какой-то отставной солдат с нищей. От своего крестного отца он унаследовал и имя Кондратия.

Мирного, счастливого детства Рылеев не знал: оно было омрачено нелюбовью отца. Отец К. Ф., служивший главноуправляющим у княгини Голицыной, был

человек жестокий, грубый, деспотичный. И с женой и с маленьким сыном он обращался круто, даже бил их и запирал в погреб. Что же касается матери, то она была женщина кроткая, запуганная и обезличенная деспотизмом мужа. Мальчик в очень раннем возрасте был отдан в малолетнее отделение Петербургского первого кадетского корпуса. Вероятно, мать хотела таким образом вырвать сына из рук жестокого отца.

О жизни будущего поэта в корпусе сохранились сведения отрывочные и неполные. Известно, что он отличался задорным нравом, был шаловлив и пользовался любовью товарищей. Сохранились рассказы, что во всех проделках и шалостях Рылеев бывал всегда коноводом, за что и бывал особо строго наказываем. Часто он принимал на себя и вину товарищей.

В корпусе царила строгость и суровая дисциплина, телесные наказания были в полном ходу. Рылеева секли довольно часто, но он мужественно переносил подобные наказания, не произносил ни малейшей жалобы, ни малейшего стона и, став на ноги, опять начинал грубить офицеру. Из этого видно, что дух протеста и возмущения против гнета и насилия развился в нем рано.

Несмотря на все шалости, этот удалец и проказник учился хорошо, и в нем рано развилась любовь к чтению. Рано начал Рылеев писать стихи, но в корпусе его литературный талант ничем особенным не проявлялся, да он и не думал о литературной дороге.

Рылеев мечтал в то время о военной славе, был полон шумного патриотизма, «хотел приобщиться к числу защитников своего отечества, царя и алтарей земли нашей»... Это была естественная дань той среде, в которой воспитывался будущий декабрист, и тому патриотически-воинственному настроению, которое царило тогда в русском обществе, благодаря длительным войнам начала александровского времени.

Рылеев вышел в офицеры только в 1814 г., когда уже отшумели кровавые 12 и 13 гг. Все же ему удалось застать конец наполеоновской эпопеи и побывать за границей. Выпущенный прапорщиком артиллерийской бригады, Рылеев был отправлен в действующую армию. Ему пришлось побывать в Германии, Швейцарии и Франции; он видел Дрезден, Париж и другие западно-европейские города.

По возвращении из похода в 1815 г., Рылеев попал со своей бригадой в Воронежскую губ. Время заграничных походов было очень плодотворно для Рылеева: он столкнулся лицом к лицу с великими политическими событиями, ознакомился с жизнью просвещенного Запада, имел возможность сделать сравнение этой жизни с русской действительностью того времени и под влиянием всего этого развился и созрел.

В конце 1818 г. Рылеев вышел в отставку. К этому побудило его несколько причин, хотя, повидимому, он сделал это не без сожаления. «Если бы не обстоятельства, — писал он матери, — о которых я неодно-

кратно уже устно и письменно с Вами объяснялся, то никогда бы не подумал я об оставлении службы, которая доставляет молодому человеку такое общество, в коем, кроме образованного истинного благородства, дружеского согласия и бескорыстной друг к другу любви, он ничего не видел».

Нужно заметить, что отзыв Рылеева о товарищеской среде нельзя назвать преувеличенным: военная молодежь александровского времени была, на самом деле, передовым культурным элементом, особенно в глухой провинции, куда попал Рылеев после походов.

Но мысль, которой был дан толчок на Западе, росла, охватила все его существо и властно звала его на другое служение. С каждым днем Рылеев убеждался, что военная служба его не может удовлетворить, что не в ней дело теперь, когда России нужны честные общественные работники, когда нужно служить обществу, встать на защиту его интересов. Это была та пора, когда рассеялся кровавый туман войн, прошло увлечение Александром I и разбилась вера в искренность его свободолюбивых мечтаний и проектов. Вместо возвещенных в начале царствования свобод, в России воцарился грубый злобный Аракчеев, появились «военные поселения», и Россию превратили в сплошную казарму. Все это вызывало возмущение и протест.

Многие из лучших представителей русского общества бросали свои блестящие мундиры офицеров и надевали «скромные штатские фраки»; расставались

с вековой идеей «служения дворянства», чтобы принести, по мере сил и возможности, деятельную пользу своим ближним. Так поступил и Рылеев.

Помимо высоких целей, у Рылеева была причина и чисто личная, побуждавшая его покинуть военную службу: он задумал жениться. В Воронежской губ. он познакомился с семьей помещика Тевяшева и полюбил его дочь, Наталию Михайловну. Родители невесты поставили условием, чтобы Рылеев вышел в отставку.

После женитьбы, Рылеев переехал жить в Петербург, наезжая летами в деревню своей жены. Малороссия полюбилась ему; но жажда деятельной жизни не позволяла ему остаться в провинции навсегда; его тянуло в столицу, где он мог найти больше применения своим способностям и своей энергии.

В 1818 г. Рылеев так писал из Малороссии одному из своих приятелей.

Чтоб я младые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы!
Нет, нет, тому во век
Со мною не случиться...

В Петербурге Рылеев нашел себе гражданскую службу по душе. Благодаря тому, что у него было именьице в Петербургской губ., Рылеев был избран дворянами в заседатели Петербургского уголовного суда.

По своей службе Рылееву приходилось постоянно сталкиваться с народом и выступать защитником его интересов. Такая деятельность в высшей степени подходила к Рылееву, настроенному демократично, пылавшему желанием стать защитником угнетенных, быть другом народа, бороться с неправдой, которой было особенно много в судебном ведомстве.

Насколько усердно и энергично Рылеев отстаивал интересы народа, видно, между прочим, из воспоминаний друга Рылеева, Н. А. Бестужева (тоже декабриста), который рассказывает, что сострадание Рылеева к человечеству, нелицеприятие, пылкая справедливость, неутомимая защита истины сделали его известным в столице, и среди народа его имя и честность вошли в пословицу. Однажды военный губернатор столицы Милорадович пригрозил одному мещанину, который подозревался в каком-то преступлении и при допросе не признавался, — уголовным судом, надеясь вырвать признание. Мещанин упал ему в ноги и стал со слезами благодарить его за милость. Губернатор с удивлением спросил его, какую милость он оказал ему?—«Вы меня отдали под суд, — отвечал тот,—а там есть Рылеев, он не даст погибнуть невинному».

В 1824 г. Рылеев покинул службу в суде, перешел на службу Российско-Американской компании и пробыл там до конца своей свободы.

В Петербурге (с 1820 г.) развивается поэтический дар Рылеева. Первое же произведение Рылеева принесло молодому поэту славу и много друзей в литературном мире. Рылеев делается своим в тогдашней литературной семье. Он печатает свои произведения в журналах, в которых работали лучшие литературные силы, принимает участие в разных литературных кружках, делается членом «Вольного общества любителей российской словесности»; у самого Рылеева устраиваются литературные собрания, и на них возникает мысль об издании ежегодного альманаха «Полярная Звезда» (появился в 1823 г.), в котором было сосредоточено все то, что могла дать лучшая современная Рылееву литературная Россия.

Наиболее близким другом Рылеева был А. А. Бестужев (Марлинский), очень известный в свое время писатель. Он был близок также с поэтом Одоевским, будущим декабристом. Его связывала дружба и с Пушкиным, с которым он вел оживленную переписку.

Первое произведение Рылеева, доставившее ему сразу же славу, — ода «К временщику». Ода эта, как тогда догадывались, была направлена против всесильного Аракчеева, и появление ее свидетельствовало о величайшей смелости автора. Вот несколько отрывков из нее:

К временщику.

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!

Ты на меня взирать с презрением дерзаешь
И в гордом взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец!
Из уст твоих хула — достойный хвал венец!

. . . .
. . . .

Тиран, вострепещи! Родиться может он,
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон! [1]).
О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит...

. . . .
. . . .

... Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он, что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Все трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!..

Н. Бестужев в своих «Воспоминаниях о Рылееве» рассказывает следующее о появлении этой оды:

«Нельзя представить изумления, ужаса, даже, можно сказать, оцепенения, каким поражены были

---

[1]) Брут — римский гражданин, защитник Римской республики; принимал участие в убийстве Цезаря.

Кассий — народный трибун, один из участников заговора против Цезаря. После убийства Цезаря вместе с Брутом должен был покинуть Италию.

Катон — народный трибун; боролся против Цезаря за сохранение Римской республики. Когда понял, что пришел ей конец, лишил себя жизни.

жители столицы при сих неслыханных звуках правды и укоризны, при сей борьбе младенца с великаном. Все думали, что гром кары грянет, истребит дерзновенного поэта и тех, которые внимали ему, но изображение было слишком верно, очень близко, чтобы обиженному вельможе осмелиться узнать себя в сатире. Он постыдился узнать себя явно; туча пронеслась мимо; оковы оцепенения мало-по-малу расторглись, и глухой ропот одобрения был наградой юному, правдивому поэту. Многие не видят нравственных последствий его сатиры: но она научила и показала, что можно говорить истину, не опасаясь, можно судить о действии власти и вызывать сильных на суд народный».

Вслед за одой «К временщику» Рылеев написал ряд стихотворений и несколько поэм. Наибольшую славу Рылееву, как поэту, доставили его «Думы» и поэмы: «Войнаровский» и, неоконченная, «Наливайко».

Рылеев оставил в своих немногочисленных произведениях целую галлерею борцов за свободу, правду и справедливость. Все эти типы взяты из русской истории, как древней, так и более новой, и из истории некогда самостоятельных окраин; особенно привлекала поэта красочная Малороссия и борьба за ее освобождение.

Поэтический талант Рылеева нельзя считать очень крупным, и он сам говорил про себя, что он больше гражданин, чем поэт. И все же его поэзия находила отклик в сердцах его современников, так как отве-

чала их настроению, — а потому и имела огромный успех.

Рылеев пробуждал гражданские чувства, поэтизируя политические мотивы древней свободы, призывая своих современников к «бурному мятежу», чтобы «найти свободные права», пробуждал ненависть к игу самовластья. Рылеев с негодованием говорит об «изнеженном племени переродившихся славян, которые в роковое время позорят гражданина сан». Предназначение века, говорит он, состоит в борьбе «за угнетенную свободу человека», и те, кто этого не понимают, раскаются, когда «народ, восстав, застанет их в объятиях праздной лени» и не найдет в них граждан.

Потребность в политической свободе в среде лучшей части дворянства была жгучая. Люди томились и задыхались в атмосфере всеобщего бесправия и произвола. Естественно, что это томление по свободе и ненависть к ее душителям выразилась в организации боевых сил для уничтожения ненавистного строя.

Рылеев, еще до своего вступления в тайное общество, был вполне проникнут энтузиазмом к свободе и ненавистью к угнетению. Ему была ненавистна надменная аристократия. Сам он хотя и был дворянин, но очень далекий от всякой аристократии. Его даже и к средним дворянам можно отнести лишь с натяжкой: в родовом его именьице, в Петербургской губернии, было всего 42 ревизских души. Заложенное имение вовсе не давало дохода,—Рылеев был принужден содержать себя только своим собственным

заработком. С точки зрения родовитой знати он был совсем плебей.

Не говоря уже о влиянии идей времени, Рылеев и в личной своей жизни имел основание негодовать на знать. По смерти его отца (еще в 1814 г.), знатная и богатая барыня, княгиня Голицына, у которой он служил управляющим, пред‘явила иск за убытки, причиненные его оплошным управлением. Вследствие этого иска на дом, который приобрел в Киеве Рылеев отец и на все движимое имущество в этом доме был наложен судебный запрет. Иск Голицыной после ее смерти поддерживали ее сыновья, и дело очень затянулось. Даже накануне смерти Рылееву пришлось вспомнить об этой тяжбе.

Ненависть Рылеева к надменной аристократии нашла себе выражение в следующем факте (уже в 1825 г.). У Рылеева был родственник, офицер Чернов, человек очень скромного общественного положения. За его сестрой ухаживал аристократ Новосильцев, а потом отказался на ней жениться. Чернов, при горячей поддержке Рылеева, вызвал Новосильцева на дуэль. Дуэль эта, в которой Рылеев был секундантом Чернова, вызвала много шуму. Оба противника умерли от полученных ран. К Чернову в либеральном обществе отнеслись, как к жертве аристократии. Похороны его, на которые явилось масса народу, превратились в настоящую демонстрацию. Рылеев написал на смерть Чернова горячее стихотворение. Вот отрывок из него:

Клянемся честью и Черновым!
Вражда и брань временщикам,
Царя трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым.
Нет. Не отечества сыны,
Питомцы пришлецов надменных,
Они от нас отчуждены.
Там говорят не русским словом,
Святую ненавидят Русь.
Я ненавижу их, клянусь!
Клянусь и честью и Черновым!

Даже Пушкину Рылеев не мог простить некоторых аристократических предрассудков, которые он находил в нем. «Чванство дворянством непростительно, особенно тебе!»—писал он своему гениальному приятелю.

Демократические взгляды и свободолюбивые наклонности Рылеева нашли себе надлежащее русло с того момента, когда он стал членом тайного общества.

В начале 1817 г., вскоре после наполеоновских войн, в Петербурге образовалось первое политическое Тайное Общество. Основание ему положили гвардейцы — братья Муравьевы, князь Трубецкой и братья Муравьевы-Апостолы. К ним очень быстро стали присоединяться новые члены. Еще не были ясно определены цели «Союза Спасения», переименованного через год в «Союз Благоденствия» (так было названо тайное общество), но он неудержимо разрастался. К нему потянулись все более сознательные элементы тогдашней России—передовая военная

молодежь, представители передовой интеллигенции и литературного мира.

Но это многолюдство, а равно и различная степень сознательности его членов скоро начали вредить союзу. Учредители его понимали, что им необходимо создать крепкое, действенное ядро, выработать определенную программу общества.

Первые учредители союза и наиболее близкие члены образовали тесный круг внутри общего круга, тайное революционное общество внутри широкого и разнообразного союза.

В 1821 г., на съезде в Москве, Союз Благоденствия был объявлен прекратившим свое существование. Это не обозначало конца Тайного Общества: закрывая союз, наиболее энергичные члены имели прежде всего в виду отделаться от ненадежных элементов. Вскоре после московского съезда Тайное Общество опять начинает действовать, но уже имея не один, а два центра: один в Петербурге, а другой на юге, где было расквартировано много войск. Эти два общества получили название Северного и Южного.

Одновременно с Южным Обществом на юге России действовала третья тайная политическая организация: «Общество соединенных славян».

Южное Общество, руководимое Пестелем и Сергеем Муравьевым-Апостолом, было в своих планах политического переустройства России гораздо левее Северного Общества; оно хотело установить республиканский строй, Пестель, главный вдохновитель

общества, разработал его программу, названную им «Русской Правдой».

Второе Тайное Общество на юге — «Общество соединенных славян», основанное артиллерийским офицером Борисовым, было крайней левой группой всей революционной организации того времени. Общество состояло из бедных, демократического происхождения армейских офицеров. «Соединенные славяне» стояли гораздо ближе к народным массам, чем южане. Они правильно понимали роль народных масс в революции и вели в солдатской среде настоящую революционную пропаганду.

Северное Общество, возглавляемое вначале первыми его учредителями Н. Муравьевым и кн. Трубецким, было самой правой из трех организаций. Оба его учредителя были весьма умеренных взглядов. В основу своих конституционных проектов они клали цензовое начало, отдавая власть в руки помещиков. Реформа государственного устройства по програме Северного Общества должна была заключаться в замене самодержавия конституционной монархией с наследственным императором, который обладает верховной властью. Народное представительство выражено законодательным собранием, «народным вечем». Оно состоит из двух палат—палаты народных представителей и верховной думы. Выборы в вече двухстепенные. Избирателями могут быть только лица, обладающие значительной недвижимой или движимой собственностью. Имущественный ценз по програме Северного Общества был очень высок. Из крестьян избира-

тельными правами пользуются только собственники. Освобождение крестьян Муравьев представлял себе с чрезвычайно малым земельным наделом.

Северное Общество в целом не может быть по существу даже названо настоящим революционным обществом. Помимо умеренности своей программы, оно не собиралось действовать революционным, насильственным путем. Его тактикой было, главным образом, мирное воздействие на общество; а орудием борьбы с правительством должно было служить давление этого самого общества на правительство и постепенное вырывание у него отдельных уступок.

И как раз, в силу случайности, именно Северному Обществу первому пришлось выступать. Самой умеренной и мирной из всех революционных организаций первой четверти XIX в. пришлось первой поднять знамя восстания. И надо сказать, что выступление Северного Общества 14 декабря было совершено чрезвычайно неумело; среди вождей была полная несогласованность; они боялись воспользоваться оружием, не решались первыми двинуть восставших на врага, а выжидали и вели переговоры с правительством. Все это указывает на то, что руководители восстанием сами смотрели на него скорее как на манифестацию, чем как на революцию.

Пестель много раз пытался воздействовать на Северное Общество и повернуть его влево. Он понимал, что только при солидарности всех революционных организаций можно будет добиться каких-нибудь реальных результатов. Но это ему не удавалось: се-

веряне боялись республиканских взглядов Южного Общества опасались и властолюбия его вождя.

В начале 1823 г. в Северное Общество вступил Рылеев. В силу своего личного обаяния и дарования Рылеев в короткое время занял первенствующее место в обществе и сильно влиял на своих сообщников. Об этом свидетельствуют многие отзывы его современников и друзей. «В его взгляде, — говорит современник,—в чертах его лица виднелась одушевленная готовность на великие дела; его речь была ясна и убедительна». По словам Н. Бестужева, поэт овладевал своими слушателями «жаром простого и иногда несвязного разговора, который в отрывистых выражениях изображал всю силу мысли, всегда прекрасной, всегда правдивой, всегда привлекательной». «Я не знавал, — говорит другой его современник, — другого человека, который обладал бы такой притягательной силой, как Рылеев. Он с первого взгляда вселял обаяние. Стоило взглянуть в его удивительные глаза, чтобы всем сердцем отдаться ему. В первое же посещение я испытал на себе чарующее действие его гуманности и доброты».

Рылеев, занявший положение вождя Северного Общества, не обладал властностью, твердостью и деловитой трезвостью Пестеля, чтобы подчинить себе всецело своих сообщников и точно определить цели общества.

Северное Общество не имело такой строго определенной программы, как Южное; в него входили люди различных убеждений и политических взглядов, и лишь одно служило для всех объединяющим лозунгом — это борьба с произволом правительственных чиновников, борьба за раскрепощение русского народа и русского общества.

Большая часть северян были сторонники конституционной монархии. Рылеев принадлежал к более левой группе, он был настроен, несомненно, гораздо демократичнее, чем Трубецкой, Н. Муравьев и др., но вполне последовательным в своем демократизме он все-таки не был. Нельзя даже сказать, чтобы он был определенным республиканцем. Иногда он высказывался за республику, а иногда выражал мнение, что республика в России еще преждевременна, и что необходимо оставить царя, хотя бы и с самой незначительной властью. Чаще же всего он говорил, что вопрос о форме правления разрешит сам народ.

Рылеев писал:

«Мы вправе только разрушить то правление, которое почитаем неудобным для отечества, а потом тот Государственный устав, который будет одобрен большинством членов обоих обществ, представить на рассмотрение Великого Собора (Учредительного Собрания), как проект. Насильное же введение оного я почитал бы нарушением прав народа».

К. Ф. Рылеев вместе с А. Бестужевым писал революционные песни, которые вскоре стали достоянием солдат и вообще широких кругов. Это был

своеобразный способ революционной пропаганды. В этих стихотворениях, писанных в духе народных песен, представлялась горькая участь крестьянства, томящегося в крепостной неволе. Крепостное право, неправый суд, тяжесть налогов и повинностей, спаиванье народа — все это нашло себе отражение в этих «народных песнях».

Вот жалоба на народную неволю:

Ай и скучно же мне
Во своей стороне.
Все в неволе
В тяжкой доле
Видно век так вековать.
Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людями,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Барин с земским судом
Да с приходским попом
Нас морочат,
Да волочат
По дорогам, да судам...

Александру I, благодаря доносу, были известны замыслы декабристов, но он не предпринимал против них никаких решительных мер.

19 ноября 1825 г. Александр I неожиданно умер в Таганроге. В царской семье и в правительстве произошло замешательство по поводу замещения престола: бездетный царь оставил завещание, по которому отдавал престол не старшему после него брату Константину, а Николаю. Завещание это хранилось

в большой тайне. Сначала войска и народ были приведены к присяге Константину. Когда выяснилось, что он отказывается, предстояла новая присяга — Николаю.

Присяга эта в Петербурге была назначена на 14 декабря.

Все это, конечно, ускорило ход событий и заставило заговорщиков действовать не откладывая, хотя в сущности они не были готовы. Оба общества предполагали выступить лишь через год.

На многочисленных собраниях участники заговора решили, что в день присяги офицеры, принадлежащие к обществу, убедят свои полки и роты не присягать Николаю и выведут солдат на Сенатскую площадь. При многочисленности восставших предполагалось захватить или убить Николая и заставить Сенат выпустить манифест о созыве народного собрания. В сущности, многое, даже самое основное, неясно было и самим участникам восстания. Твердо условились только в одном: 14-го утром нужно быть на площади с возможно большим количеством солдат.

Надо сказать, что руководители декабрьского восстания, и по всей вероятности особенно Рылеев, хорошо понимали, что их дело будет проиграно, и шли на Сенатскую площадь, как обреченные. Но они понимали также, что иного выхода им нет, что нужно начать.

Накануне восстания на последнем заседании Тайного Общества Рылеев сказал: «Тактика революций заключается в дерзновении. Что из того, что мы

умрем? Своим примером мы откроем путь к свободе следующим за нами поколениям. Принесем себя в жертву будущей свободе отечества». А поэт Одоевский говорил: «Мы идем на смерть, но на какую славную смерть!» — Этими словами он выражал общее настроение товарищей.

Уже на Сенатской площади Рылеев сказал Бестужеву: «Предсказания наши сбываются, последние минуты наши близки, но это минуты свободы: мы дышали ею, и я охотно отдаю за них свою жизнь».

14 декабря на Сенатской площади разыгрались столь известные всем события. По приказу Николая I против мятежников были направлены пушки, и они скоро сделали свое дело, рассеяв восставшие части войска, руководимого членами Северного Общества, и народ, приставший к мятежникам. Декабристы ободряли солдат, но в общем в их рядах царила растерянность и несогласованность в действиях; князь Трубецкой, выбранный диктатором, не появился вовсе, и, таким образом, заговорщики оказались без главного руководителя, не знали, что им делать и простояли почти весь день на Сенатской площади в бездействии, пока их не начали расстреливать из пушек. Рылеев появился на площади на короткое время и, ужаснувшись безначалия, отправился разыскивать по городу Трубецкого и направлять на площадь другие воинские части.

К вечеру мятеж был подавлен. Вид Сенатской площади был ужасен: весь снег на ней был обагрен

кровью; лежало множество убитых и раненых. Трупами были покрыты набережные Невы и прилегающие к площади улицы.

В ту же ночь и на следующий день были арестованы все главные руководители восстания, члены Северного Общества и более 700 солдат.

Рылеев был арестован одним из первых и отвезен прямо во дворец, откуда, после допроса у царя, был доставлен в Петропавловскую крепость и помещен в 17 номер Алексеевского равелина.

В эти же дни на юге был арестован Пестель, а через две недели разыгралось южное восстание, и все участники его, члены Южного Общества и «Общества соединенных славян», были тоже отвезены в Петербург и заключены в Петропавловскую крепость, где уже томились северяне.

Началось следствие над декабристами. Николай I сам вел допросы в Зимнем Дворце и прибегал к самым хитрым уловкам опытного в таких делах следователя, чтобы вырвать у допрашиваемых признания и узнать все нити заговора.

Следствие над декабристами кладет тень на поведение «первенцев свободы». Собственные показания декабристов с несомненностью говорят о том, что они растерялись, наговорили много лишнего, выражали полное раскаяние в своих действиях, запутали и повыдавали друг друга. Очень немногие вели себя сдержанно и мужественно. Декабристы были первыми революционерами — в этом объяснение их поведения. Много прошло времени — лет около 50-ти — прежде

чем выработалось умение держать себя перед властями с полным революционным достоинством.

Николай I сумел воздействовать на чувства декабристов, надевая на себя в иных случаях маску притворства: он прикидывался так же, как они, страдающим за несчастную Россию, называл себя ее «первым гражданином» и чуть не революционером, высказывал заботу о семьях тех людей, которых он держал в казематах и которым готовил смерть, и этим, конечно, вызывал в них чувство благодарности.

Поведение Рылеева во время следствия не представляет исключения.

Так, после первого же допроса Рылеев писал царю: «Свою судьбу вручаю тебе, государь: я отец семейства». И после этих слов царь послал жене Рылеева денег, и у Рылеева ненависть к тирапу сменилась раскаянием и благодарностью. Он пишет жене: «я мог заблуждаться, могу и впредь, но быть неблагодарным не могу. Милости, оказанные нам государем и императрицею, глубоко врезались в сердце мое. Что бы со мной ни было, буду жить и умру для них». И Рылеев на допросах постепенно выдал все дела Тайных Обществ.

И тот же Рылеев открыто заявил следственной комиссии: «Я мог бы все остановить, но я наоборот, лишь побуждал действовать. Я главный виновник событий 14 декабря. Если кто-нибудь заслуживает смерти за этот день, то это, конечно, я».

Так переплетались в этом человеке такие разноречивые мысли и настроения. Декабристы были пионерами, за ними не было опыта и традиции,—и они не показали себя теми твердыми убежденными революционерами, каких не мало явилось в последующих поколениях.

Следствие и суд над декабристами продолжались 6 месяцев. Приговором верховного суда пятеро главных вождей восстания, поставленных, в виду их тяжкого преступления, вне разрядов, были приговорены к смертной казни через четвертование, замененное «монаршим милосердием» — повешением. Эти тяжкие преступники были: Кондратий Рылеев, Павел Пестель, Петр Каховский, Сергей Муравьев-Апостол и Михаил Бестужев-Рюмин.

Остальные участники обоих восстаний были разделены на несколько разрядов, по степени их вины, и были присуждены к каторге в Сибири на разные сроки или были отправлены на поселение.

12 июля 1826 г. подсудимым объявили приговор. Они выслушали его спокойно, из них смутились лишь несколько лиц.

13 июля на валу Петропавловской крепости совершилась казнь над пятью декабристами. Перед смертью, прощаясь, они пожали друг другу руки. Троим из них, и Рылееву в том числе, пришлось дважды пережить смертные муки: по неопытности палачей, они сорвались с виселицы.

Говорят, что Рылеев, подходя к виселице, произнес:

— «Рылеев умирает, как злодей. Да помянет его Россия».

Это были последние слова поэта-гражданина. И его предсмертное желание исполнилось. Россия не забыла ни Рылеева, ни других декабристов и чтит их память.

1. Какие качества Рылеева выдвинули его на роль вождя Северного Общества?
2. Что дает Рылееву право на звание поэта-гражданина?
3. Чего ждал Рылеев от восстания?

ИЗ ПОЭМЫ «НАЛИВАЙКО».

Забыв вражду великодушно,
Движенью тайному послушный,
Быть может, я еще могу
Дать руку личному врагу,
Но вековые оскорбленья
Тиранам родины прощать
И стыд обиды оставлять
Без справедливого отмщенья
Не в силах я; один лишь раб
Так может быть и подл, и слаб.
Могу ли равнодушно видеть
Порабощенных земляков?
Нет, нет! Мой жребий — ненавидеть
Равно тиранов и рабов!..

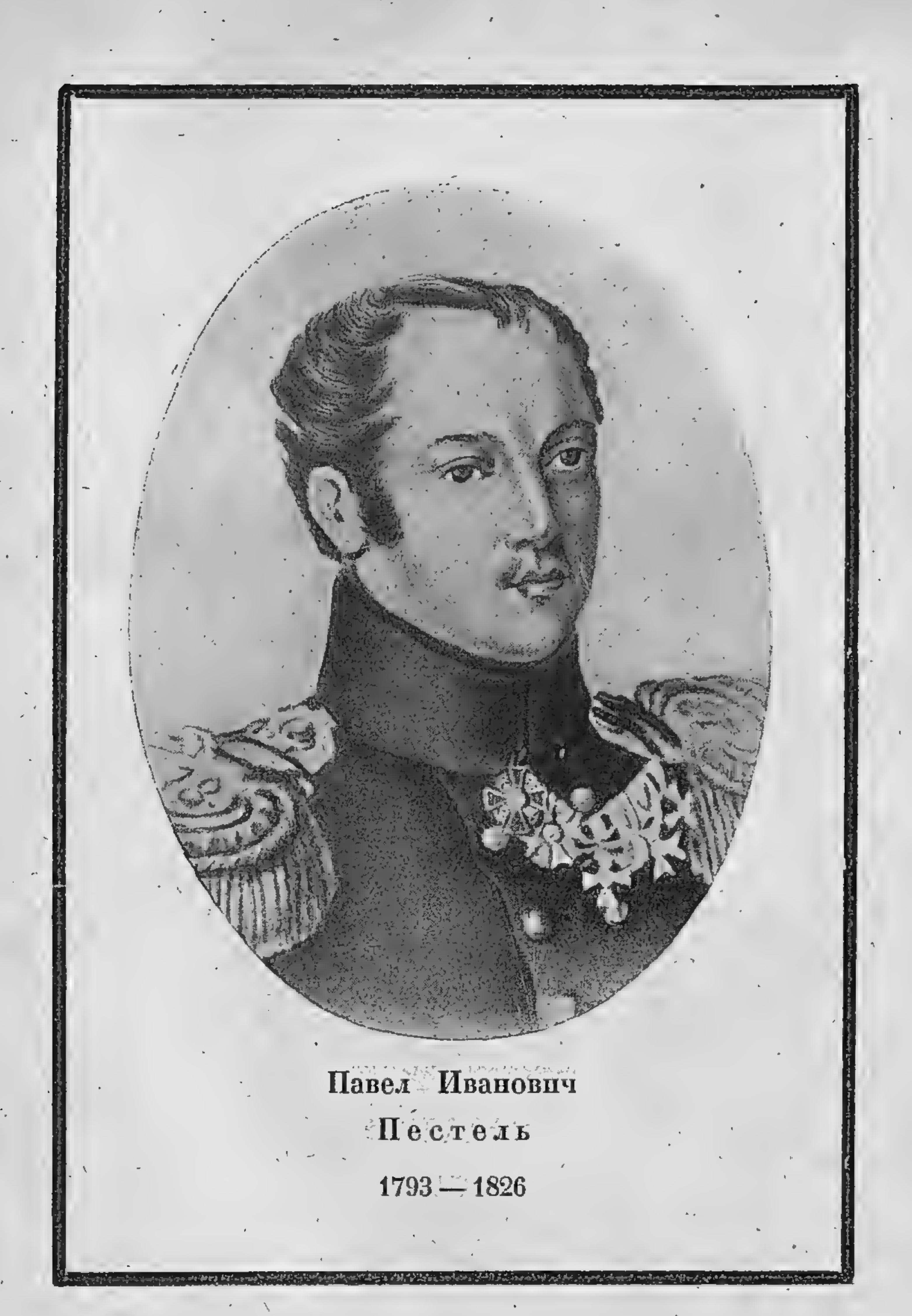
К. Рылеев.

ПАМЯТИ РЫЛЕЕВА.

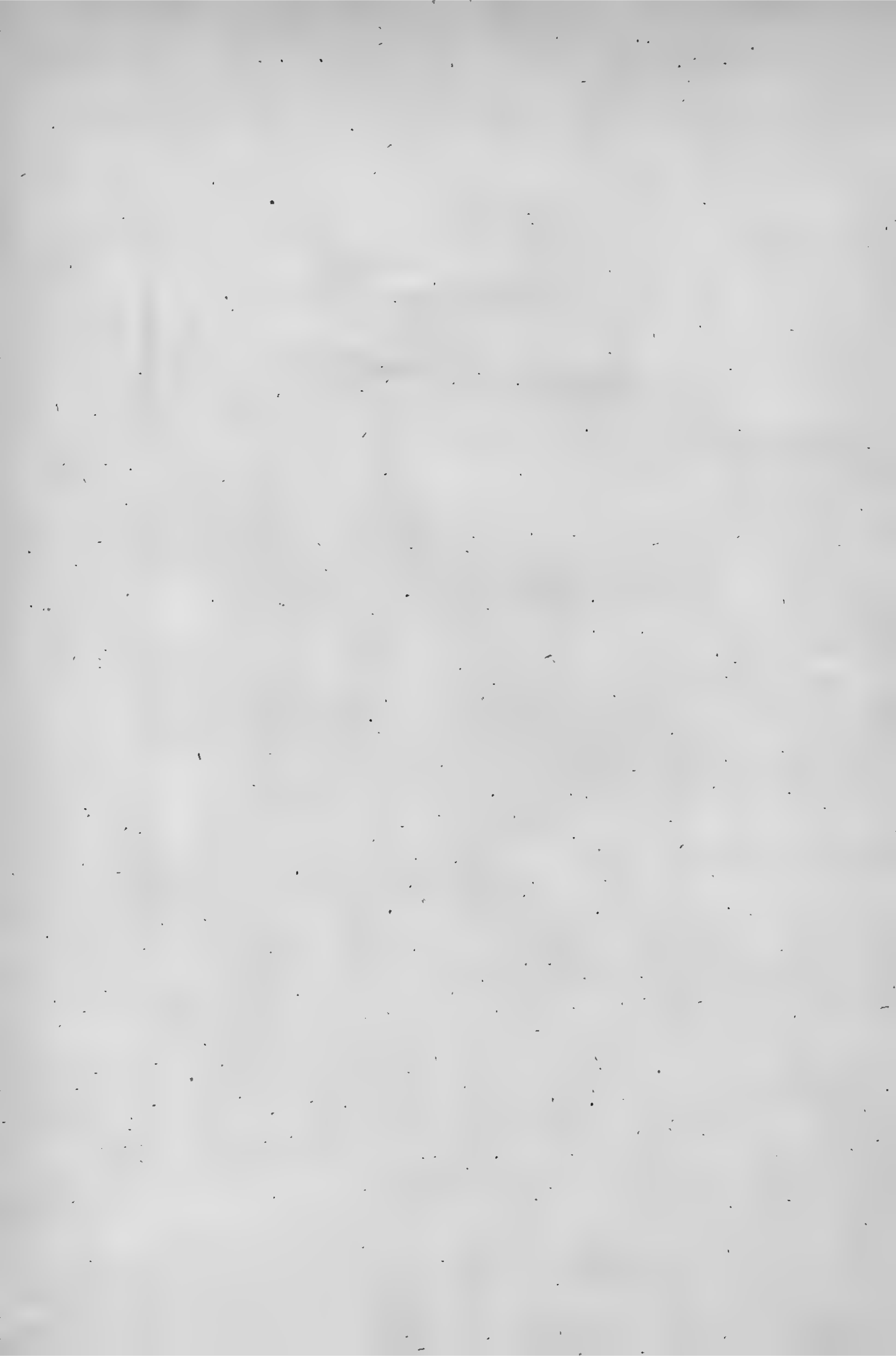
В святой тиши воспоминаний
Храню я бережно года
Горячих первых упований,
Начальной жажды дел и знаний,
Попыток первого труда.
Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов —
Могучих деятелей племя
И сеяло благое семя
На почву юную умов.
Везде шептались. Тетради
Ходили в списках по рукам,
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих свободы ради,
Таясь, твердили по ночам.
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась,
Вот пять повешенных людей...
В нас сердце, молча, содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась —
И путь означен жизни всей.
Рылеев был мне первым светом...
Отец по духу мне родной —
Твое названье в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой!
Мы стих твой вырвем из забвенья,
И в первый русский вольный день,
В виду младого поколенья
Твою страдальческую тень.
Взойдет гроза на небосклоне —
И волны на берег с утра
Нахлынут с бешенством погони,
И слягут бронзовые кони
И Николая и Петра.

Но образ смерти благородной
Не смоет грозная вода,
И будет подвиг твой свободный
Святыней в памяти народной
На все грядущие года.

Н. Огарев.

Павел Иванович
Пестель
1793—1826

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ ПЕСТЕЛЬ.

(1793 — 1826).

«Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишет ваши имена!»
Пушкин.

Павел Иванович Пестель родился в Москве в 1793 г. в богатой военно-чиновной, дворянской семье. Отец Пестеля был сибирским генерал-губернатором. Это был недалекий человек, типичный барин, живущий в свое удовольствие, занятый только своими светскими обязанностями и придворными интересами. Он даже жил в Петербурге, чтобы быть ближе к двору и не расставаться со столичными развлечениями, и управлял вверенным ему обширным краем издалека. Мать Пестеля была по своему образованию и уму одной из замечательных женщин александровского времени. Она была очень честолюбива и, горячо любя своего старшего сына, чрезвычайно гордилась им, как выдающимся человеком.

До 12 лет Пестель получал домашнее воспитание, а юношеские годы провел в Германии, в Дрездене,

где получил блестящее европейское образование. Он закончил его опять в России, в Пажеском корпусе, в привиллегированном учебном заведении для сыновей высшей придворной знати. Блестящие способности и прекрасная подготовка обращали на него общее внимание в корпусе. Выпускные экзамены в 1811 г., в присутствии Александра I, он выдержал первым и был записан на мраморную доску. После событий 14 декабря имя Пестеля было снято с этой доски.

Пестель участвовал в войнах 1812—14 годов, был тяжело ранен, получил несколько наград и золотую шпагу с надписью «за храбрость». По окончании войны Пестель был назначен в Митаву, где и провел время от 1814 — 1818 г. В 1818 г. Пестель был переведен во 2-ю армию, расположенную на юге. С этого времени Пестель провел несколько лет в м. Тульчине, Под. губ., состоя при главной квартире 2-й армии и пользуясь величайшим доверием главнокомандующего.

Двадцати семи лет Пестель был назначен полковым командиром Вятского полка. Этот полк считался самым худшим во всей южной армии. Его поручили Пестелю, так как высшее начальство южной армии признавало Пестеля одним из самых выдающихся офицеров и считало, что он сумеет водворить дисциплину в этом распущенном полку.

Пестель командовал Вятским полком вплоть до конца 1825 г., когда разыгрались события декабрьского восстания, которые кончились так трагически для самого Пестеля и для всех его товарищей-декабристов.

Таковы внешние факты жизни Пестеля. Его же внутренняя, глубоко-содержательная жизнь и его главная деятельность тесно связаны с историей русского освободительного движения александровского времени.

Освободительное движение первой четверти XIX столетия, вылившееся под конец в декабрьское восстание, возникло непосредственно после окончания войн с Наполеоном 12 — 14 годов, а рассадником и проводником революционных настроений явилась военная среда, главным образом гвардейская офицерская молодежь.

В гвардию выходили сыновья знатных, богатых дворян, получавшие прекрасное европейское воспитание, жившие по сравнению с остальным обществом более утонченной, культурной жизнью. Эта гвардейская молодежь, попав во время походов 13—14 годов за границу и столкнувшись лицом к лицу с иными формами жизни, с европейской культурой и образованностью, с легкостью впитала в себя и усвоила те взгляды и настроения, которыми жила тогда Западная Европа. А это были настроения и взгляды Великой Французской Революции, которые перевернули жизнь всей Западной Европы.

Вернувшись из заграничных походов, передовая молодежь не могла уже примириться с кошмарной русской действительностью, которая предстала перед ними во всей своей неприкрашенности, раньше ими не замечаемой. К тому же, к этому времени прошел

цыл шумного военного патриотизма; прошло восторженное отношение к Александру I, который в начале своего царствования своими лживыми обещаниями возбудил в русском обществе, цепеневшем под гнетом деспотизма Павла I, напрасные надежды на более счастливое и свободное существование. Но взамен его Россия получила Аракчеева, военные поселения и стала задыхаться в еще более крепких тисках царского произвола.

Мысль, однажды разбуженная, не могла и не хотела мириться с существующим, возмущалась, негодовала и искала выхода из того тупика, в который была загнана Россия. В лучшей части русского общества поднималось глухое брожение. И наиболее смелым и ярким выразителем этого общественного брожения была именно, как уже сказано, военная среда.

Результатом нового настроения среди офицерства явилось стремление изменить свою жизнь, сделать ее серьезнее, осмысленнее, заняться самообразованием. Праздную, светскую жизнь, пустую болтовню, танцы, карты и кутежи сменили беседы на общественные и политические темы, чтение серьезных книг, посещение лекций по вопросам экономики и политики. Военный задор и патриотизм сменились серьезной работой; появилось сознание своего долга перед народом. Представители высшего класса в России задумались над положением многомиллионного русского народа; социальный вопрос впервые встал перед ними. Офицеры естественно обратили прежде всего внима-

ние на ту часть народа, с которой они постоянно соприкасались — на солдатские массы, и они впервые увидели в солдате человека. Передовые офицеры стали заботиться о своих солдатах; облегчали им службу, улучшали материальное положение, заводили школы для солдат, вели с ними беседы, искореняли телесные наказания; словом, всеми способами содействовали просвещению солдат, развитию в них самосознания и самоуважения. А вместе с этим в солдатские массы проникало, конечно, и их революционная настроенность, так как мысли солдата, как и мысли офицера, был дан толчок; солдаты, так же как и офицеры, вынесли из заграничных походов небывалые впечатления, делали сравнения, и в них пробудилась сознательность; то, что они слышали от своих офицеров, быстро воспринималось ими.

Характеристику тогдашней гвардейской молодежи мы находим в записках известного впоследствии декабриста, поплатившегося почти пожизненным изгнанием из России за ту роль, которую он играл в тайном обществе. Этот декабрист, Николай Иванович Тургенев, пишет: «Я слышал, как люди, возвращавшиеся в Петербург после нескольких лет отсутствия, выражали свое изумление при виде перемены, происшедшей во всем укладе жизни, в речах и даже поступках молодежи столицы: она как будто пробудилась к новой жизни, вдохновляясь всем, что было самого благородного и честного в нравственной и политической атмосфере. Особенно гвардейские офицеры обращали на себя внимание свободой своих

суждений и смелостью, с какой они высказывали их, весьма мало заботясь о том, говорили ли они в публичном месте или в частной гостиной, слушали ли их сторонники или противники их воззрений.

«Тактика революции
заключается в дерзновении».
Рылеев.

Деятельность вольнодумно настроенных офицеров не ограничилась самообразованием, просвещением солдат и критикой государственного и общественного строя. Это был только первый этап революционно настроенной мысли. От него уже был близок и второй: желание перейти от слова к делу, начать борьбу за свои идеи.

Это стремление к активности вылилось в образование политических Тайных Обществ. В создании первого из этих обществ, «Общества истинных и верных сынов отечества» (или «Союза Спасения»), которое было впоследствии переименовано в «Союз Благоденствия», Пестель принял деятельное, руководящее участие.

Пестель был, несомненно, самым умным, образованным и ясномыслящим из всех декабристов. Ум его был холодный, точный, логический, настоящий ум математика. У него были обширные всеобъемлющие познания. Всякая чувствительность, которой так много было у людей его эпохи, была чужда Пестелю.

Непреклонная воля, смелая уверенность в своих силах, в своем праве на господство над другими людьми, в правоте своих воззрений, вера в силу разума и в непреложность его выводов, — таковы основные черты личности Пестеля, рано создавшие ему славу исключительного по своим дарованиям человека. К тому же Пестель отличался редким бесстрашием и хладнокровием и фанатической преданностью своему делу. А делом всей жизни Пестеля сделалась революция, так как осуществление своих политических идеалов он считал возможным только насильственным, революционным путем.

В записках современников сохранилось несколько замечательных отзывов о Пестеле.

Декабрист князь Оболенский говорит о «светлом уме», об «убедительном даре слова» Пестеля и признается, что ему «трудно было устоять против такой обаятельной личности, как Павел Иванович». Декабрист Лорер видит в нем человека «гениального», «одного из замечательнейших людей своего времени». Декабрист Басаргин рассказывает, что Пестель был «человек высокого, ясного и положительного ума», что он «излагал свои мысли с такой логикою, такой последовательностью и с таким убеждением, что трудно было устоять против его влияния».

И, наконец, мы имеем свидетельство об уме Пестеля величайшего поэта России — Пушкина. Пушкин познакомился с Пестелем в 1823 г. в Кишиневе и так записывает в своем дневнике об этой встрече: «Утро провел с Пестелем. Умный человек во всем

смысле этого слова... Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю».

Таков был Пестель, и влияние его на людей, сталкивавшихся с ним на жизненном пути, было огромно и неотразимо.

Ум и характер Пестеля выдвинули его в самые первые ряды борцов русского революционного движения александровского времени. Они создали из него в сущности главного вдохновителя, организатора и вождя, сделали его «главной пружиной», «основанием, на котором все здание было устроено».

С момента вступления Пестеля в Тайное Общество начинается его неутомимая политическая деятельность, во всю ширь развертываются его способности настоящего революционера, организатора, руководителя, конспиратора. Вся жизнь Пестеля нераздельно сливается с революционной работой. «Из всех нас,— говорит декабрист Якушкин, — он один почти в течение 10 лет, не ослабевая ни на одну минуту, упорно трудился над делом Тайного Общества».

Начало первого политического Тайного Общества положил в конце 1816 г. или в начале 1817 г. Александр Николаевич Муравьев, полковник генерального штаба, вместе с несколькими офицерами наиболее революционно настроенного Семеновского полка; это были: И. Д. Якушкин, Никита Муравьев, Илья Долгоруков, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, несколько позднее—князь Трубецкой и Пестель.

Вначале общество не имело определенного устава и программы и задавалось, главным образом, скром-

ными просветительными целями; шли также разговоры о даровании свободы крепостным крестьянам.

Вскоре в общество был введен Пестель и сразу двинул дело его образования. Пестель выработал устав и программу общества и, таким образом, оформил кружок с неопределенными стремлениями в настоящее общество с определенной политической программой и с очень сложной конспиративной организацией. Программой Пестеля было — замена самодержавия представительным правлением; конспиративность организации соответствовала серьезности революционных замыслов и заговорщицким наклонностям Пестеля. Эта задача и строгие правила тайного заговора не очень-то отвечали умеренным взглядам большинства членов-учредителей общества. Но такова была сила влияния Пестеля на людей, что они подчинились ему и приняли его план. Наладив работу общества, Пестель уехал в Митаву, а без него члены общества одумались, и вскоре «Общество истинных и верных сынов отечества» (или «Союз Спасения») закрылось, а вместо него образовалось новое общество «Союз Благоденствия» с гораздо более умеренной программой и уставом; на первый план опять были выдвинуты просветительские задачи, а политические отошли на второй план; были также изъяты все правила тайного заговора.

Пестель долго не признавал нового общества и, живя в Митаве, действовал по правилам устава «Общества истинных и верных сынов отечества». Переехав в 1818 г. на юг, в Тульчин, Пестель начал

действовать уже в качестве члена «Союза Благоденствия», но попрежнему не соглашался с его программой и вступил в союз только для того, чтобы пропагандировать среди его членов свою собственную революционную программу.

Неутомимая настойчивость Пестеля оказывала свое действие. Уже на следующий год, приехав на полгода в отпуск в Петербург, Пестель своими речами настолько увлек некоторых членов союза, что они согласились с его планом республиканского переворота путем революции. Это вновь отодвинуло на задний план их мирные задачи. Пестель склонял иногда на свою сторону людей совершенно противоположных взглядов удивительным уменьем вести спор, рассуждать и доказывать правоту своих взглядов; при этом он так искусно и осторожно ставил вопрос, что обыкновенно его противник сам приходил к желательному для Пестеля выводу и соглашался с ним. Все-таки Пестелю удалось революционизировать только некоторых членов Союза, и большинство петербуржцев осталось при прежних умеренных взглядах.

В 1821 г. «Союз Благоденствия» был закрыт. Руководители движения имели при этом в виду освободиться от нежелательных членов, а потом продолжать действия Тайного Общества с строгим соблюдением необходимых заговорщицких предосторожностей.

«Гражданские общества, а следовательно и государство, составлены для возможно большего благоденствия всех и каждого, а не для блага некоторых, за устранением большинства людей».

Пестель. «Русская Правда».

Вслед за закрытием «Союза Благоденствия», вскоре же открылось два новых политических общества: в Петербурге образовалось Северное Общество; во главе его стали Н. Муравьев, Трубецкой и позднее Рылеев. На юге, в Киевской и Подольской губ., образовалось Южное Общество; его возглавляли Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Юшневский и Бестужев-Рюмин. Конечно, главным руководителем южан сделался Пестель. Но надо сказать, что Муравьев-Апостол играл в Южном Обществе тоже значительную роль. Генерал Юшневский находился всецело под влиянием Пестеля и был исполнителем его воли, а молодой Михаил Бестужев-Рюмин, друг Муравьева, во всем следовал его примеру.

Северное Общество сохранило в общих чертах умеренную программу «Союза Благоденствия», — его лозунгами было введение конституционной монархии и освобождение крепостных крестьян. Правда, внутри Общества образовалось ядро республиканцев, демократов, но это была небольшая группа. Во главе ее

стоял Рылеев. В основу же програм Муравьева или Трубецкого были все-таки положены интересы дворянско-помещичьи и капиталистические.

Программа Южного Общества, разработанная Пестелем и названная им «Русской Правдой», отличалась глубоким демократизмом.

План государственного устройства России построен весь на идеях Великой Французской Революции. В основу его положены три лозунга: Свобода, Равенство и Братство. Пестель проникается особенно вторым — Равенством.

Политическое устройство России рисуется Пестелю в таком виде: самодержавный монархический строй заменяется демократической республикой. При полном равенстве граждан, всему народу предоставляется всеобщее избирательное право. Все равны перед законом. Уничтожаются крепостное право, все сословные преимущества.

Пестель занимается не только политическим и гражданским устройством. Преследуя идею полного «равенства граждан в целях возможно большего благоденствия всех и каждого», он охватывает и область экономическую, что для того времени было особенно смелым и необычным. Он считает нужным «установить возможность для каждого человека пользоваться необходимым для его житья», т.-е. устанавливает экономические нормы.

Пестель не доходит до отрицания собственности, но разрабатывает план «разделения земель», т.-е. частичной национализации земли. Вся земля делится на

две части: общественную и частную. «Земля общественная будет принадлежать обладанию всех и каждого для доставления всем гражданам необходимого». Но это не исключает права каждого приобретать и хранить у себя изобилие. Это изобилие будет доставлять желающим вторая часть земель — частная.

Пестель предполагал произвести все преобразования в очень короткий срок путем военного переворота и предоставления полноты власти на переходные годы реформы Временному Верховному Правлению. Во избежание возможностей возврата к старому строю, Пестель требовал истребления всей царской семьи до тла.

«В Русской Правде» необыкновенно сильно чувствовался революционный, непреклонный дух ее творца, его твердая воля и вера в правоту своих идеалов и способ их осуществления. Пестель шел напрямик, без колебаний и оглядок.

Но, несмотря на этот радикализм и демократизм, Пестель был все-таки представителем своего класса, в том отношении, что он хотел устраивать судьбу народа без его участия; даже солдатам, при посредстве которых он хотел произвести переворот, он не объяснял своих планов, оставляя их в неведении, и смотрел на них только, как на живую силу. Трудно было, очевидно, дворянину крепостной страны представить себе народ в качестве живой активной силы.

Сравнительно с большинством своих современников и даже товарищей по обществу Пестель был крайним левым. Он был последовательным республикан-

цем-демократом. Его «Русская Правда» насквозь проникнута не дворянской идеологией, а мелко-буржуазной. Напомним, что самые крайние революционеры конца XVIII — начала XIX в. были в Западной Европе выразителями стремлений именно мелкой буржуазии, так как пролетариат был развит еще весьма слабо. Многим членам Южного Общества программа, предложенная Пестелем, была вовсе не по душе. Но, как всегда, силою своего убеждения, твердостью и настойчивостью Пестель достиг своего, и его программа была принята без сокращений и изменений.

Разница во взглядах Пестеля и Муравьева или Трубецкого была все же очень велика. Последние выдвигали на первый план интересы помещичьи и капиталистические. Пестель хотел бороться, именно, против власти богатой аристократии. Деятельность Пестеля была направлена на создание в России класса мелкой буржуазии. Для своего времени, когда о пролетариате, о рабочем движении не было еще и речи, мелкобуржуазная программа Пестеля была безусловно самой крайней. История революционной мысли имеет свою эволюцию, свое постепенное движение и развитие.

Наладив работу Южного Общества, Пестель принялся с неослабной энергией осуществлять другую задачу: устанавливать тесную связь между Северным и Южным Обществами. Он хорошо понимал, что только соединенными усилиями Северного и Южного обществ можно добиться успеха. Но тут его постигла неудача.

Хотя Пестелю и удалось завербовать себе среди членов Северного Общества отдельных единомышленников, но большинству программа Пестеля казалась слишком демократичной, опасной. Кроме того, многие относились к самому Пестелю с недоверием, опасаясь его властолюбия.

Пестелю приходилось вести борьбу и с членами своего Южного Общества и общества «Соединенных славян», с которыми он очень старался поддерживать дружеские отношения. Но это была борьба иного рода. Тут Пестелю приходилось сдерживать порывы своих товарищей, преданных ему и его программе.

Некоторые из них, как например Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и др. отличались пылким и нетерпеливым нравом. С самого почти возникновения обществ они стремились перейти к делу. Пестелю несколько раз с трудом удавалось удерживать их от начала революционных действий. Своим здравым, проницательным и холодным умом он ясно понимал, что Южное Общество — слабо, что необходимо добиться его соединения с Северным Обществом, и что вообще время выступать открыто еще не приспело. Он откладывал мятеж на 1826 г.

Смерть Александра I изменила все планы революционеров. Смятение, которое она вызвала в царской семье и в правительстве, наступившее неожиданно междуцарствие вследствие неизвестности, кому присягать — Николаю или Константину, заставили северян поспешно выступить.

Кроме того, стало известно, что правительство осведомлено о деятельности всех обществ и все равно все будут схвачены. Заговорщики решили выступить и погибнуть со знаменем революции в руках.

14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Петербурге декабристы подняли знамя восстания.

Восстание декабристов потерпело неудачу. Оно было подавлено в тот же день. Слишком неподготовлены были еще декабристы, и с первых же шагов в рядах их вождей была полная несогласованность и растерянность.

Пестель был прав, когда предостерегал своих товарищей от поспешных выступлений.

Одновременно с разгромом Северного Общества начался разгром и Южного. Первым пострадал Пестель. Понимая, что дело близится к развязке, Пестель успел во время принять меры, чтобы скрыть свои бумаги: «Русская Правда» была зарыта в землю недалеко от Тульчина, в селе Кирнасовке.

Через несколько дней после сокрытия «Русской Правды» Майборода, капитан Вятского полка, принятый Пестелем за год перед тем в Общество, сделал на него донос. В ночь с 13 на 14 декабря Пестель был арестован. Он успел обещать товарищам никого и ничего не выдавать.

На первом же допросе Пестель увидел, что следователи знают уже все главное о Тайном Обществе и заговоре, но на все вопросы ответил незнанием. «Никто из членов Тайного Общества мне не известен», писал он в своих письменных ответах;

«не имея никакого понятия об упоминаемом Тайном Обществе, ничего не могу объяснить о средствах, им придуманных». «Я никаких законов не писал, и потому главные черты о них объяснить не могу».

3 января 1826 года Пестель был привезен в Петербург и помещен в Петропавловскую крепость.

С Пестеля был снова снят допрос, и, увидев из вопросов, что следственная комиссия знает уже все подробности заговора, Пестель сделал полное признание. «Показания Пестеля исполнены благородства, простоты и глубокого сознания своей правоты. В них он ни перед кем не заискивает, ни в чем не раскаивается и старается, насколько это возможно, всех членов Общества оправдать. Даже следователи, так усердно грязнившие декабристов, про Пестеля должны были сказать, что он отвечает с видимой гордостью и с каким-то самомнением». Так рассказывает про Пестеля один из декабристов. Однако, в конце мужество, проявленное Пестелем во время следствия, изменило и ему, и он обратился к правительству с покаянным письмом.

Участников декабрьского восстания постигла суровая кара. Николай I жестоко отплатил им. Пятерых «преступников вне разряда» верховный суд приговорил к смертной казни.

Из этих пяти человек непосредственное участие в восстаниях принимали четверо. Рылеев был главным вождем восстания 14 декабря. Каховский был предназначен крайней группой Северного Общества, вопреки основной программе общества, к цареубийству, и хотя не привел в исполнение свой замысел,

по нанес смертельный удар петербургскому военному губернатору. Муравьев-Апостол был предводителем возмущения на юге. Бестужев-Рюмин тоже участвовал в восстании южан и сам вызывался на цареубийство. Эти четыре человека принимали активное участие в восстаниях, были взяты с оружием в руках.

Иначе было с Пестелем. Пестель не принимал непосредственного участия ни в северном, ни в южном восстании. Но Николай I и верховный суд ставили Пестеля на первое место среди первых пяти «преступников вне разрядов». Они считали его самым опасным и злейшим преступником, хотя среди обвинений, предъявленных ему, и не было самого важного— личного участия в мятеже.

Царь понимал, как понимали это и члены Тайного Общества, что Пестель был главою революционного движения, что он был «первейшею пружиной» Тайного Общества, «основанием, на котором все здание было устроено».

Когда Пестель выслушал свой приговор в Сенате и вернулся в крепостной каземат, он был спокоен. «Я даже не расслышал, что хотят с нами делать, но все равно, только скорее», сказал он.

Пестель и его товарищи были казнены в Петропавловской крепости 13 июля 1826 года.

1. Почему Николай I и суд считали Пестеля самым опасным из всех декабристов?

2. Какие качества Пестеля давали ему право на роль «главной пружины»?

3. Почему восстание декабристов потерпело неудачу?

Сергей Иванович
Муравьев-Апостол
1796 — 1826

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ
(1796—1826).

«Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы».

Пушкин.

Сергей Иванович Муравьев-Апостол родился в Петербурге в 1796 г.

Его отец был чрезвычайно умный, европейски образованный и свободомыслящий человек. Он занимал при Екатерине II и Павле I крупные посты. При Александре I он попал в немилость, вышел в отставку и доживал свой век в своей деревне, в Полтавской губернии, занимаясь науками и литературой.

Сергей Иванович и его брат Матвей Иванович провели свои детские и отроческие годы за границей; сначала в Гамбурге и Мадриде, где отец их был посланником, потом в Париже, куда они были отправлены учиться, так как в Испании не было хороших школ. В Париже оба брата получили превосходное образование. Особенно выделялся в среде товарищей даровитый Сергей; он учился блистательно и был общим любимцем в школе.

В 1809 г. оба брата, которых соединяла самая нежная дружба, в сопровождении матери вернулись в Россию.

Родители воспитывали сыновей в чувстве любви к родине, при чем тщательно скрывали от них существование крепостного права, опасаясь разлагающего влияния рабства на неустановившиеся еще характеры юношей. Братья восторженно ждали первого знакомства с родиной. Подъезжая к границе, мать рассказала сыновьям, что они столкнутся в России с одним ужасным явлением, о котором они не имели никакого представления за границей: они увидят крестьян-рабов.

Это сообщение потрясло Сергея Муравьева. А то, что ему пришлось увидеть, войдя в русскую жизнь, толкнуло его на революционный путь и сделало вскоре убежденным революционером.

Приехав в Россию, С. И. Муравьев поступил в петербургский институт путей сообщения. По окончании института, Муравьев в 1812 г. вступил в армию. Он принял участие в Бородинском сражении, совершил кампании 12 и 13 года, участвовал во всех замечательных сражениях и получил золотую шпагу за храбрость.

По окончании наполеоновских войн, в 1815 г., Сергей Муравьев был переведен в лейб-гвардии Семеновский полк.

С этим годом и с Семеновским полком связано начало революционной деятельности С. Муравьева-Апостола.

В 1815 г. офицеры Семеновского полка, в котором служили Сергей и Матвей Муравьевы, неудовлетворенные пустой светской жизнью, составили «артель», клуб для чтения иностранных газет и для бесед по вопросам современности, в особенности по вопросам русской жизни.

«Закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторгой; повсеместное лихоимство, грабительство, и, наконец, явное неуважение к человеку вообще», вот вопросы, которые волновали молодых офицеров, по словам одного из членов этой военной артели — будущего декабриста И. Д. Якушкина.

По приказанию Александра I артель была закрыта. Тогда С. Муравьев задумал оставить военную службу, так как никакая опасность не грозила отечеству, а ненужная муштровка да шагистика, парады и разводы не могли удовлетворять его. Он решил уехать за границу и поступить в университет, но отец воспротивился его намерению. Интересуясь больше всего политико-экономическими науками, С. Муравьев, вместе с группой офицеров, в которую входили его брат Матвей, Никита Муравьев, князь Трубецкой, Якушкин, слушали в Петербурге лекции по политическим и экономическим наукам. Но Александр I запретил и это.

Знакомство с этими науками вызывало еще более строгую и сознательную критику существующего строя. Молодые офицеры собирались часто в казар-

мах Семеновского полка, где жили братья Муравьевы-Апостолы, и, разбирая «главные язвы нашего отечества», поддерживали друг в друге недовольство и возбуждали желание собственными силами исправить существующее зло.

Так создалось первое тайное общество «Союз спасения» или «Истинных сынов отечества», цель которого в обширном смысле была благо России. Введенный вскоре в общество полковник Пестель, отличавшийся наиболее ярко выраженной революционностью и трезвым и положительным умом, написал устав и программу общества. Задачами первого общества были введение монархического конституционного правления, освобождение крестьян и просветительная деятельность.

Особенно энергично шла в первое время существования общества именно просветительная деятельность среди солдат. Она же, конечно, способствовала распространению среди них революционных идей.

Так генерал Орлов окружил себя группой радикально настроенных помощников, усердно проводивших в жизнь его программу, устроил в частях, которыми командовал, школы грамоты с весьма обширной программой, решительно запретил применять к провинившимся солдатам телесное наказание и строго преследовал офицеров, нарушавших этот запрет. Генерал фон-Визин совершенно искоренил в своих полках телесное наказание и тратил на улучшение материального положения солдат большие суммы из собственных средств. Некоторые офицеры Семенов-

ского полка тоже отменили в своих батальонах и ротах телесное наказание и беседами, уроками грамоты содействовали просвещению солдат, развитию в них самосознания и самоуважения, а это было лучшим средством пропаганды свободолюбивых стремлений в солдатской массе.

С. Муравьев проводил все время в казармах, посвятив себя исключительно заботам о солдатах своей роты. Оба брата были, как говорит один из их современников, «идолами полка своего».

В 1820 г. в судьбе С. Муравьева произошел внезапно переворот, не мало содействовавший тому, что этот кроткий на вид человек сделался, по выражению одного современника, «исступленным революционером». Впрочем, со времени образования Общества Муравьев заметно и сильно левел, под давлением все усиливавшейся правительственной реакции и под влиянием Пестеля, который от мысли об ограниченной монархии вскоре перешел к мысли о республике и цареубийстве.

Семеновским полком командовал мягкий и гуманный ген. Потемкин, сочувственно относившийся ко всем человеколюбивым начинаниям своих офицеров. Его сменил полковник Шварц, человек грубый, невежественный и жестокий, назначенный с целью «подтянуть» полк и принявшийся за это дело с большим рвением.

Жестокость полкового командира привела к бунту семеновцев. Сергей Муравьев, командовавший 3 ротой, уговаривал своих солдат разойтись, но возбуждение солдат было так велико, что их не могли

остановить слова любимого командира: «В продолжение четырехлетнего командования я заслужил вашу доверенность и любовь, не губите себя и меня вместе!»

Бунт был вскоре подавлен. Сначала солдат отправили в Петропавловскую крепость, а потом весь полк был раскассирован: и солдаты и офицеры были распределены по полкам провинции.

Следствие над семеновцами не открыло, принимали ли участие в бунте члены Тайного Общества, но несомненно, что бунт был результатом пропаганды офицеров.

Вскоре после бунта семеновцев, в казармах Преображенского полка были найдены прокламации. Автор их остался не открытым, но многое говорит за то, что написаны они были С. Муравьевым. Язык прокламаций очень похож на язык «Православного катехизиса», написанного позднее Муравьевым. Ему, конечно, было хорошо известно, что солдаты Преображенского, а также Московского, Лейб-гренадерского, Егерского и др. полков сочувствовали семеновцам, и настроение у них было таково, что поднять их было нетрудно. Возможно, что пылкий и нетерпеливый С. Муравьев решил воспользоваться волнением в Семеновском полку и поднять другие полки гвардии, для чего и составил прокламацию.

Прокламация начинается обращением семеновцев к преображенцам с просьбой притти им на помощь. Автор указывает, какие бедствия и притеснения испытывают солдаты и народ: крестьяне угнетены пода-

тями, помещики продают их, заставляют работать на себя шесть дней в неделю и лишают просвещения. Солдаты подвергаются ужасным наказаниям и унижениям, между тем, как они составляют всю силу своего отечества. «Царь никто иной, как сильный разбойник» и своего подданного «грабит, и великая милость, если ограбленного оставят живого». «Граждан гоняли к присяге, в признании государем Александра, но присяга сия невольная, а потому бог от народа оную не приемлет». Царь—причина всех бедствий, и солдаты виноваты сами в том, что по своей слабости терпят власть царя. «Взамен государя должны заступить место законы, которые отечеством за полезное будут признаны. По таковым народ должен управляться чрез посредство начальников. Выбор начальников следует основать на беспристрастных законах». «Не знать той важной причины, от которой жизнь людей безвременно отнимается, значит не иметь разума; вам бог дал разум, и вы по своему разуму должны оберегать жизнь свою и отечество, и не разумом тиранов управлять собою; но следует истреблять врага и в руки им не отдаваться, а злодеев в руках у себя должны держать крепко».

Подбрасывали солдатам и другие подобные прокламации.

«Взамен государя должны заступить место законы, которые отечеством за полезные будут признаны».

Из прокламации, приписываемой С. Муравьеву.

Сергей Муравьев был переведен из Семеновского полка на юг, в Васильков, в Черниговский пехотн. полк.

В это время на юге шла очень энергичная тайная политическая работа, благодаря кипучей деятельности Пестеля. «Союз Благоденствия», сменивший «Союз Спасения», распался, и вместо него образовалось два политических Тайных Общества: одно Северное, в Петербурге, другое Южное, центром которого сделалось местечко Тульчин, Подольской губ. В Северном Обществе главными деятелями были Н. Муравьев и кн. Трубецкой. Программа Северного Общества была приблизительно такая же, какой была программа Союза Благоденствия,—умеренно либеральная, требования—монархически-конституционные. Правда, с 1823 г. в Северное Общество вступил Рылеев, убежденный демократ; сделавшись скоро вождем, он сильно революционизировал общество, и внутри его образовалась ячейка, желавшая проводить республиканские принципы и проповедовавшая необходимость свержения монархии и цареубийства. Но большинство северян относилось к этому плану несочувственно, и явно общество оставалось при первоначальной программе.

Южное Общество отличалось более крайними взглядами. Вождем его был Пестель, несокрушимый респу-

бликанец, основывавший все свои политические взгляды на требованиях Великой Французской Революции.

Пестелем была написана программа Южного Общества, названная им «Русской Правдой». Надо сказать, что и в Южном Обществе не все были безусловными сторонниками взглядов Пестеля. Но этот человек обладал необыкновенной внутренной силой и подчинял себе людей.

Приехав на юг, С. Муравьев весь отдался интересам Тайного Общества и заботам о солдатах своего батальона. В Черниговском полку он заслужил вскоре такую же любовь и уважение солдат, как это было в Семеновском.

Вскоре захолустный Васильков, где жил С. Муравьев, стал центром кипучей деятельности наиболее активной группы; главой этой группы и сделался Муравьев. На ряду с Пестелем, С. Муравьев занял в Южном Обществе место главного руководителя. Эти два человека были, несомненно, самыми даровитыми и влиятельными лицами в обществе, хотя и были полной противоположностью друг другу.

Пестеля называли головой Южного Общества, С. Муравьев был его душой. Пестель был организатором, составителем программы, «планщиком», как называли его товарищи, распределителем сил, учитывающим все условия и возможности. Муравьев был вдохновенным претворителем его планов в действие, он был пульсом общества, он был его движущей силой. У Пестеля был большой ум, холодный, рассуждающий. Пестель подчинял все доводам рассудка.

У Муравьева тоже был большой ум, но преобладал и руководил его поступками пылкий, нетерпеливый нрав. Он не умел размышлять и рассчитывать, как Пестель, а весь горел революционным энтузиазмом. Пестеля уважали, но слегка боялись за его холодность, надменность и властолюбие. Сергея Муравьева любили горячо, искренно, преданно. В Пестеле ценили, главным образом, его ум, а в Муравьеве — его сердце. «Его прекрасные свойства приобрели ему всеобщее уважение и любовь всех знавших его», пишет об нем один из его товарищей. У Муравьева, по словам другого члена общества, «был возвышенный и чистый характер, светлый и образованный ум, нежное расположение к людям».

Насколько сильно действовала на людей светлая личность С. Муравьева, ярче всего показывают слова одного из его товарищей на следствии по делу декабристов: «Страдание отрадно, ибо страдаю с другом человечества (т. е. Муравьевым), который для общего блага не щадил не только своего имущества, но даже жизни».

С. Муравьев и Пестель ценили и уважали друг друга. Для общества они были, наверное, даже удачным сочетанием двух типов вождей-революционеров: рассудочного и темпераментного. Но дружбы и симпатии между ними быть не могло. Несомненно, Муравьев был обязан именно Пестелю развитием и углублением своего революционного миросозерцания; но его горячей, стремительной натуре была нестерпима холодная осмотрительность Пестеля. Уверовав в необходимость революции, Муравьев горел одной

мыслью начать ее немедленно. Пестель был не менее Муравьева уверен, что единственный правильный путь — это революция, но считал, что к ней нужно основательно подготовиться. Ему приходилось неоднократно сдерживать пыл Муравьева и его не менее нетерпеливого друга Бестужева-Рюмина и бороться с их преждевременными попытками поднять восстание. На первом плане у Муравьева всегда стоял вопрос о начале революции, и он все время рвался вперед, составлял невероятные планы захвата царя. Пестель с трудом удерживал его.

В своем увлечении Муравьев искренно преувеличивал силы Южного Общества, но иногда, повидимому, делал это и нарочно, чтобы сильнее воздействовать на новых членов или на тех, кого он хотел привлечь к обществу.

Так было с обществом «Соединенных Славян», которое стараниями Муравьева и Бестужева было присоединено к Южному; этим действительно значительно усилилась мощь общества.

На юге, кроме Южного Общества, была еще другая политическая организация: «Общество соединенных славян». Члены Славянского Общества, большею частью бедные армейские офицеры, владетели ничтожного количества крепостных или и вовсе беземельные, были демократичнее по своим воззрениям, чем члены Южного Общества, и на этой почве оба общества долго не могли столковаться. Но в конце концов красноречие и энтузиазм Муравьева сделали свое дело: славяне присоединились к южанам и при-

знали Муравьева своим вождем и руководителем во всех предприятиях.

Разница во взглядах обоих обществ выражалась вот в чем:

Муравьев и Пестель были республиканцами; по современным понятиям и терминологии, они были типичными защитниками мелко-буржуазных интересов. Новый государственный строй России, созданный по «Русской Правде», должен был бы вылиться в форму буржуазной республики. Это видно из той части програмы Пестеля, которая разрабатывает земельный и крестьянский вопрос. Пестель стремился разрушить класс крупных земельных собственников, помещиков, «аристократию богатств», как он называет его. Взамен помещиков, Пестель хотел создать класс мелких собственников. Народное представительство по «Русской Правде» должно было быть выражено в форме двухстепенных выборов, что, конечно, противоречит истинному демократизму. Наконец, вожди Южного Общества считали, что народ находится в положении детей, которыми нужно руководить. Они хотели устраивать судьбу народа, а не предоставить ему самому устроить ее по своему желанию. Они находили опасным открывать солдатам, силами которых они все же хотели произвести революцию, настоящие цели общества. Например, они не говорили им о плане цареубийства и других задачах. Пестель воздействовал на солдат главным образом дисциплиной, которая была для них так привычна, С. Муравьев воздействовал на солдат рели-

гией. В этом духе был написан «Православный катехизис» С. Муравьева, сочиненный им для солдат. Ведя пропаганду в солдатских массах, все члены Южного Общества особенно обходили молчанием вопросы экономические, которые являются руководящими в развитии революционного миросозерцания

«Славяне» были истинными демократами. Они стремились к настоящей демократической республике. Они даже собирались производить революцию не в узком национально-русском, а в обще-славянском масштабе, на что указывает само название общества. Конечной целью «Соединенных Славян» было создание единой славянской федерации, которая должна была объединить все славянские племена. «Славяне» считали нужным открывать солдатам все цели общества, вводить их постепенно в члены и вообще подготовлять их к сознательному отношению к делу революции. Они стояли ближе к народным массам и верили в народ и в его здравый смысл. «Славяне» с энергией занимались пропагандой среди солдат. В противоположность остальным декабристам, многие «Славяне» были атеистами.

Разыгравшиеся в декабре 1825 г. события показали, как правы были славяне, и как ошиблись члены Южного и Северного Обществ, желавшие держать солдат в неведении того, что должно было совершиться при их же помощи.

Настоящая революционность «Соединенных Славян» сказалась еще в их действенности, в их постоянной готовности к боевому выступлению. Эта

боевая революционная готовность отличительная черта «Славян». Она выражается менее ярко у южан и почти не заметна у северян, хотя именно северянам-то и пришлось выступить первыми. Но выступление северян 14 декабря носило больше характер демонстрации, чем настоящего боевого выступления. Декабристы северяне на Сенатской площади держались выжидательной тактики, готовы были вести переговоры с правительством. Вожди шли на Сенатскую площадь, как обреченные, готовые геройски принять смерть; но не было в них надежды на возможность победы, не было в них настоящего революционного подъема, боевого темперамента.

Зато этот боевой пыл был у «Славян», когда они с оружием в руках поднялись на правительственные войска. На юге события разыгрались следующим образом:

14 декабря 1825 г. члены Северного Общества подняли восстание в Петербурге. Накануне этого знаменательного дня Пестель был арестован в Тульчине и увезен в Петербург. «Русскую Правду» и другие важные документы общества ему удалось еще раньше скрыть, зарыв в землю под Тульчином. Правительство знало уже о существовании обоих обществ и их деятельности, благодаря доносу унтер-офицера Шервуда, награжденного за это именем Шервуда-Верного, но заклейменного потомством именем «предателя». Только по какой-то необъяснимой причине Александр I медлил с разгромом обществ; он умер, не успев раз-

делаться с революционерами. Эта задача перешла по наследству, вместе с престолом, к Николаю I.

С арестом Пестеля, вся полнота власти в Южном Обществе перешла к Сергею Муравьеву. Весть о поражении северян заставила его приступить к действиям. Он пытался привлечь к делу поляков, но это ему не удалось, так что южанам пришлось действовать одним.

Во время сборов к восстанию, Сергей Муравьев, его брат Матвей и некоторые другие из видных членов общества были неожиданно арестованы. Но офицеры, принадлежавшие к обществу «Соединенных Славян», получив эту весть, пошли с оружием в руках освобождать своих товарищей. 29 декабря им удалось освободить арестованных.

Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин стали во главе части Черниговского полка и решились поднять солдат дружественных полков, чтобы потом соединиться со «Славянами».

Поход черниговцев продолжался несколько дней. 30 декабря восставшие были в городе Василькове. Там к ним присоединились другие роты полка, и город один день был в их власти. Перед отправлением в поход из Василькова Сергей Муравьев-Апостол заставил полкового священника отслужить молебствие и прочитать составленный им «Православный катехизис». В этом катехизисе он старался доказать словами библии, что цари—враги народа и что бог велит бороться с ними. В деревнях крепостные крестьяне желали восставшим всякого успеха, многие местности были охвачены мятежным настрое-

нием. Муравьев-Апостол имел в виду, что к нему присоединятся другие полки. Но этого не произошло.

3 января 1826 г. недалеко от Белой Церкви восставших встретили правительственные войска. Произошел неравный бой, и здесь, как и в Петербурге, все дело решила артиллерия. Муравьев пошел прямо на орудия, но был встречен картечью. Его ряды расстроились. Сам Муравьев был тяжело ранен картечью и сабельным ударом в голову и упал без чувств на землю. Он очнулся уже тогда, когда его взяли в плен. Офицеры вели себя мужественно — некоторые были убиты, другие сами покончили с собой, чтобы не отдаваться живыми в руки врагу. Покончил с собой и младший брат Сергея Ивановича, Ипполит, только что приехавший из Петербурга.

В конце января больного и слабого С. Муравьева привезли в Петербург и поместили в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где были заключены наиболее важные преступники.

Показания Муравьева на допросах были исповедью его убеждений. Он откровенно говорил о себе, ничего не скрывая и не раскаиваясь. Ни допросы, ни тягости заключения, ни болезнь не сломили его твердости: он до конца остался верен себе. Он не надеялся, что избежит смерти, и спокойно ждал приговора. Муравьеву дали свидание с отцом. Увидев сына в забрызганном кровью мундире, отец сказал, что пришлет ему другое платье. «Не нужно, — отвечал С. Муравьев,—я умру с пятнами крови, пролитой за отечество».

Верховный уголовный суд признал С. Муравьева одним из главных виновников восстания. Все члены Тайных Обществ были разделены на одиннадцать разрядов, сообразно степени вины каждого из них. С. Муравьев, вместе с Пестелем, Рылеевым, Каховским и Бестужевым-Рюминым, был поставлен вне разряда и приговорен к смертной казни.

Твердость духа Муравьева была поразительна. Всю ночь перед казнью Муравьев утешал и ободрял своего друга, 23-х-летнего Михаила Бестужева-Рюмина, который не ждал смертного приговора и не мог примириться со смертью. На пути к месту казни он продолжал утешать его и просил у него прощения за то, что погубил его.

Взойдя на помост, приговоренные пожали друг другу руки. Последним крепким рукопожатием Сергей Муравьев обменялся с Пестелем.

Остальные декабристы были отправлены в Сибирь на каторгу и в ссылку. Перед отправкой над офицерами произвели обряд разжалования. Их ставили на колени и заставляли выслушивать приговор. После прочтения приговора над головой каждого ломали шпагу, а эполеты, ордена и мундиры срывали с них и бросали в огонь. После этого осужденных облекли в каторжные халаты.

Солдаты были отправлены на Кавказ, где и сложили свои головы в боях с горцами.

---

1. Почему С. Муравьева называли душой, а Пестеля — головой Южного Общества?

2. Чем отличалось поведение С. Муравьева на допросах, в тюрьме и после приговора от поведения других осужденных?

* * *

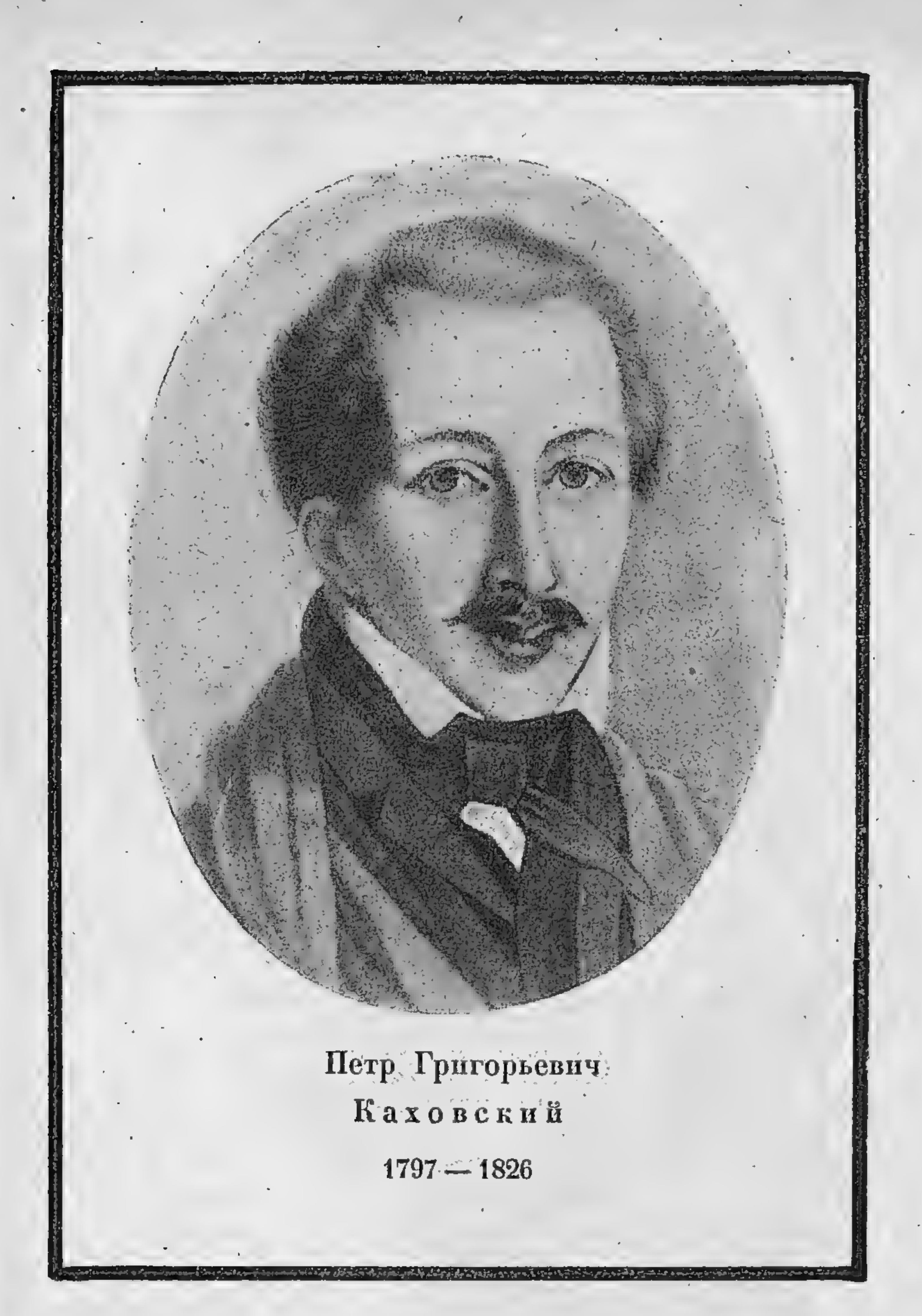
Отечество наше страдает,
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.
Свобода, свобода!
Ты царствуй отныне над нами.
Ах, лучше смерть, чем жить рабами:
Вот клятва каждого из нас.

Франц. революционная песня.
Перев. полк. Катениным.

ПЕСНЯ.

Что не ветер шумит во сыром бору —
Муравьев идет на кровавый пир.
С ним черниговцы идут грудью стать,
Сложить голову за Россию-мать!
И не бурей пал долу крепкий дуб,
А изменник-червь подточил его.
Закатилася воля — солнышко —
Смерти ночь легла на поле бранное...
Как на поле том бранный конь стоит;
На земле пред ним витязь млад лежит.
«Конь мой, конь! скачи в святой Киев-град;
«Там товарищи, там мой милый брат.
«Отнеси ты к ним мой последний вздох
«И скажи: цепей я нести не мог
«Пережить нельзя мысли горестной,
«Что не мог купить кровью вольности!».

А. Бестужев.

Петр Григорьевич Каховский

1797 — 1826

ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ КАХОВСКИЙ

(1797—1826).

«Но тот, кто с сильными в борьбе
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себе,
Готов всем жертвовать народу,
Против тиранов лютых тверд,—
Он будет и в цепях свободен,
В час казни правотою горд,
И вечно в чувствах благороден».

Рылеев.

П. Г. Каховский занимает среди декабристов совершенно особое место. Он выделяется и по той роли, которая была ему предназначена в восстании 14 декабря 1825 года, и по тому положению, которое он занимал среди своих единомышленников, и, наконец, а может быть и главным образом, по всему складу своего характера.

Каховский стоит особняком в галлерее портретов декабристов. А между тем, он был очень типичным революционером своего времени. В нем удивительно ярко и выпукло отразились все те мысли и чувства, которые волновали лучших людей царствования Але-

ксандра I. Но, может быть, именно потому, что эти настроения и взгляды владели Каховским слишком сильно, он становится непонятным и чужим своим же единомышленникам, вызывает в них чувство неприязни, временами даже отвращения. А между тем, среди декабристов, Каховский, был одним из наиболее преданных делу революции, был всех решительнее, искреннее и самоотверженнее.

В этой отчужденности и непонятости и заключается главный трагизм судьбы Каховского.

Скудны данные о внешней жизни Петра Григорьевича Каховского.

Каховский родился в 1797 г. в Смоленской губернии. Ни о семейной обстановке, его окружавшей, ни о его родителях не сохранилось никаких сведений. Известно только, что ко времени вступления Каховского в общество декабристов, родителей его уже не было в живых. У Каховского был брат; но, повидимому, он был с ним в самых холодных отношениях, и брат не проявлял никакого интереса к его судьбе, даже когда Каховский был заключен в Петропавловскую крепость.

От родителей братьям Каховским досталось небольшое, совершенно разоренное имение с 30 душами крестьян. Каховский постоянно нуждался и, вступив в общество декабристов, был не раз вынужден брать в долг у Рылеева. Это обстоятельство клало какой-то особый отпечаток на отношения Ка-

ховского с Рылеевым, хотя они и считались приятелями. Бедность невольно унижала его и отчуждала от других декабристов, большинство которых было из богатой, аристократической среды.

Кроме брата, у Каховского не было других родственников. Когда Каховский был заключен в крепость после декабрьского восстания, об нем никто не заботился, не хлопотал за него; Каховский был единственный из декабристов, который никому не писал, ни с кем не получал свиданий. Это был на редкость одинокий, заброшенный человек.

Школьные годы Каховского протекли в Москве, в пансионе при московском университете. Об его школьных годах не сохранилось почти никаких сведений. Известен только один случай из детства Каховского, рассказанный им самим.

Каховский учился в пансионе в 1812 г., когда французы вступили в Москву. Пансион разбежался, и Каховский остался один, где-то на квартире. В этом доме поселились французские офицеры. Когда они ходили на добычу, то брали мальчика с собой. Однажды они приобрели несколько склянок разного варенья. Нужно было их откупорить. За это взялся Каховский, но как-то неосторожно засунул палец в горлышко склянки и не мог его вытащить. Французы смеялись и спрашивали, как он освободит свой палец. «А вот как», сказал мальчик и, размахнувшись, разбил склянку об голову одного француза. Его поколотили за эту дерзость и выгнали.

Это приключение из детства Каховского интересно тем, что в нем уже вырисовывается одна очень важная черта его характера—гордая неустрашимость, дерзость. В детстве она выразилась, может быть, просто в мальчишеской выходке, но в ней виден уже намек на ту высшую дерзость, точнее дерзновение, которое присуще только по настоящему смелому, искреннему и решительному, глубоко-чувствующему характеру. В Каховском было именно очень много этого благородного дерзновения; оно руководило всеми его мыслями, чувствами и поступками, оно привело его в стан декабристов.

Учился Каховский хорошо. Из него вышел очень образованный человек. Больше всего он интересовался науками экономическими, юридическими, политическими, историей. Он увлекался героями древности, образы которых развивали в нем свободолюбивое, революционное настроение. Но можно думать, что это образование Каховский приобрел не на школьной скамье, а позже. Он побывал за границей и внимательно пригляделся к тамошним порядкам. Он ездил по России и познакомился с русским бытом, с народом, что в те времена было явлением редким для нашего дворянства. Он много читал, размышлял, наблюдал, сравнивал русскую жизнь с жизнью западно-европейской. На допросах Каховский сам говорит про себя так: «Будучи в 1823 и 1824 годах за границей, я имел много способов читать и учиться: уединение, наблюдение и книги были мои учители».

Окончив пансион, Каховский вступил в военную службу, юнкером в гвардейский егерский полк. Это было в 1816 г. Но в том же году он был разжалован в рядовые, переведен из гвардии в армию и отправлен на Кавказ. Он был наказан «за шалости», как тогда говорили, т.-е., вероятно, опять-таки за какую-нибудь дерзость. Через год Каховскому удалось вновь дослужиться до юнкера, а потом заслужить и офицерский чин.

В 1821 г. Каховский по болезни получил отставку и ездил на Кавказ. За время своей военной службы Каховский несколько раз попадал в штрафные. В то время военная служба была невыносимо тяжела и сурова, и не только для солдат, но и для офицеров. Каждое начальство, вплоть до самого высшего — императора Александра I и его брата, великого князя Константина Павловича, — занималось непрерывной муштровкой своих подчиненных. Солдат и даже офицеров превращали в каких-то автоматов. За малейшую провинность, за малейшее проявление свободной мысли, чувства, действия беспощадно наказывали. Армия должна была состоять из пешек, лишенных человеческого «я», подчиненных одной воле. Можно себе представить, как тяжело было служить Каховскому, увлеченному «вольными мыслями», т.-е. революционно настроенному. Естественно, что за эти «вольные мысли» и за свои «дерзкие шалости» Каховскому приходилось не раз попадать в штрафные.

В 1823 — 24 годах Каховский путешествовал за границей, пополнял свое образование.

В 1825 году Каховский появился в Петербурге. Он собирался ехать в Грецию и принять участие в борьбе за освобождение греков из-под власти турок. Но тут он познакомился через Рылеева, который ввел его в Тайное Общество, с декабристами, и весь отдался мысли освобождения России, из-под власти самодержавия, из-под власти тирана, как говорили революционеры того времени.

Политические и гражданские настроения того времени, в которое жил Каховский, очень ярко отразили в своей поэзии Рылеев, Пушкин и некоторые другие поэты.

Пламенная любовь к отечеству, благо родины, священнейшие права человека, святая вольность, гнет власти, борьба с самовластием и тираном — вот основные мотивы гражданских стихотворений этих писателей. Такой литературой и поэзией питалась молодежь 20-х годов, в царствование Александра I, многие из них—будущие декабристы. И эти настроения переживались ими необыкновенно сильно и полно. Благодаря многочисленным внешним войнам и революционным движениям, всколыхнувшим Западную Европу на грани XVIII и XIX в., у этого молодого поколения было особенно обострено чувство любви к родине, и оно было большой, действенной, движущей силой. Свои мечты молодежь жаждала воплотить в действительность. Идея о благе родины требовала высшего самоотвержения. В представлении молодых романтиков родина ждала своего героя, который должен освободить ее из-под ига тирана.

Так создался тип революционера-романтика 20-х годов. Возникают тайные общества, появляются декабристы. Военное восстание 14 декабря 1825 г., при восшествии на престол Николая I, имевшее целью свержение самодержавия и уничтожение крепостного права, кончилось полным провалом, почти немедленным усмирением мятежа. Этот провал объясняется именно тем, что декабристы были все-таки оторваны от действительности; они не знали народа, не учли роли масс в революционном движении; они не были организаторами и практиками. Они были мечтателями, романтиками с искусственно взрощенной любовью к народу, с представлениями о жизни, взятыми из литературы, с нежизненными мечтаниями, со слабыми нервами. И они не могли повести народ за собой, не могли исполнить своего дела.

«Чтить Брута с детства я привык:
Защитник Рима благородный,
Душою истинно свободный...»

Рылеев.

«Народы, почувствовав сладость свободы и просвещения, стремятся к ней. Правительства же, огражденные миллионами штыков, силятся оттолкнуть народы в тьму невежества...»

Каховский.

Из всех декабристов, Каховский был наиболее типичным революционером-романтиком. Все их черты выступают в нем еще яснее и красочнее, он дошел

в своем увлечении идеей спасения родины, в своей ненависти к поработителю народной свободы, в своем порыве к самоотречению и самопожертвованию до высшего напряжения, когда для человека нет уже колебаний, сомнений, нет границы ни в мыслях, ни в поступках.

Каховский появился в Петербурге и вступил в Тайное Общество с совершенно сложившимся, готовым миросозерцанием. Но там он очутился в необычайно подходящей к его настроению атмосфере и весь отдался заговорщицким интересам общества.

Интересно познакомиться с миросозерцанием Каховского, так как это дает представление и о других декабристах, выясняет взгляды и картину деятельности этой первой в России революционной организации.

О миросозерцании Каховского мы узнаем из его писем, адресованных им из Петропавловской крепости (после декабрьского восстания) к императору Николаю I и к председателю следственной комиссии генералу Левашову, а также из показаний на допросах как самого Каховского, так и других декабристов.

Когда Каховский в своих письмах и признаниях начинает говорить о любви к родине и свободе, речь его становится жгучей и возбуждающей, трогательной и красивой, и в то же время романтически эффектной. «Не о себе хочу говорить я, но о моем отечестве, которое, пока не остановится биение моего сердца, будет мне дороже всех благ мира и самого неба... Я за первое благо считал не только жизнью,

честью жертвовать пользе моего отечества. Умереть на плахе, быть растерзану и умереть в самую минуту наслаждения, не все ли равно? Но что может быть слаще, как умереть, принеся пользу? Человек, исполненный чистотой, жертвует собой не с тем, чтобы заслужить славу, строчку в истории, но творить добро для добра без возмездия. Так думал я, так и поступал. Увлеченный пламенной любовью к родине, страстью к свободе, я не видал преступления для блага общего. Для блага отечества я готов бы был и отца моего принести в жертву... Согрет пламенной любовью к отечеству, одна мысль о пользе оного питает душу мою. Я прихожу в раздражение, когда воображаю себе все беды, терзающие мое отечество».

С такой же неподдельной восторженностью говорит Каховский о свободе, высказывая мысль, что чувство свободы изначально, что человек рожден для свободы: «Народы, почувствовав сладость свободы и просвещения, стремятся к ней. Правительства же, огражденные миллионами штыков, силятся оттолкнуть народы в тьму невежества. Но тщетны их все усилия: впечатления, раз полученные, никогда не изглаживаются. Свобода, сей светоч ума, теплотвор жизни, была всегда и везде достоянием народов, вышедших из глубокого невежества. И мы не можем жить подобно предкам нашим ни варварами, ни рабами. Пока будут люди, будет и желание свободы. Свобода обольстительна: я, распаленный ею, увлек других».

На этом мировоззрении покоятся все политические убеждения Каховского. Основной пункт его воззре-

ний, конечно, уничтожение самодержавной власти и введение народного правления, конституции, «Постановительных Законов», как называет ее Каховский. Самодержавная власть враждебна истинной свободе и истинному просвещению. — Эта мысль ярко выражена в словах о «правительствах, огражденных миллионами штыков»; — отсюда непримиримая борьба, тем более непримиримая, что при всех соглашениях народ всякий раз бывает обманут царями. В этой вечной борьбе правительств с народом и заключается весь смысл совершающегося исторического процесса. И в этой борьбе виновными являются всегда правительства: «правительство, не согласное с желанием народа, всегда виновно; ибо в здравом смысле закон есть воля народная. Цари не признают сей воли, считают ее—буйством, народы — своей вотчиной; стараются разорвать самые священные связи природы».

Во время своего длительного путешествия из Петербурга на Кавказ, а также проживая в Смоленской деревне, Каховский имел возможность познакомиться с народом и с положением России. Жизнь народа Каховский узнавал из живых сближений с представителями народа. Он убедился, что положение России ужасно, что повсюду слышен стон и ропот. Он убедился также в прирожденном уме русских, в том, что «в рассуждениях ум русский ясен, гибок и тверд». «Хитрость и обман свойство рабов», утверждает Каховский; «самое тяжкое бремя, гнетущее земледельцев наших, образовало их. Некоторым из них, чтобы сохранить для себя что-нибудь от насилия помещи-

ков, нужно прибегать к изобретениям вымысла и хитрости. Во внутренних губерниях государства, имения, принадлежащие богатым помещикам, пользуются довольною свободою, хотя и зависят совершенно от владельцев своих, но образованное дворянство не гнетет себе подобных, и земледельцы управляются мирскими сходками. Я был на многих из сих совещаний, маленьких республик. Сердце цвело во мне, видя ум и простое убедительное красноречие доброго народа русского». Из своих наблюдений Каховский делает вывод, что русский народ вполне может участвовать в общественной и политической жизни страны.

Каховский размышлял много о законодательстве и выказывает себя в этой области европейски образованным и очень передовым для своего времени человеком. В вопросах права он далеко опередил своих современников и во многом предвосхитил идеи судебной реформы шестидесятых годов (при Александре II). Образцом законодательства Каховскому казался кодекс Наполеона. По его мнению, этот кодекс с небольшими изменениями годился бы для всех народов. В нем был только один существенный недостаток: применение смертной казни. «Законы должны наказывать виновных, но не убивать, и в самом наказании стараться не заграждать пути преступнику к исправлению». Из каземата Петропавловской крепости Каховский писал Николаю I: «Займитесь внутренним устройством государства. Отсутствие закона ужасный вред для нас; вред фи-

зический и моральный. Служба заменилась прислугой, общая польза забыта, своекорыстие грызет сердца, и любовь к отечеству уже для иных стала смешным чувством».

Каховский размышлял также не мало об экономическом положении России и оценивал его очень верно. Он указывал на истощение страны, вызываемое непосильными налогами, прямыми и косвенными. «Казна все отымает у граждан, не оставляя им ничего, кроме тягости и нищеты. Жадная, ненасытная, все выгоды присваивает себе и ничем не хочет поделиться. Может ли таким образом существовать правительство, и могут ли под его тяжким бременем народы благоденствовать? Правительство, удерживающее власть свою страхом, а не любовью подвластных ему народов, не может быть ни сильно, ни счастливо».

Для Каховского мысль об убийстве тирана-царя совершенно естественно вытекала из его революционного миросозерцания, и также естественно было для него обречь именно себя на это дело. Умерщвление тирана было для Каховского актом высшей нравственности, обречение самого себя — высшим подвигом жизни. Рылеев, Трубецкой и др. главари Северного Общества тоже помышляли об истреблении царя и царской фамилии, но смотрели на это как на акт крайней необходимости, они говорили об этом хотя и много, но только втихомолку и в программу своих действий не ввели, поэтому большинству рядовых членов Тайного Общества идея цареубийства была совсем неизвестна.

Рылеев отлично понимал, каким ценным сотрудником Общества являлся Каховский, который несомненно исполнит то, что так идет навстречу их целям, но о чем среднему члену страшно подумать. Каховскому же Общество и Рылеев, его главный член, были тоже очень нужны, потому что при их содействии ему было легче привести в исполнение свою сокровенную мечту. Таким образом Каховского и Рылеева связали совершенно особенные отношения. Они ведут нескончаемые беседы на темы о цареубийстве, создавая вокруг себя и в обществе атмосферу нервного напряжения. Их отношения, странно неровные, то улучшались, то ухудшались; то Каховский начинал подозревать Рылеева в том, что тот смотрит на него только как на свое орудие, и заявлял о своем выходе из Общества, то Рылеев уставал от исступленности Каховского, боялся, что несвоевременным покушением он испортит дело Общества. А потом они снова сходились и опять рассуждали все о том же.

Такое настроение в Обществе царило до получения известия о смерти Александра I. Тогда прекратились споры и сменились разнообразнейшими проектами действия. Каховский принял деятельное участие в организационной работе Общества: он должен был приготовить лейб-гренадерский полк; пропагандой для Тайного Общества он занимался с самого вступления в него.

Восстание было назначено на 14 декабря, в день принесения присяги Николаю I. Накануне 14, вече-

ром 13, заговорщики собрались в последний раз Они переживали восторженный подъем и были, может быть, в первый раз за все время существования Тайного Общества, полны решимости. Но строго выработанного плана не было. Предположено было собраться на Сенатской площади, занять Сенат, крепость, но кому именно, не было назначено. Когда Каховский, прощаясь с Рылеевым, спрашивал его о распоряжениях, Рылеев ответил, что всем распорядится Трубецкой. При прощании Рылеев высказал, что именно Каховский должен взять на себя роль цареубийцы. По показаниям Каховского, Рылеев, обнимая его, будто бы сказал: «Я знаю твое самоотвержение; ты можешь быть полезнее, чем на площади: истреби императора». По показанию других декабристов, он произнес такие слова: «Любезный друг, ты сир на сей земле; ты должен собою жертвовать для Общества, убей завтра императора». И заговорщики подходили к Каховскому, обнимали его, прощались с ним последним поцелуем, охваченные восторгом преклонения перед подвигом и перед обреченным. Эта театральность отвечала их героическому и романтическому настроению.

И вот настало 14 декабря. В одиннадцатом часу утра на Сенатской площади показались первые отряды восставших войск — роты Московского полка. Московцы сейчас же построились в каре. Пустынная до сих пор площадь наполнилась народом. Народ, несомненно, сочувствовал восставшим. Члены Тайного Общества были тут же. Каховский с двумя заряжен-

ными пистолетами и кинжалом все время находился или перед фронтом или в рядах солдат. Он агитировал и поддерживал солдат частыми возгласами: «Ура, Константин!» (Солдатам говорили только, что надо требовать присяги Константину, а не Николаю). Из всех заговорщиков, бывших в этот день на площади, Каховский, несомненно, был самым решительным и самым энергичным. Но привести свой главный замысел в исполнение Каховскому не удалось. Николай Павлович не подъехал к каре восставших, и Каховский, оставаясь возле каре, стрелять по государю не имел возможности. Зато Каховский ранил подскакавшего к восставшим петербургского военного губернатора графа Милорадовича, потом стрелял по командиру лейб-гренадерского полка и ударом кинжала ранил еще одного офицера. Но эти кровавые дела были не то, на которое шел Каховский с таким самоотречением, а потому они легли на него тяжелым бременем, ему было гадко, по его собственному признанию, и он бросил пистолет со словами: «уж будет с меня».

Но Каховскому пришлось быть участником не только кровавых происшествий. В числе других он объяснялся с митрополитом Серафимом, явившимся на площадь для увещания мятежников. По показанию одного из декабристов, Каховский будто бы сказал в ответ на речь Серафима: «Полно, батюшка, не прежняя пора обманывать нас, поди-ка на свое место!» Сам Каховский на допросе передавал свои слова иначе: «Митрополит уговаривал не лить крови

одноземцев, на что я отвечал: «мы сами сего страшимся, но можем быть к тому вынуждены». Просил его уговорить противную сторону не нападать, а что мы объявили наши требования Сенату и никак не хотим и не с тем сошлись, чтобы лить кровь, но лишь желаем законного порядка».

Вот все, что мы знаем о действиях Каховского на площади.

К вечеру восстание было подавлено, мятежники разбежались. Начались аресты. Вечером у Рылеева собрались еще кое-кто из заговорщиков. Был тут и Каховский. На следующий день, 15 декабря, Каховский был арестован и отвезен в Зимний дворец. Каховский предстал перед Николаем Павловичем.

Всю энергию, все способности новый царь употребил на месть восставшим 14 декабря. Ни один из самых ловких следователей не мог сравниться с ним в искусстве вывернуть душу допрашиваемого осторожными вопросами, хитрыми уловками, вырвать у него нужное для следствия признание. Почти всех наиболее видных участников восстания Николай допрашивал сам.

Можно изумляться тому поразительному притворству, которым в совершенстве владел Николай при допросах. Перед одним он являлся грозным монархом, которого оскорбил его же верноподданный, перед другим таким же гражданином отечества, как и арестованный, стоявший перед ним; для третьих — старым солдатом, страдающим за честь мундира; для

четвертых — собирающимся дать народу свободу. Но на самом деле он был ни тем, ни другим; он просто дрожал за свою жизнь, и только это заставляло его неутомимо искать все нити тайного заговора, чтобы навсегда уничтожить их и быть спокойным за себя. Царь не стеснялся никакими способами, чтобы добиться отыскания этих нитей. Некоторых арестованных Николай допрашивал несколько раз, и каждый раз являлся перед ними, как искусный актер, в новом виде, с новой маской на лице.

Тех, кто упорно молчал на допросах, заковывали в кандалы, лишали в тюрьме света, изнуряли голодом, грозили смертью. Но угрозами и физическими страданиями добиться от декабристов признания было трудно. Декабристы к физическим страданиям относились с необыкновенной твердостью. Зато этих искренних и увлекающихся людей, романтически настроенных, легче всего было поймать на благородстве; нужно было запрятать глубоко свою ненависть к ним, разыграть роль человека, заботящегося только о том, чтобы родина избавилась, наконец, от зол и бедствий. И Николай Павлович прекрасно разыгрывал эту роль. Он прикидывался почти их единомышленником; он был будто бы именно тем правителем, о котором они мечтали для России, а они шли с оружием в руках на друга своего дела. «Я сам есть первый гражданин отечества», сказал Николай Каховскому, и плакал, слушая его пылкие речи о бедствиях России. И завороженные хитростями монарха, ужасаясь теперь сами своих за-

мыслов, заговорщики один за другим выдали правительству все свои тайны, выдали друг друга.

Выпытывая у декабристов подробности заговора, Николай обнадеживал их лживыми обещаниями, проявлял заботу относительно их семей и этим возбуждал в них чувство благодарности, столь свойственное благородным людям. Все письма декабристов из крепости, все показания переполнены восхвалениями милосердия государя, раскаяньем за совершенное.

Особенно тяжело приходилось Каховскому. Для человека сильно и тонко чувствующего, великодушие царя, которого он только что собирался предать смерти, было действительно мучительно. А Николай I с Каховским вел свою игру еще усерднее, чем с другими декабристами. Он понял, какой это был заброшенный, одинокий, несчастный человек, какой это был фанатик своих идей, и с необыкновенным искусством играл на этих струнах. Он приласкал Каховского, как, наверное, никто в жизни ни разу его не приласкал, интересовался его материальным положением, распорядился, чтобы в крепости ему делали разные облегчения. Правда, все это делалось до тех пор, пока Каховский был нужен Николаю. Царь вел с Каховским длинные беседы о реформах России, плакал вместе с ним над ее бедствиями, разрешил ему писать себе на эти темы. И Каховский, как и другие декабристы, не устоял против обаяния этого замечательного притворщика. И во время двух длинных свиданий с царем, и потом в письмах из своего

мрачного каземата, Каховский с полной откровенностью обнажил перед монархом свою душу, открыл ему все свои заветные мысли, чувства, переживания, постепенно рассказал все и о Тайном Обществе. Уже после первого свидания с Николаем, Каховский пишет ему: «Государь! я не умею, не могу, не хочу льстить; со вчерашнего вечера я полюбил вас как человека и всем сердцем желаю любить в вас моего монарха, отца отечества»...

А там мучительные допросы следственной комиссии и постепенное сознание того, что он изменник, выдал свое дело, своих товарищей, предал то, что было для него самым заветным, дорогим в жизни... А тот, ради которого он запятнал себя, опустошил свою душу, — монарх, оказался предателем.

Смертные муки переживал Каховский в крепости, вспоминая о своих признаниях: «Я преступник перед вами», — пишет несчастный Николаю, — «преступник перед Обществом, перед людьми несчастными, мною в него принятыми. Легко погибнуть самому, но быть причиной гибели других мука нестерпимая»... Вскоре Каховский узнал, что и другие декабристы попались в расставленные им ловушки и постепенно выдали свое дело и товарищей. Это могло в сущности уменьшить терзания Каховского, но зато создало и новые мучения, муки злобы, бешенства, негодования. Каховский понял на допросах, из очных ставок с другими декабристами, что товарищи, единомышленники отвернулись от него, смотрят на него с чувством ужаса, отвращения и презрения, взвали-

вая на него одного ответственность за все кровавые мысли о цареубийстве.

Эти нравственные страдания Каховского были страшнее той телесной казни, которая постигла его.

Истерзав своих врагов телесно и нравственно, узнав от них все, что ему было нужно знать про заговор, Николай I не исполнил данного им обещания быть милостивым. Ему не за чем было уже притворяться.

В ночь на 13-е июля 1826 г. на валу Петропавловской крепости была совершена казнь над пятью главными мятежниками: Рылеевым, Пестелем, Муравьевым-Апостолом, Бестужевым-Рюминым и Каховским. Они были поставлены судом «вне разряда» и были приговорены к четвертованию, но по желанию императора для них была назначена казнь без пролития крови — они были повешены.

Тяжелые кары постигли и всех остальных участников декабрьского восстания.

Так окончилось в России первое организованное революционное движение. Оно разгорелось, как пламя костра, и было затушено силой самодержавия. Но это пламя погасло не совсем: его искры то тлели, то разгорались, пока не зажгли пожаром революции всю Россию; зажгут, раньше или позже, и весь мир. «Наш скорбный труд не пропадет. Из искры возгорится пламя»... написал пророчески декабрист-поэт Одоевский Пушкину из Сибири.

«Правительства, огражденные миллионами штыков», по выражению Каховского, не в силах остановить победоносного движения революционных народов.

1. Какие черты характера Каховского отличают его от остальных декабристов, описанных выше?

2. Какие лозунги выставляли декабристы? Какие цели преследовали они?

3. Какие черты характера были общими (сходными) у известных вам декабристов?

4. Чем объясняется та временная слабость, которую обнаруживали некоторые декабристы при встречах с допрашивавшим их Николаем I?

5. За что мы чтим память декабристов?

ПАМЯТИ КАЗНЕННЫХ ДЕКАБРИСТОВ.

Над вашей памятью кровавой
Теперь лежит молвы позор;
Над ней поэт, венчанный славой,
Остановить не смеет взор.
Ваш враг могучий торжествует;
Щадит его судьбы закон,
Лишь власти страсть его волнует,
И кажется незыблем трон.
Но вы погибли не напрасно:
Все, что посеяли, взойдет,
Чего желали вы так страстно,
Все, все исполнится, придет.
Иной восстанет грозный мститель,
Иной восстанет мощный род;
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющий народ.
В победный день, в день славной тризны
Свершится роковая месть —
И снова пред лицом отчизны
Заблещет ярко ваша честь.

Автор неизвестен.

ПОСЛАНИЕ В СИБИРЬ.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье:
Не пропадет ваш скорбный труд

И дум высокое стремленье.
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Пробудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь прочные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас!
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа
И братья меч вам отдадут.

Пушкин.

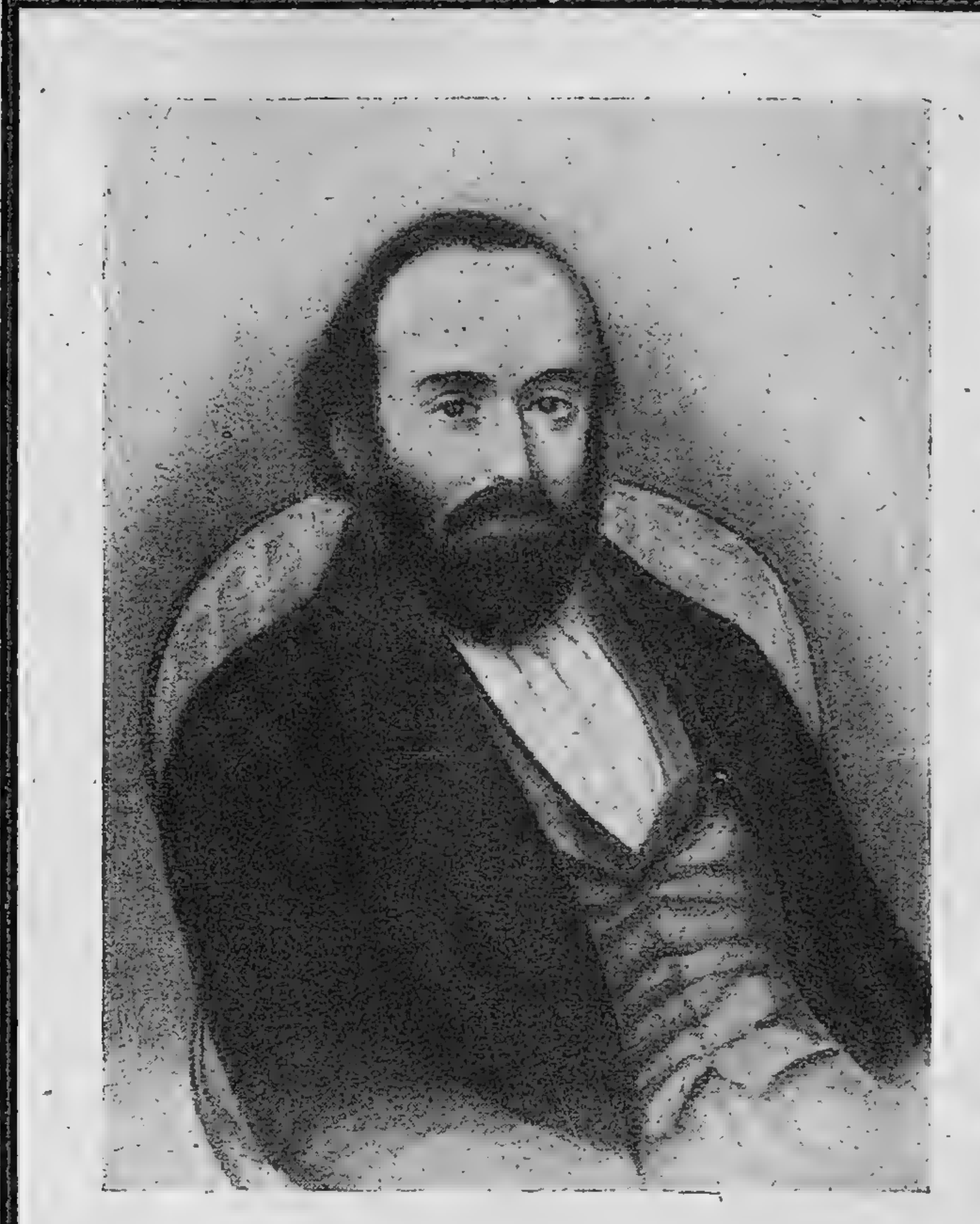
ОТВЕТ ДЕКАБРИСТОВ НА ПОСЛАНИЕ ПУШКИНА.

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли;
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь спокоен, брат: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя [1]),
И православный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей,
И радостно вздохнут народы.

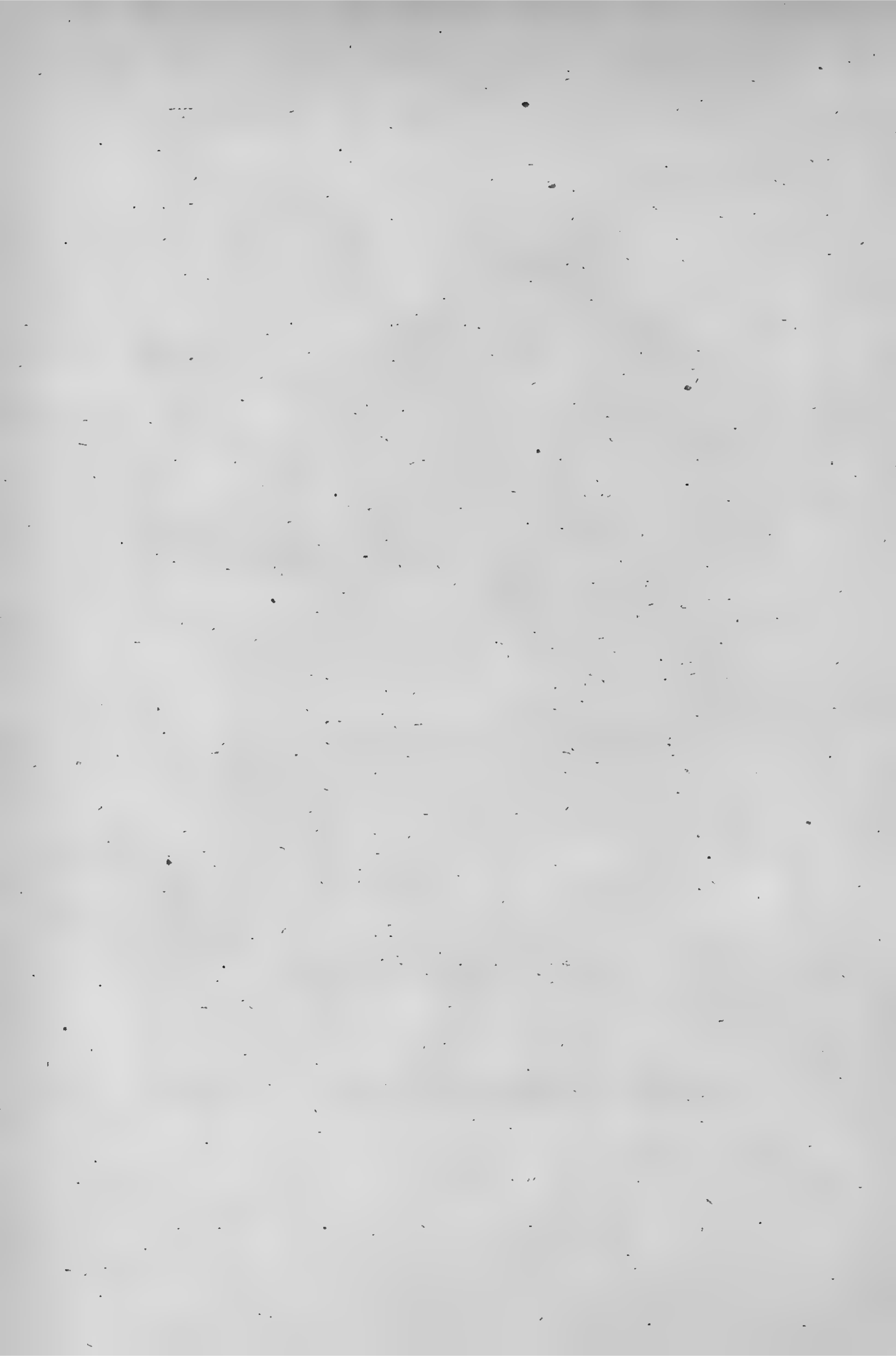
А. Одоевский.

---

[1]) Слова из стих. Одоевского «Из искры возгорится пламя» были взяты В. И. Лениным в виде эпиграфа к основанной им в 1900 г. за границей газете «Искра».

Михаил Васильевич
Петрашевский
1821 — 1866

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ПЕТРАШЕВСКИЙ

(1821 — 1866 гг.).

«Будет время, когда все в обществе и природе придет в стройную гармонию...»

Петрашевский.

М. В. Петрашевский один из многих мучеников, павших в неравной борьбе с самодержавной властью за светлые идеалы свободы, равенства и братства. Петрашевский один из первых русских социалистов.

Горячая любовь к человеку, глубокая убежденность, что борьба за человеческие права и свободу составляет долг истинного гражданина; открытая ненависть к произволу власти и попранию ею человеческого достоинства; вера в победу социализма, — вот те основные черты личности Петрашевского, за которые он так много выстрадал в своей недолговечной жизни.

М. В. Петрашевский-Буташевич родился в Петербурге в 1821 г., воспитывался в Александровском лицее, а потом поступил вольнослушателем в университет на юридический факультет. Окончив университет в 1841 г., Петрашевский поступил на службу в министерство иностранных дел.

С юношеских лет Петрашевский проявлял глубокую серьезность и чуткость. Он подходил вдумчиво и сознательно ко всем явлениям жизни и отличался большой начитанностью. Сильное влияние на развитие и расширение кругозора М. В. Петрашевского оказал его отец, один из образованнейших врачей того времени. Совсем другой была его мать: светская женщина, она не любила и не понимала своего выдающегося сына, была далека от него и впоследствии, когда на Петрашевского обрушилась вся злобная мстительность царского правительства, она отступилась от сына и отнеслась к нему с полным равнодушием и даже черствостью.

Поступив на службу и став лицом к лицу с действительной жизнью, молодой Петрашевский был потрясен тем, в каком виде она предстала перед ним: «полный произвол неограниченного монарха и лиц, стоящих у трона, вопиющая несправедливость судов, крепостное рабство крестьян, беспросветное невежество всего народа», вот что стояло перед Петрашевским. Весь уклад русской жизни не мог не возмущать Петрашевского, не мог не заставлять его мысль биться в поисках выхода из этого ужасного состояния. Постепенно умом Петрашевского овладела одна

настойчивая мысль—так или иначе изменить государственный строй России, душивший все живое, стремящееся вырваться на свободу.

Но Петрашевский понимал, что у него нет еще достаточной образованности для того, чтобы занять место руководителя общественным мнением, и он горячо принялся за самообразование. Насколько серьезно относился Петрашевский к необходимости приобретения систематических научных знаний, видно из его собственной записки, составленной им в Петропавловской крепости в 1849 г. «Если бы мне захотелось приобрести известность, мне стоило только две-три статьи написать, и известность была бы приобретена, самолюбие удовлетворено... но я сам знал, что хоть в голове у меня и есть кое-что хорошее, но не все еще в порядке, систематизировано и разрешено; от этого до 30 лет я решился ничего капитального не печатать, чтобы недостатком основательности не иметь на общество вредного влияния, а предпочел все в голове своей привести в порядок».

Петрашевский, как человек, по настоящему просвещенный и обладавший глубоким умом, отличался удивительной скромностью и относился к себе строго. Он сознавал свои силы, когда писал про себя: «в голове у меня есть кое-что хорошее», но не ставил себя выше всех окружающих его; он мог думать, что ему предстоит роль руководителя людьми, но он готовился к этой роли с глубокой проникновенной серьезностью, сознавая ее важность и ответственность. «В глубине души Петрашевский отличался ве-

ликой кротостью и испытанным терпением. Всякое противоречие со стороны людей искренних, всякую критику, как бы она ни была язвительна, он выносил без малейшего злопамятства. Никогда мысль о превосходстве над окружающими не сквозила в его словах, даже не приходила ему в голову; он был слишком погружен в свои замыслы, чтобы заниматься своей личностью», — пишет Герцен.

Твердая воля, настойчивость, терпение, неутомимая деятельность были отличительными свойствами характера Петрашевского. Поставив себе ближайшей задачей самообразование, он всецело посвятил себя ему. Петрашевский изучил вполне основательно историю, юридические науки и социалистические учения. Как сын врача, он интересовался медициной и естествознанием вообще. Он собрал у себя обширную библиотеку по разным вопросам, так как обладал очень разносторонним умом и интересовался всевозможными отраслями знания.

Погрузившись в изучение наук, Петрашевский не отстранялся от живой жизни, любил людей действенно, любил общение с ними. Постепенно у него образовался тесный кружок друзей. Яркий ум, высокая образованность и даже самая внешность Петрашевского производили на всех сталкивавшихся с ним людей сильное впечатление.

«Ростом ниже среднего, он был широкоплеч, с нервными руками, круглой головой, немного наклоненной в сторону, с небольшим, но правильным носом; его темно-серые глаза всегда сверкали умом;

его походка и все его движения были порывисты; мечтательность была ему невыносима». Так описывает Герцен внешний облик Петрашевского в его недолгие годы молодой и свободной жизни, на которые сам Петрашевский смотрел, как на время подготовки к серьезной деятельности.

Занявшись, по окончании университета, изучением социалистических учений, Петрашевский остановил свое внимание особенно на учении французского социалиста-утописта первой половины XIX в. Шарля Фурье и сделался горячим последователем этого учения, так называемого фурьеризма.

В основу своего учения Фурье положил беспощадную критику буржуазного строя и программу устройства нового, покоящегося на социалистических началах. Новый общественный строй, по Фурье, должен был образоваться из возникновения ряда небольших общин в 1500 — 2000 человек, названных им «фалангами». Общежития фаланги назывались «фаланстерами». Отдельные фаланги должны были быть связаны между собой и в конечном своем развитии составить мировую организацию нового общества. Главной основой общественного хозяйства, по мысли Фурье, должно быть земледелие. Фаланги устраиваются на принципе строгого разделения труда; труд должен быть непродолжительный и доставляющий удовольствие, а не мучение, как в капиталистическом обществе. Одно из главных положений Фурье это

то, что вид труда должен выбираться людьми по их собственному влечению, и что только тот труд продуктивен, который доставляет радость. Именно фаланга может предоставить своим членам самые разнообразные виды труда, при чем каждый, от мала до велика, найдет себе труд по своему вкусу и не будет принужден исполнять нежелательную работу, так как на нее найдутся другие охотники. Таким образом в фаланстере для всех найдутся любимые занятия, и никто не захочет предаваться безделью; не будет паразитов, которых так много при буржуазном строе. Результаты труда всех участников фаланги должны стекаться в ее общие хранилища, и отсюда все ее члены могут получать все необходимое. Каждый участник фаланстера будет обеспечен в своих насущных потребностях; общий доход фаланстера будет разделяться на двенадцать частей, из которых четыре придутся на долю капитала, пять на долю труда, и три на долю таланта, и деятельность каждого члена будет оплачиваться индивидуально (несмотря на общность жизни и труда) по количеству затраченного труда, по силе таланта и по величине вложенного в предприятие капитала.

Фурье думал, что начало социальной реформе положит какой-нибудь просвещенный и великодушный капиталист, который поймет все ее значение для человечества и отдаст на это дело свои капиталы, а его примеру последуют другие и, таким образом, постепенно весь мир покроется густой сетью трудовых фаланг и наступит время нового общественного строя.

Конечно, система Фурье была совершенно утопична (несбыточна), и хотя его ученики и последователи пытались ее осуществить, но кончались эти попытки полной неудачей.

Фурьеризм пользовался большим успехом в Западной Европе и даже в России. В 40-х годах XIX столетия идеями Фурье увлекались многие выдающиеся русские умы: Герцен, Огарев, позднее Чернышевский (первый русский ученый социолог) и многие представители передовой молодежи 40-х годов прошли через увлечение фурьеризмом.

Последователем Фурье сделался и М. В. Петрашевский. Отдавшись изучению социалистических учений европейских мыслителей, Петрашевский уяснил себе и свой путь жизни: он решил посвятить себя пропаганде социалистических идей и борьбе с царизмом.

С этой целью Петрашевский стал с 1845 г. устраивать у себя раз в неделю, по пятницам, званые вечера, на которых велись оживленные беседы на различные темы, главным образом, литературные, социалистические, по вопросам политической экономии и политики. На пятницы Петрашевского съезжались образованные, свободомыслящие люди того времени: преподаватели, писатели, юристы, товарищи Петрашевского по службе.

На этих собраниях Петрашевский развивал идеи фурьеризма и доказывал преимущества этой системы; некоторые с ним спорили, но вскоре у него образовался тесный кружок единомышленников — «петра-

шевцев». В кружок Петрашевского входили и последователи других течений, например, чистого коммунизма, и каждому предоставлялось свободно выражать свои мнения и пропагандировать свои взгляды.

Петрашевский не ограничивался одними теоретическими рассуждениями о благе социализма и о переустройстве общества на началах фурьеризма. Он сделал попытку практически осуществить идеи Фурье, но, правда, эта попытка кончилась печально. В своем имении Ново-Ладожского уезда Петрашевский решил устроить фаланстер. Он долго разъяснял крестьянам смысл фаланстера, и ему казалось, что они вполне оценили преимущества этой новой формы общинной жизни. Выбрав место в лесу, он приступил к устройству фаланстера, и к зиме 1847 г. первый в России фаланстер Фурье был готов. Накануне переезда крестьян Петрашевский, рассказывает в своих воспоминаниях один из его друзей, — «еще раз обошел с ними всю постройку, назначил каждой семье ее помещение, указал на все его удобства, выгоды, передал всю утварь, которую закупил для них, все инструменты, велел перевести с утра скот и лошадей в новые хлева и конюшни, перенести весь скарб и запасы в амбары». Когда на другое утро Петрашевский приехал в фаланстер на новоселье, то нашел на месте фаланстера одно пожарище. Крестьяне ночью сожгли все, что было для них приготовлено Петрашевским.

Велико было горе и разочарование Петрашевского от постигшей его неудачи. Но эта неудача не по-

шатнула его уверенности в правоте его взглядов, не сломила его упорства. Он считал, что неуспех его начинания зависел только от дикости и невежества крестьян, наивно полагая, что можно строить социалистические островки в крепостнической России.

Петрашевский понимал, что проведение взглядов в сравнительно небольшом кругу друзей и знакомых не может дать больших результатов и не двинет дела. Эти воззрения нужно выбросить в массы широкой публики. А это можно сделать только при помощи печатного слова. И вот Петрашевский задумал составить маленькую энциклопедию. В виду цензурных условий эта книга вышла в свет в форме словаря и под заглавием «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кирилловым». Долго думали, что под фамилией Кириллова скрывается сам Петрашевский, но потом выяснилось, что издателем был действительно некто Кириллов, штабс-капитан гвардейской артиллерии. Несомненно, однако, Петрашевский играл в этом издании главную роль, и большинство статей написано им. Приступая к изданию «Карманного словаря», Петрашевский написал Кириллову письмо, которое тот, в случае нужды, мог показать, и которое совершенно отстраняло его от дела и от ответственности за него. Этот поступок дает лишний штрих к выявлению благородной личности Петрашевского. Позднее, Петрашевский поступил таким же образом: когда он и многие «петрашевцы» были

схвачены, Петрашевский на следствии признавал главным виновником себя и всячески старался защитить товарищей, выставляя их жертвой своего на них влияния.

В статьях, писанных Петрашевским для «Карманного словаря», отчетливо вырисовывается его миросозерцание, основным положением которого является мысль, что «человеку, взятому в отдельности, почти ничего невозможно совершить, но всё возможно совершить в обществе и обществом...» и что «для него труд уединенный и однообразный, не определенный природным влечением, будет всегда тяжкой казнью, и великая нравственная сила потребна, дабы не пасть под ее гнетом»... Эта мысль развивается в объяснении слова «ораторство», она же проходит красной нитью при объяснении многих слов. Далее в объяснении того же слова Петрашевский смело набрасывает программу политических реформ: «Полное, нестесняемое никакими общественными учреждениями развитие индивидуальности, признание не силы, но разумности началом управительным в обществе, законом положительным, обычаем, упроченное разными охранительными политическими учреждениями; обеспечение свободы мысли, чувства и их внешнего публичного обнаружения (Петрашевский подразумевает свободу печати и слова), ясное сознание как своих частных, так и общественных интересов, поддерживаемое публичностью всех общественных и административных отправлений, — вот главные условия, без бытия которых развитие ораторства делается невозможным»...

Понятно, что такая книга могла возбудить в Николае I только ужас и гнев. Печатание словаря было запрещено на втором же выпуске, а все экземпляры словаря были отобраны у книготорговцев и уничтожены.

Таким образом и другая попытка Петрашевского провести в общество свои идеи посредством печатного слова — кончилась полной неудачей.

Пятничные собрания у Петрашевского продолжались в течение 3-х лет. Кружок расширялся, собрания делались все более организованными, бессистемные беседы и споры первого времени заменились строго научными докладами. Выступая на этих собраниях и в беседах с отдельными лицами, Петрашевский все более обнаруживал свой глубокий ум, образованность, благородство мыслей и какое-то проникновенное понимание хода исторических событий и провидение будущих судеб народов. Во всех речах Петрашевского чувствуется убежденный революционер и социалист.

«Одно правительство республиканское, представительное достойно человека, потому что и неприлично и смешно существу, одаренному и разумом, и волею, и самопознанием, подчинять и тело свое и душевные способности произволу другого существа, отличающегося от него только самопроизвольным деспотизмом. Всякий народ должен управляться сам собою, быть сам властелином, а не подчинять себя власти... Где может быть хуже, неправильнее и утомительнее нашего судопроизводства? Суждение дел непременно

должно быть публичное, через присяжных... Где законы больше сбивчивы, бестолковы, противоречащи, как не у нас? Да и в самом деле, как может составить человек, принадлежащий совершенно к другому классу, закон для людей, которых ни нужд, ни понятий, ни характера он не понимает да и понять не заботится. Из этого вы видите, что перемена правительства нужна, необходима для нас, но переменить его нужно не вдруг, а действуя исподволь, приготовляя, как можно остроумнее и вернее, средство к восстанию таким образом, чтобы идея о перемене правительства не заронилась бы в голове двум, трем, десяти лицам, но утвердилась бы в массах народа, и казалась бы не внушенной, а естественно рожденной по положению дел...»

В другой раз Петрашевский говорил такие пророческие для нашего времени слова:

«Целость России поддерживается только военной силою; и когда эта сила уничтожится или, по крайней мере, ослабеет, — все народы, составляющие Россию, разделятся на отдельные племена, и тогда Россия будет собой представлять нынешние Соединенные Штаты Северной Америки». И далее Петрашевский развивает план устройства управления в будущем отдельных народов, входивших в его время в Российскую Империю. Он говорит о власти Советов, представляющих собой верховное правление народов из представителей от племен (Петрашевский говорил об устройстве правления на Кавказе), Совету представляется право «заботиться о благах и нуждах

целого народа, рассуждать о законах, о содержании войска, о мире и войне и, наконец, о всем, что касалось бы до общего интереса всех племен вообще...» «Духовному классу представляется право заниматься делами до религии только касающимися, отнюдь не вмешиваясь в гражданское управление».

«Петрашевский, — говорит его биограф В. И. Семевский, — видимо мечтал о революции в России, но думал, что она возможна лишь после продолжительной и обширной пропаганды». Мечтая о революции в далеком будущем, Петрашевский и тут проявил удивительную прозорливость, рисуя себе ее картину и ту роль, которую сыграют обе столицы. Он говорил: «Жители Москвы придерживаются старинных поверий и обычаев, но со всем этим Москва не лишена важного значения, как сердцевина всех сект и расколов, и там действительно есть много людей с истинно человеческими понятиями... но лучшее место для всех предприятий Петербург; и если здесь что-нибудь произойдет, то оно отзовется тотчас же сначала в Москве, а потом и во всех концах России, особенно же в Малороссии»...

Мы, которые были свидетелями великих событий 17-го года, разве не можем сказать, что слова Петрашевского, сказанные почти три четверти века тому назад, оказались действительно пророческими?!

Тайная полиция с самого возникновения пятничных собраний у Петрашевского следила за ним

и за его гостями. «Но потребность разумной беседы, по словам Петрашевского,—была так сильна, что заставляла пренебрегать этим». С Петрашевским познакомился и вошел к нему в дом агент тайной полиции юноша Антонелли. Детски доверчивый Петрашевский при нем не раз высказывал свои взгляды на необходимость реформ в политическом и социальном строе России и даже задался целью просветить молодого Антонелли, для чего вел с ним самые откровенные, дружеские беседы.

Весной 1849 г. Петрашевский и все «петрашевцы», в количестве 40 человек, были арестованы. «Петрашевцев», как государственных преступников, отвезли в Петропавловскую крепость.

Следствие над «петрашевцами» тянулось целых два месяца. Во все время процесса Петрашевский держался с большой смелостью и достоинством, и тут-то особенно выявился его яркий ум, образованность и необыкновенное благородство. Его первые показания на допросах блещут остроумием, смелостью, резкой прямотой. Но Петрашевский не выдержал всех терзаний допросов, жестокости и черствости следователей и к концу процесса впал в сильное нервное расстройство и был близок к помешательству. Его мучило особенно сознание, что он виновник бедствий многих людей. «Прихожу после допроса в каземат... Ночь ужасных для меня борений настает. Картина дел представляется мне во всей ужасающей полноте. Я вижу гибель совершенно невинных... Тысяча мыслей пробегает в моей голове. Ужас обнимает

душу, — вижу жертвы коварства... Поутру меня начинает одолевать волнение. Мне, как арестанту, кто подаст помощь? Меня ужасать начинает и бесполезность моей гибели и возможность тоже гибели других. Ибо вся цель моя была, чтобы сделано было переисследование дела, чтобы из невинных ни один не пострадал»... в таких отчаянных и уже бессвязных фразах высказывает Петрашевский в конце своего сидения в крепости свои тяжелые переживания.

Наконец следствие было закончено, и 23 человека были, по повелению Николая I, преданы военному суду. Военный суд вынес, под давлением императора, очень суровый приговор, не соответствовавший обстоятельствам дела «петрашевцев»: 15 человек были приговорены к смертной казни, пятеро к каторжным работам, один к поселению и один оставлен в сильном подозрении; один из обвиняемых сошел с ума.

Николай I смягчил этот приговор, разыграв комедию царского милосердия: смертную казнь он заменил каторгой на разные сроки, а Петрашевскому — с лишением всех прав состояния и без срока. Но обвиняемым не было объявлено об этом смягчении наказания и над несчастными была проделана всенародно ужасная инсценировка казни, а потом комедия помилования. Д. Д. Ахшарумов, близкий друг и почитатель Петрашевского, так описывает эту страшную сцену:

«На осужденных к смертной казни надели белые холщевые саваны с капюшоном и длинными рукавами. Священник сказал им кратвое напутственное

слово в загробную жизнь и дал всем поцеловать крест. Затем Петрашевского, Мобелли и Григорьева свели с эшафота, повели к серым столбам, вбитым в землю и, завязав «преступникам» глаза, привязали к столбам. Капюшоны были надвинуты им на глаза, раздалась команда, солдаты прицелились; но раздался барабанный бой, и приехавший флигель-адъютант объявил помилование. Далее Петрашевского переодели в грязный тулуп, валенки, арестантскую шапку, заковали в кандалы, при чем он сам помогал кузнецам заковывать, и приказали сесть в подъехавшую кибитку, запряженную в тройку. Но Петрашевский сказал: «Я еще не окончил все дела», и с этими словами обошел всех обвиненных, каждого поцеловал, поклонился всем еще раз и сел в кибитку; рядом с ним поместился фельдъегерь, а на козлах вместе с ямщиком, вооруженный жандарм, и тройка умчалась».

Петрашевскому было в то время всего 28 лет.

Переезд Петрашевского в Сибирь и жизнь там в течение 17 лет — это бесконечная летопись непрерывных страданий.

До Тобольска Петрашевский следовал, «не отдыхая ни часу, в течение 11-дневного пути с курьером», как он сам пишет в письме к матери. Вместе с ним ехали и «петрашевцы»: писатель Достоевский, Спешнев, Львов, Григорьев, Мобелли и трое других. В Тобольске «петрашевцев» взяли под свое покровительство жившие там жены декабристов и, насколько могли, облегчали жизнь страдальцев.

Далее до Иркутска и потом до Шилкинского завода, куда были назначены Петрашевский и Львов, шли пешком сначала всей партией, потом вдвоем. В Шилкинском заводе Петрашевский и Львов пробыли 3 года в сравнительно сносных условиях, только числясь в каторжных работах, но на самом деле на свободе. Затем Петрашевский был переведен на Александровский завод, где встретился со своими товарищами Спешневым, Мобелли и Григорьевым. Там они вместе устроили школу для детей.

В 1856 г. Петрашевский был по распоряжению царя освобожден от каторжных работ и переведен на поселение. Он переселился в Иркутск и жил там с своими товарищами Спешневым и Львовым. Петрашевский очень нуждался, так как его родные совсем ему не помогали, и брался за разную работу. Генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев, считая себя свободомыслящим, относился сначала хорошо к «петрашевцам», принимал их у себя и даже привлек их к работе в «Иркутских губернских ведомостях». Но вскоре отношение к «петрашевцам», особенно к самому Петрашевскому, изменилось, и начались непрерывные гонения.

Дело в том, что ни каторга, ни бедствия и унижения не могли сломить твердой воли Петрашевского и заставить его изменить свои взгляды. Он считал, что необходимо бороться за правду и за права, как свои, так и других людей; при чем бороться за права нужно законным способом. Поэтому из Сибири он постоянно слал прошения с требованием пересмо-

треть дела всех «петрашевцев». Начальство в Сибири и высшие власти в Петербурге смотрели на него, как на беспокойного человека, тяжелого характера и дурного поведения. Работая в иркутской газете, Петрашевский тоже не стеснялся с беспощадной откровенностью и прямотой писать правду, выступал на защиту обиженных и угнетенных, возмущался произволом в управлении. Конечно, все это создало ему непримиримых врагов в лице всех начальников. Петрашевского в конце концов выслали из Иркутска в Енисейскую губ. с запретом жить в городах Сибири.

С этого времени начались годы особенно тяжелых мытарств. Петрашевского постоянно высылали из одной глухой деревушки в другую; он испытывал страшные физические лишения, постоянные издевательства начальства; заживо погребенный среди грубого, угрюмого и несимпатичного населения, окруженный такой же угрюмой и суровой природой и обстановкой, он знал только страдания.

Особенно мучительной была жизнь в глухой деревушке Верхний Кебеж, находящейся в 115 верстах от города Минусинска Енисейской губ. Какова была его жизнь в этой дыре, видно из рассказов одного политического ссыльного:

«Заседатель поместил его в квартире, из которой он не должен был отлучаться: она состояла из отдельной избушки, которая, к несчастью, не была проморожена предыдущей зимой. Одну из египетских казней в Сибири составляют насекомые—тараканы...

Крестьяне, чтобы избавиться от них хоть на время, в самые жестокие морозы, градусов в 40, выселяются из своих изб, отворяют двери, выставляют окна и наваливают на пол груду снега. Это называется вымораживанием... Без этого тараканы размножаются в ужасающем количестве, и в невымороженной избе ничего съестного держать нельзя,—все будет съедено тараканами в несколько часов. А о заползании под белье, в нос, глаза, в уши, в рот и об укусах и говорить нечего».

И вот в таких условиях приходилось жить Петрашевскому.

В 1866 г. Петрашевский был переведен в село Бельское той же Енисейской губ. и в скором времени там скончался.

«Село Бельское, в котором пришлось Петрашевскому окончить свою многострадальную жизнь, производило поистине удручающее впечатление. Сотня жалких домишек, разбросанных по двум оврагам, вблизи небольшой, заросшей травой речки, а далее со всех сторон глухая тайга, — на сотни и тысячи верст...

«О какой-либо культуре не могло быть, конечно, и речи. Довольно указать на то, что несмотря на существующую несколько десятков лет школу, громадное большинство крестьян было безграмотно; многие из них прямо забывали то, чему научились в школе, так как никаких книг в селе не было, а ближе Енисейска, до которого было около 150 верст, их и достать было нельзя».

В этом-то забытом всеми углу далекой Восточной Сибири и сложил свои кости Петрашевский, бескорыстный поборник правды, справедливости и права, в том смысле, как они понимались им и многими другими представителями лучшей интеллигенции той эпохи.

Есть ли какая-нибудь связь между идеями Петрашевского и его предшественников-декабристов?

* * *

Судьба жестокая свершилась надо мной.
От смертной казни я едва освобожденный,
Стою среди снегов, один в стране чужой,
В остроге, как в тюрьме, погибнуть осужденный.
Прощай, мой милый край, семья родная!
Все лучшее, что в жизни я любил,
И родина моя, столица дорогая!
Я с вами счастлив был, но счастья не ценил.
Вас больше нет при мне, судьбы рукой суровой
В изгнанье дальнее влекусь я — скорбь в душе!
Так вихрем сорванный от дерева родного,
Летит зеленый лист увянуть вдалеке!..
Свободы я лишен, и в бегстве нет спасенья;
В обители снегов один я здесь стою...
Кому я выскажу тяжелые мученья,
Которые теснят и давят грудь мою?
Услышьте ж вы меня, дремучие леса!
Одни свидетели и жалоб, и страданья,
И с жизнью моего последнего прощанья;
И вы, горящие святые небеса!

Д. Ахшарумов («петрашевец»).

Михаил Александрович
Бакунин
1814 — 1876

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАКУНИН

(1814—1876).

> «Страсть к разрушению есть в то же время творческая страсть».
>
> М. А. Бакунин
> (Жюль Элизар).

Знаменитый основатель боевого, революционного анархизма, Михаил Александрович Бакунин, был исключительно выдающимся революционером, зажигавшим каждого, приближавшегося к нему, «революционной страстью». Эта революционная страстность Бакунина, которой соответствовал и его внешний облик (гигантский рост и огромная грива волос), производила могучее очарование на всех людей. «Не силой убеждения он действовал, не мысль будил он своей мыслью, но поднимал всякое бунтующее сердце, будил стихийную злобу»,—говорится в одном воспоминании о нем. Он был чистым революционером и только революционером-разрушителем старого. Нельзя себе даже представить его в роли строителя. На вопрос своего друга: «Что он намерен делать, если бы исполнились все его реформаторские планы?»—Бакунин ответил: «Тогда я все опрокину».

Сын состоятельного тверского помещика, Бакунин родился в 1814 году. Окончив артиллерийское училище, он служил офицером в провинции. Военная служба тяготила его, и уже 21 года от роду (в 1835 г.) он вышел в отставку и переехал в Москву. Здесь он занялся самообразованием, примкнул к одному из существовавших тогда кружков, объединявшемуся вокруг Станкевича и Белинского (знаменитого критика).

В кружке занимались, главным образом, философией, увлекаясь преимущественно Гегелем. Философия Гегеля и у нас и в Германии сделала из части ее последователей крайних революционеров и социалистов. Среди молодых гегельянцев Бакунин скоро выделился, как человек с громадными способностями к философии и с увлекательным красноречием.

В 1840 году Бакунин отправился (на средства Герцена) в Германию, чтобы изучать там философию. Он мечтал даже сделаться профессором; но этим мечтаниям о чистой науке не суждено было сбыться. Очень скоро он вошел в круг немецких молодых философов, делавших из философии Гегеля революционные выводы. Это определило всю его будущую деятельность, как революционера. В 1842 году Бакунин поместил в немецком революционно-философском журнале статью о реакции в Германии. Статья кончалась знаменитыми словами, заключающими сущность взглядов и деятельности Бакунина: «Страсть к разрушению есть в то же время творческая страсть».

Став открытым революционером, Бакунин подвергся преследованиям полиции, понудившим его пе-

ребраться в Швейцарию. Там (в Цюрихе) он вступил в сношения с группой немецких коммунистов, последователей знаменитого немецкого коммуниста — портного Вейтлинга. Эти сношения окончательно опорочили Бакунина в глазах Николая I и тайной полиции. В 1843 году Бакунину было предложено немедленно вернуться в Россию. Он не подчинился этому требованию, и суд присудил его за сношения с «лицами, злоумышляющими об изменении настоящего порядка вещей в государствах» и за неповиновение, «лишив чина, дворянского достоинства и всех прав состояния, в случае явки в Россию сослать в Сибирь, в каторжные работы, а имение его, какое окажется где-либо собственно ему принадлежащее, взять теперь в секвестр» (наложить арест).

Под влиянием преследований полиции Бакунин из Швейцарии должен был перебраться в Бельгию, а в 1847 году приехал в Париж. Здесь он познакомился со многими виднейшими революционерами, между прочим с Марксом и Прудоном. Анархические взгляды Бакунина сложились под сильным влиянием последнего. Однако уже в конце 1847 года Бакунин был, по требованию русского посла, выслан из Парижа. Это было вызвано речью Бакунина на собрании, посвященном семнадцатой годовщине польского восстания. В этой речи, вызвавшей в слушателях бурю восторга, Бакунин говорил о накопившемся в России недовольстве, о том, что ее терпение истощилось, о близости революции в России. Русский посол не ограничился требованием высылки Баку-

нина, но, стремясь подорвать его популярность, распустил слух, что Бакунин — агент русского правительства. При всей ее нелепости, клевета эта была подхвачена врагами Бакунина и причинила ему много страданий.

Но изгнание Бакунина продолжалось недолго. В феврале 1848 года во Франции разразилась революция, давшая Бакунину возможность вернуться во Францию. Бакунин с головой окунулся в революционные дела. Французская революция, за которой вскоре последовали революции в Вене и Берлине, окрылила его надеждой на близость революции мировой. Из Парижа он отправился с революционными поручениями в Германию, а оттуда поехал в Чехию, в Прагу, в то время, когда там происходил славянский съезд. Бакунин участвовал в съезде и старался провести на нем свои мысли о соединении всех славянских народов в братский союз, о превращении Австрии в федерацию равноправных народностей, об освобождении славян на Балканах из-под ига турок и о примирении поляков с русскими. Однако, съезд не был доведен до конца, потому что в Праге вспыхнуло восстание, вызванное недовольством чехов и их стремлением к освобождению от австрийского гнета.

Это было в июне 1848 года. Бакунин принял в восстании деятельное участие и находился даже в составе тайного правительства, руководившего восстанием. Восстание было подавлено, Бакунин бежал в Германию, где скрывался в разных городах, ожидая восстания Чехии и Германии.

В мае 1849 года Бакунин принял участие в восстании в Дрездене. Здесь он тоже играл видную, чуть не диктаторскую роль, и в течение нескольких дней руководил отчаянной защитой города от наступавших на него войск. Когда войска сломили отчаянное сопротивление революционеров, Бакунин сделал попытку бежать, но был арестован через несколько дней. Просидев около года в саксонской тюрьме, он был приговорен к отсечению головы, но помилован саксонским королем и выдан австрийскому правительству в качестве участника пражского восстания. Здесь он был приговорен к повешению, которое заменили пожизненным заключением. В разных саксонских и австрийских тюрьмах Бакунин просидел с мая 1849 года по май 1851 г.

В мае 1851 года, по требованию русского правительства, Бакунин был в цепях доставлен в Россию. В России он просидел в Алексеевском равелине Петропавловской крепости и в Шлиссельбурге 6 лет в одиночном заключении. В марте 1857 года одиночное заключение было ему заменено ссылкой на поселение в Сибирь. В Сибири, благодаря родству с генерал-губернатором, Бакунину жилось сносно. Он имел работу, пользовался свободой передвижения. Здесь же он женился. Однако, он не мог примириться с такой участью и в июне 1861 года бежал, спустившись по Амуру, и через Японию и Америку прибыл в Лондон.

Очутившись опять на свободе, Бакунин с прежним жаром отдался революционной деятельности. «Бакунин, — вспоминал позднее Герцен, — спорил, проповедывал, распоряжался, кричал, решал, направлял, организовал и ободрял целый день, целую ночь, целые сутки. В короткие минуты, остававшиеся у него свободными, он бросался за свой письменный стол, расчищал небольшое место от золы и принимался писать пять, десять, пятнадцать писем в Семипалатинск и Арад, в Белград и Царьград, в Бессарабию, Молдавию и Белокриницу. Середь письма он бросал перо и приводил в порядок какого-нибудь отсталого далмата, и, не кончивши своей речи, схватывал перо и продолжал писать. Деятельность его, праздность, аппетит и все остальное, как гигантский рост и вечный пот, все было не по человеческим размерам, как он сам; а сам он — исполин с львиной головой, с всклокоченной гривой».

Всю эту напряженную революционную работу Бакунин, живя в Лондоне, развивал вместе со своими друзьями Герценом и Огаревым, издававшими «Колокол». При этом он всячески старался революционизировать и «Колокол» и его издателей, толкая их влево, как поступал всегда и со всеми, вступавшими с ним в общение.

В это время Бакунин занимался исключительно славянскими и русскими делами. Он не выступает еще с планами разрушения всякой государственности, уничтожения всей буржуазной цивилизации. Это пока не интернационалист, а националист, одушевленный

идеей объединения и величия славянского племени, создания мощной федерации славянских племен. Для этой цели нужно было, по мнению Бакунина, прежде всего, уничтожить главного врага славянства — австрийскую империю. Свои взгляды Бакунин сам называл панславизмом. Он думал, что в славянских народах таятся богатые возможности, которые освободятся вместе с освобождением и объединением славян. «Панславизм есть вера, что соединение всех славянских племен, состоящих из 85 миллионов, внесет новую цивилизацию, новую живую, истинную свободу в мир», — писал Бакунин.

Эти взгляды Бакунина, побуждавшие его также к проповеди вражды к немцам, вызывали недоверчивое к нему отношение у многих иностранных революционеров.

С верой в великую будущность славянского племени у Бакунина соединялась не менее горячая вера в народ, который, по его мнению, не интеллигенции следовало учить, а наоборот — самой у него учиться. На этой вере была основана крайне умеренная политическая программа Бакунина в русских делах в начале 60-х годов. Он не мечтал о разрушении русского государства, а хотел только самоуправления для России, чтобы русский народ, в который он верил, мог проявить свою волю, высказаться. Он соглашался даже на самоуправление с царем во главе, потому что «все равно, как хочет народ». Русский народ, свободный от «закоренелых и на Западе в закон обратившихся предрассудков, ре-

лигиозных, политических, юридических и социальных», должен был создать новую цивилизацию, новую веру, новое право, новую жизнь. Но для этого нужно было свободное волеизъявление народа в Земском Соборе, созыв которого был единственным средством спасения России от разорения и крови.

В это время все еще надеялись на благоприятный исход начатых Александром II реформ. «Эпоха великих реформ» не стала еще «эпохой великого обмана», как сказали впоследствии. Эту общую веру разделял и анархист Бакунин, на ряду с очень умеренными представителями русского дворянства, мечтавшими об «увенчании здания» и подававшими Александру II адреса о даровании конституции.

Конечно, очень скоро стала ясной несбыточность таких надежд. Но Бакунин ни разу не изменял себе. Только, поддаваясь своему бурному революционному темпераменту, он хватался за всякую малейшую надежду на осуществление или даже незначительное приближение своей мечты, и потому очень часто оказывался легковерным и разочаровывался. Так было с надеждами на мирное освобождение России, а через год так случилось с надеждой на русскую революцию. Как только вспыхнуло польское восстание 1863 года, Бакунин горячо к нему примкнул, убеждая и увлекая других. Он мало смущался аристократическим и националистическим характером движения, надеясь на то, что по мере революции выявится ее подлинное народное лицо. Главной же на-

деждой его и верой было, по словам Герцена, «что Жмудь и Волга, Дон и Украйна восстанут, как один человек, услышав о Варшаве». Ему удалось самого Герцена увлечь гораздо дальше, чем тому позволял его более умеренный взгляд на вещи. Сам Бакунин отправился в Швецию, чтобы оттуда пробраться через Литву в Россию с целью поднять там восстание. Из поездки этой ничего не вышло. Буржуазный характер польского восстания скоро вполне обнаружился. Восстание было подавлено. В России революция не вспыхнула. Разочарование Бакунина было очень велико, осложняясь еще размолвкой со многими старыми друзьями, включая и Герцена. Бакунин покинул Лондон и перестал заниматься русскими делами. С этого времени (с 1864 года) начинается последний период его жизни, посвященный анархической пропаганде и деятельности.

В эти годы влияние Бакунина достигло наибольших размеров и создало ему сохранившееся в памяти потомства имя — главы революционного анархизма. Взгляды свои Бакунин высказывал в многочисленных речах, воззваниях, резолюциях, прокламациях, агитационных брошюрах. Кипучая революционно-пропагандистская деятельность Бакунина не оставляла ему времени для более систематического изложения своих основных взглядов. Его большие сочинения поэтому носят не вполне законченный

местами отрывочный характер. Важнейшими из них являются «Бог и государство», «Государственность и анархия» и «Кнуто-германская империя и социальная революция».

Основной идеей Бакунина была свобода человека. Он не мог примириться с каким бы то ни было угнетением человеческой личности. Бакунин рассматривал всю историю человечества, как тяжелый путь освобождения его, путь от звериного быта, через темное существование дикаря, через порабощение одних людей другими, порабощение, принимавшее все более утонченные и прикрытые формы, — к грядущему свободному человеку. Это конечное освобождение человека является целью всего и «высшим концом и увенчанием истории». Мы живем, таким образом, в переходное между прошлым рабством и грядущим освобождением время борьбы за свободу, и все, что препятствует этому освобождению, должно быть отвергнуто. На этом пути Бакунин прежде всего пришел к отрицанию религии, к атеизму. При этом он отверг бога не потому, что считал веру противоречащей доводам разума, опровергнутой наукой, но считал идею божества несовместимой с человеческой свободой. Религия, по мнению Бакунина, родилась из страха первобытного человека перед силами природы. Она освободила его от этого страха и поэтому была на соответственной ступени человеческого развития прогрессивным началом. Но в дальнейшем она начинает сковывать человека в его стремлении к сво-

боде». Бакунин считал несовместимым представление о разумном, справедливом, свободном человеке с идеей бога. Он считал бога символом рабства. Атеизм Бакунина не был простым безверием: это было богоборчество, отрицание бога, бунт против него. «Совершенно очевидно, что покуда мы будем иметь господина на небе, мы останемся рабами на земле. Наш разум и наша воля будут приравнены к нулю» («Бог и государство»).

Отвергнув бога во имя свободы человека, Бакунин должен был стремиться избавить человека также от пут, налагаемых другими людьми. «Человек становится свободным и достигает сознания и осуществления своего человечества лишь в обществе и единственно коллективным действием всего общества. Человек освобождается от ига внешней природы лишь благодаря коллективному труду, который один только в состоянии переработать поверхность земли в местопребывание, благоприятное для развития человечества, без этого материального освобождения не может быть ни для кого освобождения интеллектуального и морального. Изолированный человек не может иметь сознания своей свободы. Быть свободным для человека значит быть признаваемым за такового всеми людьми, которые его окружают. Итак, свобода не есть плод уединения, но взаимодействия, не самоисключения, но, напротив, общения, ибо свобода всякого индивидуума не что другое, как отражение его человечности, человеческого права в сознании всех свободных людей, его братьев, его равных».

Считая свободу личности осуществимой только в обществе свободных же других людей, Бакунин со страстностью нападал на государство, искажающее, по его мнению, эту естественную природу общества. Он считал государство суммой отрицаний индивидуальных свобод составляющих его людей, при чем отрицания эти не возмещаются каким-либо общим благом, во имя которого люди приносят эти жертвы государству. Даже когда оно хочет делать порабощенным им людям благо, оно действует принуждением и тем обесценивает свое добро, убивая свободу. Усовершенствуясь, преобразуясь от древних тираний к современной демократической республике, оно только становится более совершенным аппаратом принуждения. Имея своей целью принуждение людей, государство и не может изменить своей природы, как бы ни стремилось к этому. А поскольку единственной абсолютной ценностью для Бакунина была совершенно свободная человеческая личность,—в безусловном противоречии с которой стояла, по его мнению, самая идея власти,—он должен был желать безоговорочного уничтожения государства.

Вместе с государством должны быть разрушены все учреждения, на которых оно держится, все органы власти и с ними право собственности. Никакое законодательство недопустимо, потому что даже в самой демократической форме его оно является искажением народной воли и насилием над свободой человека; в аристократических государствах меньшинство подавляет большинство, а при народном правле-

ніи — большинство угнетает меньшинство. Поэтому не должно быть никаких законов, никаких обязательств. «Свободное соглашение, свободное объединение, договоры — вот главное право, на основе которого должно быть построено человеческое общежитие. Никакое вечное обязательство не может быть допущено человеческой справедливостью, единственной, с которой мы можем считаться... Право свободного соединения и равно свободного разрыва есть первое и самое важное из всех политических прав». Государство надо уничтожить или коренным образом переустроить так, чтобы оно перестало быть централизованным и организованным сверху вниз; необходимо, чтобы оно реорганизовалось снизу вверх с абсолютной свободой для всех частей соединяться или не соединяться и с сохранением для каждой свободы всегда выйти из этого соединения, даже если бы она вошла в него по доброй воле. «Нужно устроить свободную федерацию индивидуумов в коммуны, коммун в провинции, провинций в нации, этих последних — в соединенные штаты сперва Европы, а потом всего мира».

Следуя своему революционному темпераменту, Бакунин добивался немедленного осуществления всей этой программы. Этим определялась и практическая программа его деятельности, на этом же были основаны все его разногласия с друзьями и недругами из революционного лагеря. Считая в современном строе все порочным и подлежащим немедленному уничтожению, Бакунин единственную задачу момента видел

в организации этого всеобщего разрушения. При этом он считал бессмысленным и даже преступным во время этого разрушения пытаться заниматься каким-либо созиданием. Это только отвлекло бы силы людей от их прямой задачи — разгромить все до основания здание буржуазного государства и цивилизации. К тому же это поколение, выросшее в навыках старого мира, и неспособно создать обновленный строй — это является задачей следующих поколений.

Освобождение человечества мыслилось Бакунину в виде всеобщей социальной революции, которая будет сплошным уничтожением, разгромом, истреблением. Чем больше будет уничтожено, тем лучше — тем меньше следов старого перейдет в новый мир.

К. Маркс строил свои надежды на будущую социальную революцию на развитии, согласно строгим экономическим законам, пролетариата, как особого класса, который возьмет в свои руки власть, когда созреет и осознает свое назначение строителя нового мира. Бакунин же, отрицавший всякое государство и всякую организацию из центра, призывающий только ко всеобщему и немедленному разрушению, должен был относиться к пролетариату, как фактору революции, отрицательно. Он считал, что фабрично-заводские рабочие, обладающие уже некоторым образованием и сравнительным достатком, только количественно отличаются от буржуазии, но не по направлению. Материалом для социальной революции ему мыслились только те слои населения, которым совершенно нечего терять при предстоящем разру-

шении, что являлось залогом их революционной решительности; кроме того, разрушители не должны были быть заражены буржуазными навыками, которые они могли бы перенести в новый мир.

Поэтому Бакунин особые надежды в смысле социальной революции возлагал на страны экономически отсталые, как Италия, Испания и Россия. Отсутствие в них сильного городского пролетариата и наличие большого слоя угнетенного, темного простонародья, того, что Маркс называл «люмпен пролетариат» («нищенским пролетариатом»), особенно окрыляло его надежды. Темнота, безграмотность, нищета, рабство русского народа того времени естественно казались Бакунину благоприятными условиями для социальной революции. Залогом этого служили для Бакунина народные бунты Степана Разина и Пугачева, в беспощадной и мстительной деятельности которых он учил видеть примеры для подражания. Бакунин считал главным революционным элементом России разбойников. «В тяжелые промежутки, когда весь крестьянский рабочий мир спит, кажется, сном непробудным, задавленный всей тяжестью государства, лесной разбойничий мир продолжает свою отчаянную борьбу, и борется до тех пор, пока русские села опять не проснутся. А когда оба бунта, разбойничий и крестьянский, сливаются,— порождается народная революция. Таковы были движения Стеньки Разина и Пугачева. Разбойники в лесах, в городах, в деревнях, разбросанные по целой России, разбойники, заключенные в бесчисленных острогах империи, составляют один нераздельный,

крепко связанный мир, — мир русской революции. В нем, и в нем только одном, существует издавна настоящая революционная конспирация. Кто хочет конспирировать не на шутку в России, кто хочет революции народной, тот должен итти в этот мир».

Эти слова взяты из прокламации «Постановка революционного вопроса», написанной в 1868 году и обращенной к русской молодежи. В то время во всех университетских городах России происходили студенческие волнения, с которыми правительство расправлялось беспощадными репрессиями: арестами, тюрьмами, ссылками. Прокламация призывала молодежь, изгоняемую из университетов, присоединяться к разбойному народному движению: «Бросимся, братцы, дружно в народ и народное движение, в бунт разбойничий и крестьянский, и храня верную, крепкую дружбу между собой, сплотим все разрозненные мужицкие взрывы в народную революцию, осмысленную и беспощадную».

Этот повторенный Бакуниным за Герценом призыв «в народ» характеризует другую сторону взглядов Бакунина — его народничество. Любя народ, преклоняясь перед ним, чувствуя себя его неоплатным должником, Бакунин верил в бессознательную народную мудрость. Он думал, что неиспорченный буржуазной цивилизацией народ таит в себе, в своей психологии возможности будущей справедливой организации человечества, которой для Бакунина являлся социализм. Поэтому не учить надо народ, а у него учиться. Поэтому он призывал анархию и не боялся «разну-

здания всего, что называется дурными страстями», веруя, что к моменту строительства после социальной революции в народе проснутся и скажутся заложенные в нем начала мудрости и справедливости.

Если не следует учить народ, то какую же помощь могут ему оказать образованные люди, поставленные судьбой в привиллегированное положение? Задачей их должно быть только ускорение социальной революции путем постоянных призывов к бунтам, главное же — организацией этих бунтов, чтобы они не кончались так безуспешно, как обычно проходят народные бунты. Кроме того, для полного успеха социальной революции она не может ограничиться одним местом или даже одной страной, а должна носить международный характер. Для этого должна быть создана соответственная организация, которая смогла бы объединить и направить революционные усилия отдельных народов.

Проповеди социальной революции и попыткам создания международной организации для ее подготовки и была посвящена жизнь Бакунина в этот последний, наиболее важный период. Попутно он не отказывался от непосредственного участия в каждом восстании, когда к тому представлялся случай, не щадя себя и, быть может, не слишком заботясь о конкретных результатах: это в равной мере соответствовало его взглядам и его неукротимой революционной страсти.

Переехав в 1864 году в Италию, Бакунин принялся за организацию тайного международного брат-

ства, «Союза революционных социалистов». Программа братства являлась применением и выражением анархических взглядов Бакунина. Она провозглашала атеизм, отрицала всякий авторитет и власть, объявляла уничтожение права, основанного на законе, отрицала гражданственность, требовала коллективной собственности и объявляла труд — единственным основанием общественной организации, строимой в виде вольной федерации снизу вверх. Вокруг Бакунина сгруппировался кружок наиболее решительно настроенной итальянской молодежи, разделявшей воззрения Бакунина и безгранично ему преданной. Многие из них впоследствии приобрели громкое имя своими революционными заслугами, как, например, известный анархист Э. Малатеста. Организация Бакунина явилась противовесом пользовавшейся большой популярностью в то время в Италии пропаганде Мадзини, республиканца-демократа с религиозным оттенком. Из Бакунинского кружка впоследствии выросла неаполитанская секция Интернационала.

Рамки деятельности Бакунина очень скоро чрезвычайно расширились. В 1864 году в Лондоне, при участии многих видных революционеров и в первую очередь Карла Маркса, было основано «Международное Общество рабочих», известное под именем Интернационала (в отличие от его преемников, он называется Первым). Эта организация, по мысли ее основателей, должна была являться легальным объединением и руководителем рабочего движения в разных странах. Она должна была иметь отдельные сек-

ции по странам и народностям. Объединить их и служить для них связью должен был Генеральный Совет. Секции должны были собираться ежегодно на конгрессы, для вынесения общих постановлений. В написанном Марксом уставе Интернационала цели его определялись так: «Освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих: борьба за освобождение рабочего класса имеет целью не создание новых классовых привиллегий, но уничтожение всякого классового господства. Экономическое подчинение рабочего собственнику средств производства, т.-е. источников жизни, является основной причиной всякого рабства во всех его формах — политического, нравственного и социального. Поэтому экономическое освобождение рабочего класса является великой целью, которой каждое политическое движение должно служить как средство. Все направленные к этой цели попытки до сих пор были бесплодными, благодаря отсутствию солидарности между отдельными отраслями труда в каждой стране и между рабочим классом всех стран. Освобождение рабочего класса является не местной, национальной, но социальной задачей, обнимающей все страны, в которых существует современное общество. Эта задача может быть разрешена только путем планомерной совместной деятельности всех прогрессивных стран».

Хотя Бакунин знал о существовании Интернационала и, вскоре после его основания, был даже принят в него и обещал Марксу свое содействие, однако долгое время он не предпринимал в этом напра-

влении ничего. Три года спустя после основания Интернационала, в 1867 году в Женеве возникла другая международная организация — «Лига мира и свободы», объединившая в своем составе много прогрессивных деятелей, но не носившая определенного характера революционности. Войдя в «Лигу», Бакунин сделал попытку ее революционизировать, навязать ей свою анархическую программу. Одновременно он пытался добиться слияния «Лиги» с «Интернационалом», думая этим создать для революционного движения более широкую почву. Когда обе попытки не удались, Бакунин, вместе со своими сторонниками, среди которых был знаменитый впоследствии географ и анархист Элизе Реклю, вышли из состава «Лиги» и основали новую международную революционную организацию «Союз социалистической демократии» (чаще называемый «Альянсом», что по-французски означает союз), принявшую полностью анархическую программу Бакунина. Эту программу Бакунин хотел провести и через Интернационал, для чего хотел слить обе организации.

Будучи революционером и заговорщиком по природе, кроме того, придавая большое значение революционной энергии небольшой группы преданных революционному делу вождей, Бакунин построил свой «Альянс» на основе двух организаций: явной, с уставом, мало чем отличавшимся от устава Интернационала, и тайной. Тайная должна была руководить всем делом и имела уже определенно анархическую программу. Стремясь к использованию Интернационала,

ставшего к тому времени уже мощной организацией, в своих целях, Бакунин пытался включить в него весь «Альянс» в качестве отдельной ветви. Когда же это не удалось, он распустил официально «Альянс», сохранив тайную организацию и предоставив отдельным секциям «Альянса» входить в Интернационал. Войдя таким образом в Интернационал, бакунисты стали стремиться придать ему желательное для них направление. На этой почве выросла страстная борьба между марксистами и бакунистами, закончившаяся исключением последних из Интернационала и распадом последнего. Спор имел под собой глубокую принципиальную почву. Марксизм был учением о воспитании пролетариата к власти и замене капиталистического строя коммунистическим строем — через переходную стадию диктатуры пролетариата. Бакунизм был безудержной проповедью немедленной, не считающейся ни с чем социальной революции, как всеобщего разрушения, после которого сам собою должен был народиться желанный новый строй. Цель была одна, но способы достижения настолько различны, что примирения быть не могло. Марксисты должны были считать, что их противники играют в руку реакции, дезорганизуя рабочее движение, лишая его силы и вызывая разочарование в рабочих неисполнением несбыточных надежд. Бакунисты, с своей стороны, неизбежно должны были думать что марксисты, занимаясь политической и экономической борьбой, приспособляя государственный аппарат для

нужд рабочих, ослабляют ненависть к главному врагу — государству, заражают рабочих буржуазным духом.

В 1871 году Бакунин и его ближайший сподвижник Гильом были исключены из Интернационала. Но целый ряд секций, главным образом из Швейцарии, Франции, Италии, Испании, были на стороне Бакунина. В 1873 году секции эти, отказавшись признавать постановления Генерального Совета, были также исключены, но исключения своего не признали и образовали самостоятельное объединение. Сам Интернационал распался. Но новый анархистский Интернационал, считавший себя продолжением первого, немногим пережил его. Сам Бакунин по болезни принимал в делах его мало участия. Единства между отдельными членами не было. В 1878 году вышел последний номер «Бюллетеней Юрской Федерации», официального органа бакунистского Интернационала. После этого анархическое движение потеряло свой центр и стало постепенно распадаться.

Последние годы жизни Бакунина были омрачены тяжелыми разочарованиями. Но несмотря на то, что он все больше убеждался в ошибочности своих надежд на скорое наступление социальной революции, несмотря на гнетущую нужду, массу неприятностей от многочисленных противников, мучительные болезни, революционный дух Бакунина не угасал. Во время франко-прусской войны Бакунин отправился в Лион, где тоже происходило восстание, и стал во главе его. Накануне восстания по городу была рас-

клеена прокламация, объявлявшая упразднение государства. Неудача восстания и подавление Парижской Коммуны доставили глубокие страдания Бакунину. Через три года, в 1873 году он, несмотря на свои 60 лет и тяжелую болезнь, участвовал во вспыхнувшем восстании в Испании, а еще через год — в восстании в Болонье в Италии, после подавления которого с трудом спасся.

1 июля 1876 года Бакунин умер в Берне от болезни сердца, 62 лет от роду. Так хорошо знавший Бакунина Герцен, в нескольких кратких словах определил его значение и причины сопровождавших всю его жизнь неудач: «В этом человеке лежал зародыш колоссальной деятельности, на которую не было запроса... Бакунин носил в себе возможность сделаться агитатором, трибуном, проповедником, главой партии, секты, иересиархом, бойцом. Поставьте его куда хотите, только на крайний край.... и он увлекал бы массы и потрясал бы судьбами народов».

Итак, Маркс считал необходимым использовать государство в интересах революции путем захвата государственной власти рабочим классом и установления диктатуры пролетариата на время перехода от капитализма к социализму, а Бакунин стремился к немедленному уничтожению государственности вообще.

Бакунин полагал, что чернорабочие массы Италии, Испании и других стран готовы к социальной революции, стоит только поднять ряд бунтов в разных местах. Маркс, наоборот, был уверен, что не отсталые чернорабочие массы, а дисциплинированный, с развитым классовым самосознанием, фабрично-заводский пролетариат может быть рычагом социальной революции

Маркс питал отвращение к тайным организациям, полагая, что только широкое рабочее движение способно играть крупную революционную роль. Бакунин, наоборот, был отъявленным любителем заговора, конспирации, шифров и тайных знаков.

Бакунин призывал к немедленной социальной революции, которая понималась, как разнузданне всего, что называлось дурными страстями. Маркс, наоборот, звал рабочий класс к выдержке, к организации, к дисциплине.

Бакунин в отдельных бунтах, вспышках, разрозненных выступлениях видел путь, который приведет к социальной революции.

Маркс, наоборот, относился резко отрицательно ко всем попыткам вспышек со стороны отдельных групп и секций.

Маркс считал, что Интернационал был основан для того, чтобы на месте социалистических и полусоциалистических сект поставить действительно боевую организацию рабочего класса, и всякое сектантство считал реакционным делом, шагом назад, а не вперед.

Бакунин же, объявив распущенным свой «Альянс» и войдя в Интернационал, не распустил той тайной организации, которая существовала внутри «Альянса», и хотел всю деятельность Интернационала подчинить диктатуре своей секты. Этот тайный союз, перенесенный внутрь Интернационала, должен был преследовать те самые цели, которые Маркс и его последователи считали гибельным и для рабочего движения, для революции.

Вот эти-то основные разногласия и были причиной, вырывшей непроходимую пропасть между Бакуниным и Марксом, между марксистами и бакунистами.

Являясь выразителем настроений отсталых крестьянских масс и мелких городских ремесленников (мелкой буржуазии), которые страдали от развития капитализма и не видели путей к освобождению от капиталистического гнета, Бакунин стремился немедленно уничтожить государство вообще, призывал к бунтам, восстаниям, вспышкам, веруя, что с помощью ряда таких бунтов можно зажечь всемирную социальную революцию.

Этим характером бакунизма объясняется успех, которым пользовалась пропаганда Бакунина в отсталых странах — главным образом в Швейцарии, Италии, Испании, России. Этим объясняется и то, что революционное движение 70-х гг. в России проходило под знаменем бакунизма.

Эмигрант Бакунин жил вдали от родины, но идейное его влияние в России было чрезвычайно велико. Особенно сильным это влияние было в 70-е годы.

Наиболее энергичные представители революционной молодежи той эпохи были все приверженцами Бакунина. По их безусловной вражде к государству, по уверенности, что в народе живут предания Разина и Пугачева, по стремлению всюду и везде устраивать отдельные вспышки революции они были чистокровными бакунистами. Только в конце 70-х гг., когда народовольцы поставили в порядок дня борьбу за политическую свободу с самодержавием, кончилось безусловное владычество идей чистого бакунизма.

В чем причина того большого влияния, которое имел Бакунин на всех своих сторонников?

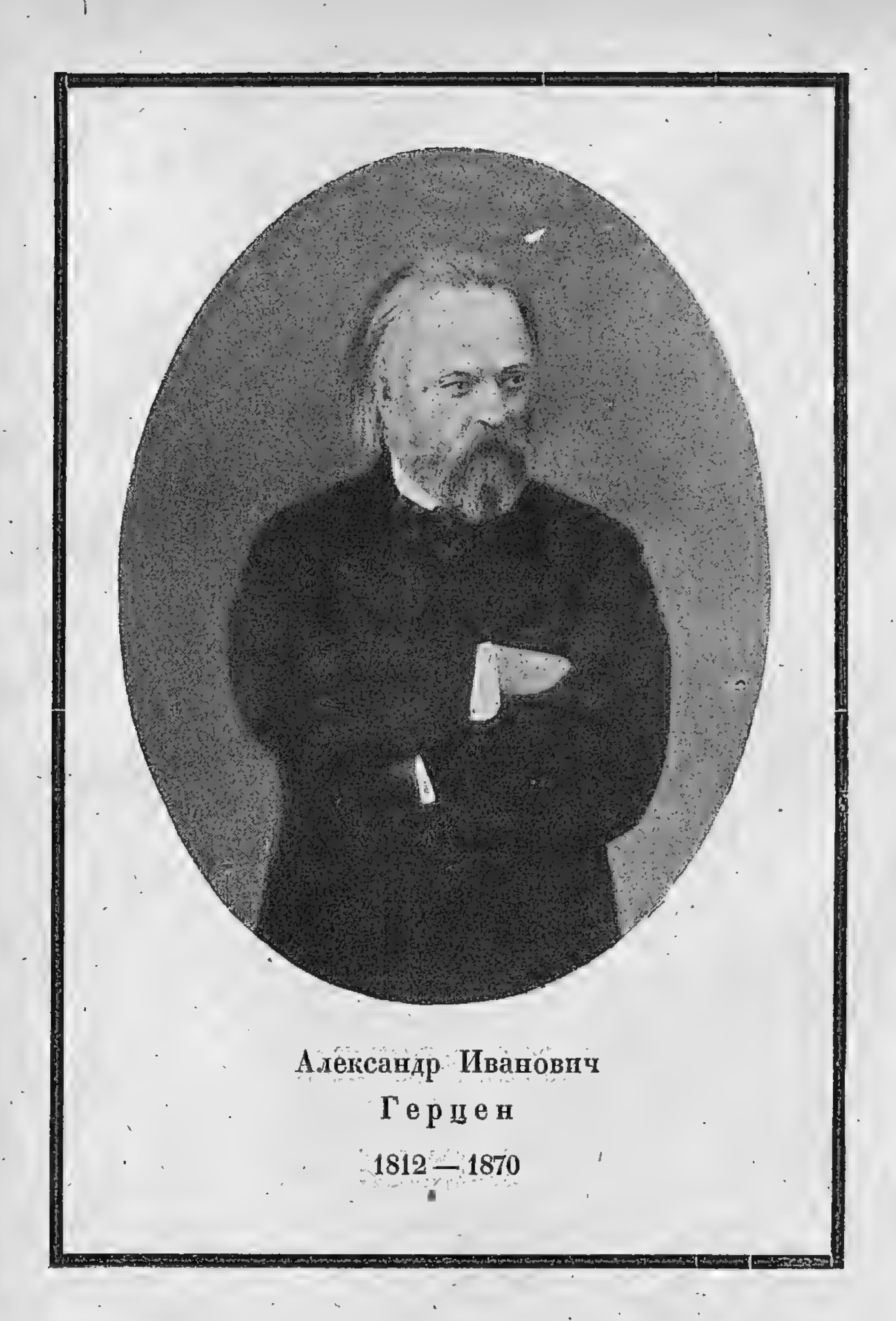
ДВОРЕЦ И КРЕПОСТЬ.

(Отрывок).

... И вот дворец передо мной
Стоял угрюмо и высоко;
В полудремоте часовой
Шагал у двери одиноко
И страхом веял мне покой,
В котором спал дворец глубоко.
У ног моих Нева одна
Шумела ярости полна.
А там далеко за Невой
Еще страшней чернелось здапье
С зубчатой мрачною степой
И рядом башен. Вопль, рыданья
И жертв напрасных стон глухой,
Проклятий полный и страданья,
Мне ветер нес с тех берегов,
Сквозь стуки льдин и плеск валов.

Дворец! Тюрьма! Зачем сквозь тьму
Глядите вы здесь друг на друга?
Ужель навек она ему
Рабыня, злобная подруга?
Ужель, взирая на тюрьму,
Дворец свободен от испуга?
Ужель тюрьмою силен он
И слышать рад печальный стон?
О! Сройте, сройте поскорей
Вы эти стены, эти своды!
Замки отбейте у дверей,
Зовите всех на пир свободы!
Тогда, тогда толпы людей,
Тогда из века в век народы
Благословят вас и почтут
И вас святыми назовут.
Но глух дворец, глуха тюрьма.
И голос мой звучит в пустыне,
Кругом туман, да ночи тьма
И с шумом вал бежит по льдине...
Тоска души, тоска ума
Еще сильнее, чем доныне,
И тяжелее жизни крест...
И я бежал от этих мест...

Н. Огарев.

Александр Иванович
Герцен
1812 — 1870

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ГЕРЦЕН
(1812—1870).

«Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежном,
Всю жизнь мне всё снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:
Свобода! Свобода!»

Н. П. Огарев.

Александр Иванович Герцен был сыном богатого и родовитого московского барина Ивана Алексеевича Яковлева и молодой немки Луизы Гааг, вывезенной Яковлевым из Германии. Аристократические предрассудки помешали Яковлеву жениться на Луизе. Сыну Александру была дана фамилия Герцен от немецкого слова «Herz» — сердце, как дитяти сердца. Это обстоятельство важно не только для объяснения фамилии Герцена. Оно имело значение для чуткого мальчика, рано почувствовавшего ложное положение в доме отца. Острое сознание сделанной ему самому и его горячо-любимой матери обиды рано пробудило в мальчике недоверие и протест против окружающего его мира. Проснувшаяся мысль не могла остановиться, и

это детское чувство было одним из толчков, давших начало развитию будущего революционера Герцена.

Другим детским впечатлением, имевшим решающее воспитательное значение для Герцена, было крепостное право. Правда, Яковлев не был жестоким человеком, так что Герцен не видел дома тех ужасных сцен зверского угнетения и истязаний, какими полна русская жизнь того времени и отражающая ее литература. Но тем яснее становилось безобразие самого крепостного строя, ужасы которого его детская мысль не могла относить к личной жестокости отдельных людей. Так, например, незабываемое впечатление оставила на 9-летнего мальчика Герцена смерть некоего Толочанова, крепостного дяди Герцена. Это был способный молодой человек, получивший образование: он был фельдшером. Владелец нисколько не теснил его, но сознание крепостного состояния было ему непереносимо. Толочанов влюбился в одну девушку и, чтобы получить ее согласие на брак, скрыл от нее свое звание крепостного. Уже после свадьбы та узнала, что она — жена крепостного и, следовательно, сама крепостная. Она не могла простить мужу обмана и через некоторое время бросила его. Он запил, растратил хозяйские деньги и отравился в доме Яковлева — мальчик Герцен видел его труп.

Большое влияние на Герцена имела его тесная дружба с дворней отца, очень многочисленной. Любовь к этим людям, отвечавшим мальчику тем же чувством, не могла не настраивать его против по-

рядка, тяготившего и унижавшего любимых им людей, делавшего бессмысленным их существование.

Таким образом, уже первое детство дало толчок к развитию тех качеств Герцена, которые являются определяющими для всей его жизни: любви к русскому народу, ненависти ко всякому угнетению и его воплощению, старому крепостному строю жизни, любви к свободе.

По этому же пути пошло и сознательное развитие Герцена с отроческих лет. Предоставленный самому себе в доме мрачного нелюдима-отца, способный и живой мальчик страстно предался чтению. Свободно владея французским и немецким языками, он беспрепятственно рылся в библиотеке отца, зачитываясь произведениями философов-вольнодумов XVIII века (как Вольтер, Руссо и др.) и историей Великой Французской революции. Этот интерес поддерживался в нем рассказами его учителя, старика-француза Бушо, участника великих событий. Мать Герцена научила сына ценить Шиллера, и преклонение перед этим восторженным поэтом любви к людям и свободе прошло через всю жизнь Герцена. Учитель русского языка внушил своему воспитаннику любовь к новой русской литературе, приносил ему запрещенные стихи Пушкина, Рылеева и других, которые тайком переписывались мальчиком.

Полное оформление всем этим отроческим мечтам дало восстание 14 декабря 1825 года, казнь и ссылка декабристов полгода спустя. События эти, в которых были замешаны и от которых пострадали

многие семьи того круга, к которому принадлежал отец Герцена, потрясли все общество. Потрясение это разделял и 14-летний Герцен, ставший с тех пор окончательно революционером. В это время Герцен подружился со своим сверстником (род. в 1813 г.) Н. Огаревым, впоследствии известным поэтом и ближайшим сотоварищем Герцена по революционной деятельности. Единство взглядов и вкусов было у них полное. Дружба эта продолжалась без перерыва всю жизнь Герцена, умершего на 7 лет раньше Огарева. В 1828 году оба мальчика (одному было 16, другому 15 лет), гуляя под Москвой на Воробьевых горах, поклялись друг другу в вечной дружбе и решении отдать всю жизнь на служение свободе. Хотя они и сами еще не понимали ясно, что означают для них эти слова, но жизнь их с тех пор определилась вполне; клятве своей они не изменили.

В 1829 году Герцен поступил на физико-математический факультет московского университета. Московский университет того времени не мог сам по себе оказывать большого влияния на своих питомцев. Среди профессоров мало насчитывается таких, о которых с благодарностью вспоминали бы студенты. Но товарищеская среда этих последних имела огромное значение. Одновременно с Герценом в университете учились Станкевич, Белинский, К. Аксаков, Огарев и многие другие будущие замечательные деятели на разных поприщах. Студенчество объединялось в кружки, в которых шла напряженная умственная жизнь. В постоянном товарищеском обще-

нии, в обмене мнений и спорах поддерживалось общее одушевление, вырабатывались взгляды. В кружке Станкевича, Белинского и (несколько позже примкнувшего к ним) Бакунина занимались философией и литературой.

Герцен и Огарев с товарищами больше всего интересовались социально-политическими вопросами.

Определенных, выработанных взглядов не было. Была общая революционная настроенность, стремление к «свободе», под которой понималось уничтожение всего, что стесняло жизнь личности и общества в настоящем, достижение прекрасного, счастливого будущего человечества. В этих надеждах и чаяниях Герцена и его друзей не заключалось еще определенной политической программы. С увлечением и волнением следили они за политическими событиями (как революция 30-го года, польское восстание 31-го года и пр.), обсуждали их, ждали и надеялись. К этому присоединилось влияние предшественника социализма Сен-Симона и его учеников. Особенное значение имел сен-симонизм своим протестом против окружающего общества с его гнетом, проповедью новой свободной жизни, освобождения всех человеческих сил для общего счастья.

В 1833 году Герцен окончил университет и продолжал еще год жить той же жизнью, вращаясь в кружке тех же товарищей. Летом 1834 года большая часть членов кружка была неожиданно арестована отчасти за пение революционных песен, а главным образом потому, что правительство чувствовало в них революционный дух. После девятимесячного

тюремного одиночного заключения, арестованные были приговорены к высылке в разные города. Герцену досталась Пермь, откуда, однако, он через три недели (19 мая 1835 года) был переведен в Вятку. В Вятке Герцену пришлось первое время служить в канцелярии губернатора, проводя целый день в одуряющем составлении бессмысленных бумаг в среде совершенно невежественных товарищей-чиновников. Однако, он скоро выделился своим образованием, и ему было поручено заведывание губернской статистикой. Через два года, по случаю проезда наследника, будущего царя Александра II, Герцену было поручено устройство краевой выставки. Наследник обратил на него внимание и ходатайствовал о смягчении его участи перед отцом—Николаем I. В результате этого ходатайства Герцен был переведен во Владимир, что было уже большим облегчением по одной близости к Москве.

Во Владимире Герцен провел еще два года, состоя на службе (ему было поручено заведывание газетой — «Губернскими Ведомостями») и усиленно занимаясь. Здесь же он женился на своей двоюродной сестре, Наталии Александровне Захарьиной, которую полюбил еще до ареста и с которой переписывался все время тюрьмы и ссылки. Эти четыре года не прошли бесследно для Герцена. Близкое знакомство с народной жизнью (Герцену приходилось по делам службы объезжать губернии, в которые он был сослан), о которой он до того имел только смутное представление, закалило его отрицательное отношение

к существующему порядку вещей — к «приказному строю» с произволом и взяточничеством невежественных чиновников, бесправием и угнетением народа.

По снятии полицейского надзора в 1839 году, Герцен жил некоторое время в Москве и Петербурге, из которого был опять выслан за неосторожное письмо — в Новгород. Только в 1842 году он получил возможность окончательно вернуться в Москву. За эти годы успели вполне сложиться его взгляды. Восторженная религиозность сменилась более свойственным природе Герцена трезвым, положительным мировоззрением («позитивизмом»), отвергавшим какие-либо религиозные представления и основанным только на выводах науки, перед которой Герцен преклонялся. Политические взгляды Герцена тоже получили подтверждение и укрепление вследствие его ознакомления с практической жизнью за годы ссылки. Кроме того, в эти годы Герцен усиленно занимался, читал массу книг по самым различным отраслям знания: круг интересов Герцена и тогда и после был очень широк; никогда не замыкался он в одной узкой области.

Вернувшись в Москву, Герцен принял самое деятельное участие в тогдашней общественной жизни. Умственные интересы общества и его взгляды только частично отражались в то время в печати, все больше страдавшей от цензурного гнета. Поэтому огромное значение приобрело устное общение. Люди собирались в частных домах и обсуждали самые сложные вопросы, при чем за этими страстными спорами напряженно следили все присутствовавшие.

В общественно-политических спорах того времени резко выделялось два направления: так называемые «западники» и «славянофилы». Первые, с Герценом во главе, преклонялись перед европейской культурой и сравнительной политической свободой Европы и желали для России того же пути политического и культурного развития. Эти взгляды свои они обосновывали на выводах науки, перед которой преклонялись как перед единственным путем достижения истины, отвергая религию.

К этому нужно добавить, что общей кличкой «западники» об'единялись люди очень различного социального положения и довольно различных взглядов. Так, к западникам относят и дворян—как Герцен, Огарев—и разночинцев—как Белинский. Одни из западников—профессор Грановский, знаменитый писатель Тургенев—были людьми умеренно-либерального образа мыслей: они в своих политических взглядах не шли дальше конституционной монархии для России. Другие западники, как Белинский и Герцен, были социалистами и мечтали о великой революции во всей Европе. Общего между ними всеми было то, что они отвергали, будто Россия имеет какой-то свой совершенно особенный исторический путь, отличный от западно-европейского развития.

«Славянофилы», напротив, относились отрицательно к западной цивилизации, проникнутой ложными началами и не опирающейся на веру. Они настаивали на особом пути развития России, выделяя отличные от западной жизни основы, лежащие в су-

ществе русского народа. Основным из таких начал славянофилы считали православие, давшее возможность народу, по их мнению, пронести через все угнетение — нетронутыми главные свойства славянского духа. Этим свойством была, по их мнению, соборность, коллективизм, выражающийся в сельской общине, мире и артели. Выводом являлось приглашение не к подражанию Европе, не к перенесению в Россию западных форм жизни, а к возвращению к народу, уже достигшему последнего слова западной мудрости.

Славянофилы и западники вели между собою страстные споры на различные темы—о науке и религии, о западной Европе и России, о предполагаемых будущих судьбах России и ее прошлом. С течением времени для более последовательных западников выяснилось, что столковаться со славянофилами нельзя. Виднейшие славянофилы были все до одного выходцами из богатых дворянских семейств, при том таких семейств, которые не порвали связей со своими усадьбами, с помещичьим хозяйством. Для них «патриархальные», т.-е. по-просту крепостнические, основы русской жизни представлялись чем-то прекрасным. К революции они относились с отвращением и выдвинули лозунг: «православие, самодержавие и народность». В конце-концов славянофилы, со своим преклонением перед старой русской жизнью, пришли к самой черной реакции.

Горячие споры западников и славянофилов далеко не могли быть целиком перенесены на страницы пе-

чати,—этому мешали условия Николаевской цензуры. Только кое о чем можно было писать,—и то больше не по вопросам общественным, а на более отвлеченные темы. Свои взгляды на значение науки в жизни Герцен развил в блестящих статьях, имевших огромное влияние на молодежь, под названием: «Диллетантизм в науке» и «Письма об изучении природы». Кроме того, Герцен писал и художественные произведения. Особенное значение приобрели повесть «Сорока-воровка» и роман «Кто виноват», являющиеся одними из первых страстных протестов в художественной литературе против крепостного права. Уже тогда Герцен проявил себя, как писатель совершенно исключительной силы, каким остался и впоследствии. Помимо значения всех его произведений, будь то статья по самым трудным общественным или философским вопросам или воспоминание о пережитом (как его знаменитые «Былое и думы»), они написаны необыкновенно художественно и увлекательно, вследствие чего собрание сочинений Герцена является одним из самых ценных достояний русской литературы, на ряду с книгами таких крупных писателей, как Тургенев, Салтыков и др.

Однако, реакция и, в частности, цензура свирепствовали все больше и больше. Работать становилось труднее и труднее. Задыхаясь в этой среде, Герцен решил уехать за границу, вослед уже находившемуся там Бакунину. После долгих хлопот ему удалось получить в конце 1847 года разрешение, и он с семьей и несколькими близкими людьми покинул Россию, не зная еще, что покидает ее навсегда.

Приехав за границу, Герцен, почти не останавливаясь в Германии, быстро доехал до Парижа, где встретил некоторых друзей, раньше него покинувших родину, напр. Бакунина. Радость освобождения, впечатления новой богатой общественной жизни, революция 48-го года во Франции и Италии, делали это короткое время одним из самых светлых периодов заграничной жизни Герцена. Но уже очень скоро этой бодрости и подъему суждено было смениться горьким разочарованием. Глубокий взгляд Герцена сразу заметил оттолкнувшее его от запада «мещанство», то, что теперь назвали бы буржуазным характером европейской цивилизации. Но последним ударом были июньские дни 1848 года, расстрелы рабочих буржуазией.

Вот как вспоминает об этом Герцен: «А торжественно начались они (т.-е. июньские дни). 23 числа часа в четыре шел я берегом Сены к гостинице. Лавки запирались, колонны национальной гвардии с зловещими лицами шли по разным направлениям... Раздался мерный, протяжный звук набата с колокольни св. Сульпиция, которым еще раз обманутый пролетарий звал своих братий к оружию... Барабан раздавался с разных сторон, артиллерия тянулась с Карусельской площади. Я слушал гром набата и не мог насмотреться на панораму Парижа, будто я с ним прощался; это была последняя дань великому городу, — после июньских дней он мне опротивел... Вечером 26 июня мы услышали после победы над Парижем правильные залпы, с небольшими

расстановками... Мы все взглянули друг на друга, у всех лица были зеленые... «Ведь, это расстреливают», — сказали мы в один голос и отвернулись друг от друга. Я прижал лоб к стеклу окна и молчал; за такие минуты ненавидят десять лет, мстят всю жизнь». И еще: «Надменная национальная гвардия с тупой злобой на лице берегла свои лавки, грозя штыком и прикладом; ликующие толпы пьяных мобилей (стражи) ходили по бульварам, распевая; мальчишки 15 — 17 лет хвастались кровью своих братьев; на них бросали цветы мещанки, выбегавшие из-за прилавка, чтобы приветствовать победителей. Кавеньяк возил с собой в коляске какого-то изверга, убившего десятки французов». Это разочарование в Европе Герцен выразил как в «Письмах из Франции и Италии», так и в особенности в знаменитой книге «С того берега», одном из лучших его произведений. Здесь Герцен дал волю одолевавшему его временами пессимизму.

Вскоре после июньских дней Герцену самому пришлось покинуть Париж и переехать в Женеву во избежание ареста. Здесь Герцен познакомился и близко сошелся со многими видными европейскими революционными деятелями, между прочим с французским анархистом-федералистом Прудоном, журнал которого он поддержал деньгами и сотрудничеством. Так как не было надежды на возможность вернуться в Россию и свободно в ней работать, Герцен, для упрочения своего и своей семьи положения, принял швейцарское гражданство и купил небольшой участок земли

в деревне Шатель. Пожив недолгое время в Швейцарии, Герцен переехал в Италию и поселился в Ницце.

В эти годы реакция начала все больше побеждать в Европе, давая почву усилению упомянутого разочарования в ней Герцена. Эти свои настроения он высказал, кроме упомянутой книги «С того берега», в ряде более мелких сочинений на русском, французском и немецком языках, как «Письма из Италии и Франции», «О развитии революционных идей в России», «Русский народ и социализм» и др. В этих сочинениях Герцен откровенно развил свои мрачные взгляды на будущее «омещанившейся» Европы, которая, по его мнению, способна была породить социализм, как путь спасения, но не имела уже сил осуществить его. А если бы она его и осуществила, то, по мнению Герцена, самый социализм Европы был бы мещанским. Но то, что Европа была бессильна сделать, суждено было осуществить русскому народу, в силу и значение которого Герцен верил со всей страстной силой и любовью изгнанника.

Основанием для веры в особый путь русского народа у Герцена были: 1) общинные начала русской народной жизни, то, что он называл «крестьянским коммунизмом», 2) русская литература и отразившийся в ней русский человек, казавшийся Герцену самым свободным в мире. Первое давало надежду на легкое осуществление социалистического строя в России, даже без предварительной стадии капитализма (это учение или особый «русский социализм» легло впоследствии в основу взглядов народников, споривших в 80-х —

90-х годах с социал-демократами). Второе являлось гарантией против воцарения в России, по примеру Запада, мещанства, царства буржуазного благополучия. В упомянутых сочинениях, как и во многих других, Герцен и высказывал эти взгляды. Одной из задач его деятельности при этом было ознакомление Европы с истинной Россией, отличной от ненавистной всем любившим свободу — России царской.

После тяжелой семейной драмы, пережитой Герценом в 1851 — 1852 году в Ницце (потеря матери, жены и сына), ему было слишком тяжело оставаться в ней дальше, он переехал в Лондон.

С этого момента начинается наиболее важный период жизни Герцена, период его наибольшей славы и влияния. Через год после переезда в Лондон, Герцен основал там первую вольную русскую типографию. В ней Герцен стал печатать свои произведения, а также запрещенные в России сочинения Радищева, декабристов и др. Первое время оставшиеся в России друзья Герцена отнеслись к этому начинанию, как к безумию. Они были до того запуганы реакцией, что боялись только ухудшения положения от предприятия Герцена. Но Герцен шел своей дорогой. Здесь, между прочим, он напечатал свои знаменитые воспоминания «Былое и Думы», в равной мере замечательные и глубиной мысли, и художественностью изложения.

Особенно усилилась деятельность Герцена с 1855 года, года смерти Николая I и воцарения Александра II. В России повеяло другим воздухом.

Реакция несколько ослабела. Появилась надежда на реформы. Герцен стал издавать с 1855 года (выходил до 1869) ежегодник «Полярная звезда», посвященный русским делам. Название было заимствовано от издававшегося декабристом Рылеевым журнала, а на обложке был изображен медальон с головами пяти казненных декабристов.

Но скоро, по мере развития движения в России, Герцен убедился в недостаточности ежегодника. 1 июля 1857 года вышел 1-й № первого русского вольного журнала, знаменитого «Колокола». В это время в России начиналось освободительное движение, мимо которого Герцен не мог равнодушно пройти. Он был настоящим революционером по силе ненависти к старому, отжившему строю и любви к свободе. Но обладая чрезвычайно трезвым умом и неспособный поддаваться увлечениям, он тем больше ценил всякие даже малейшие жизненные возможности, представлявшиеся трудному делу освобождения. Какими же надеждами и стремлениями должен был он загореться в это время, когда даже Бакунин ждал свободы для России от правительства и готов был примириться с царем, если он эту свободу даст?

Николай I умер 18 февраля 1855 года. Уже 10 марта Герцен обратился к Александру II с открытым письмом, где говорил о неотложных реформах. Письмо это в многочисленных копиях разошлось по всей России и произвело огромное впечатление. В России не привыкли к такому тону разговора с повелителем. Между тем, будучи полным достоинства,

письмо было в то же время чрезвычайно сдержанным и показывало глубочайшее сознание важности момента и ответственности.

«Разумеется, моя хоругвь — не ваша, — писал Герцен Александру II. — Я — неисправимый социалист. Вы — самодержавный император. Но между вашим знаменем и моим может быть одно общее... любовь к народу... Дайте землю крестьянам. Она и так им принадлежит. Смойте с России позорное пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спине наших братий, — эти страшные следы презрения к человеку... Дайте свободу русскому слову. Уму нашему тесно, мысль наша отравляет грудь от недостатка простора, она стонет в цензурных колодках. Дайте нам вольную речь... нам есть что сказать миру и своим... Я стыжусь, как малым мы готовы довольствоваться. Мы хотим вещей, в справедливости которых вы так же мало сомневаетесь, как и все... На первый случай нам и этого довольно... Быть может, на той высоте, на которой вы стоите, окруженный туманом лести, вы удивитесь моей дерзости. Может даже рассмеетесь над этой потерянной песчинкой из семидесяти миллионов песчинок, составляющих вам гранитный пьедестал... Государь, если эти строки дойдут до вас, прочтите их беззлобно одни, — и подумайте потом. Вам не часто придется слышать голос свободного русского».

Эта точка зрения, отказ от обсуждения отдаленных целей (но не отречение от них), ограничение темы запросами дня создали необыкновенную популярность

«Колоколу». В большом количестве экземпляров он перевозился через русскую границу и распространялся по всей России. Его читали все, начиная от Александра II и высших чиновников. В «Колокол» поступали корреспонденции со всех концов России. В нем даже был напечатан отчет о тайном заседании государственного совета по крестьянскому вопросу, который мог быть сообщен «Колоколу» только кем-нибудь из присутствовавших сановников. Сам Герцен тоже стал необычайно популярен. Все приезжавшие из России, не исключая придворных дам, стремились повидаться с ним. Министры советовались о том, нельзя ли его подкупить или пригласить на службу. Вследствие печатавшихся в «Колоколе» разоблачений назначались следствия. Программа «Колокола» определялась Герценом так: «Посвященный исключительно русским делам, «Колокол» будет звонить, чем бы ни был затронут, — нелепым указом или глупым гонением раскольников, воровством сановников или невежеством сената. Смешное и преступное, злонамеренное и невежественное — все идет под «Колокол».

Согласно письма к Александру II, Герцен выставил в первом же № «Колокола» такую программу минимум: 1) освобождение крестьян от помещиков, 2) освобождение слова от цензуры, 3) освобождение податного состояния от побоев. Вместе со всей русской интеллигенцией того времени, от консервативных, но все же согласных с реформами сановников до Чернышевского и даже Бакунина, Герцен верил в реформу сверху, в революцию сверху и не считал

уместным нарушать это единство предъявлением более широких требований. Когда рескриптом 20 ноября 1857 года был положен почин освобождению крестьян, Герцен приветствовал Александра II знаменитой статьей, начинавшейся словами: «Ты победил, Галилеянин». Он писал, что отныне имя Александра II принадлежит истории, что бы ни случилось с ним впоследствии; потому что освобождение крестьян совершено им.

Но этот единодушный порыв продолжался недолго. Скоро пришлось разочароваться в возможности «революции сверху», в способности Александра II и его сподвижников осуществить реформу в том виде, как этого требовали интересы русского народа. В связи с этим и общественное мнение разделилось: революционно-настроенные элементы, отказавшись от своих временных надежд, с тем большим увлечением направили свои силы на открытую борьбу с правительством. С другой стороны, реакционеры, несдерживаемые больше ни волей царя, ни страхом перед мнением общества, подняли голову. Правительство стало всячески урезывать им же самим начатые реформы и подавлять всякие попытки общественного движения. А молодежь ответила на это революционной пропагандой, волнениями, революционными попытками.

В связи с указанным исчезновением единства общественного мнения России стоит скорое падение популярности Герцена и его «Колокола». Для общества, перепуганного польским восстанием и ростом

революционных настроений среди молодежи, Герцен стал представляться слишком крайним.

В реакционной печати началась травля Герцена. В это время «Колокол» стал действительно все больше и больше революционизироваться под влиянием присоединившегося к Герцену в 1861 году Бакунина. Особенное значение имела здесь поддержка им польского восстания 63-го года. Восстание кончилось неудачей. Но оно с самого начала вызывало враждебное отношение в широких кругах русского дворянского и буржуазного общества. Польское восстание доставило очень горькое разочарование Герцену, тем более, что он предвидел все с самого начала, но дал себя увлечь Огареву и Бакунину.

С другой стороны, более молодое поколение, стремившееся к революции в ближайшем будущем, не могло пользоваться сочувствием Герцена, не верившего в близость революционного взрыва. А молодежи этой, гораздо больше разделявшей взгляды Бакунина и впоследствии Нечаева, тоже нечему было учиться у Герцена, казавшегося отсталым, нерешительным, «постепеновцем». Правда, это отчуждение было временным, и уже в 70-х годах так называемое народничество питалось, может быть, само того не зная, идеями Герцена. Даже лозунги его, как «Хождение в народ», «Земля и воля» — были заимствованы у Герцена, у которого они вытекали из его упомянутого выше отношения к русскому народу. Но Герцена тогда уже почти не помнили, и его не было в живых. При жизни же Герцену пришлось испытать еще одно ра-

зочарование: падение популярности «Колокола» и его редактора только усиливало боль от крушения надежд на скорое освобождение России.

В 1865 году Герцен переехал в Женеву и перевел в нее «Колокол». Там он продолжал издаваться еще в течение двух лет, пока не стало ясно, что назначение его кончилось. Еще один год — 1868-й — Герцен пробовал издавать «Колокол» на французском языке, вернувшись к первоначальной задаче своей заграничной писательской деятельности: ознакомлению иностранцев с Россией и ее освободительным движением, но и это дело успеха не имело.

В 1870 году, Герцен умер от воспаления легких в Париже. Прах его вскоре был перевезен в Ниццу, где и покоится до сих пор. В последние годы жизни Герцен чрезвычайно тяготился своим положением эмигранта, тосковал по родине. Но, конечно, о возвращении в Россию нельзя было и думать. Да и после его смерти его сочинения долгое время оставались изгнанниками, и только революция дала нам возможность читать их в полном виде.

Итак, Герцен верил, что Россия раньше, чем Европа, вступит на путь социализма. Почему? «На Западе, — говорил он, — крестьяне были освобождены без земли, стали пролетариями, угнетаемыми и обираемыми, и каждый трудящийся, каждый рабочий там думает только о том, чтобы как-нибудь снова стать собственником. У нас, в России, крестьянину нет надобности мечтать о собственности, так как у него

есть земля, а с другой стороны, в деревне сохранилась община, сознание, что земля общая собственность крестьян и должна и обрабатываться сообща, или, другими словами, наш мужик настоящий социалист или коммунист. И таким же социалистом или коммунистом является у нас и вообще всякий работник. Доказательством служит артель, члены которой не ради того работают, чтобы каждому стать предпринимателем, нанимающим рабочих, а свободно соединяются «на общий труд общими силами». И вот потому, что в России еще нет промышленности, нет капитализма, нет пролетариата, а с другой стороны, у крестьянина и у кустаря-ремесленника есть как бы коммунистические навыки, — социализм и установится прежде всего у нас, а уж потом под нашим влиянием и в Западной Европе». Это учение, получившее название «народничества», было у нас долгое время господствующим среди революционной интеллигенции учением. Отсюда ясно, каково значение Герцена в истории нашего революционного движения. Но это учение было заблуждением.

Крестьянин, на которого Герцен и его последователи-народники возлагали такие надежды в деле установления у нас социализма, вовсе не оказался тем прирожденным коммунистом, каким они его себе представляли, да и восторжествовала у нас революция только после того, как развилась промышленность, и часть крестьянства превратилась в рабочих, в пролетариат, в героическом порыве свергший власть капиталистов и помещиков и приступивший к устроению жизни на коммунистических началах.

Но в одном Герцен оказался провидцем. Социальная революция произошла у нас раньше, чем в Европе. И еще в одном отношении он оказался пророком. Каким-то чутьем он угадал, что коммунистическая революция будет последствием всемирной войны.

Это пророчество необходимо запомнить. В молодые годы Герцен писал: «Вся Европа будет вовлечена в общий разгром. Города, взятые приступом, ограбленные, обеднеют, фабрики остановятся, в деревнях будет пусто, военный деспотизм заменит всякую законность. Тогда победители начнут драку за добычу».

Все это и произошло в самом деле в итоге империалистической войны. И Герцен продолжал: «И тут на краю гибели и бедствий начнется другая война — домашняя, своя расправа неимущих с имущими. Среди грома и молнии, при зареве горящих дворцов, на развалинах фабрик и присутственных мест явятся новые заповеди. Как бы они ни сочетались с историческим бытом (с прошлым), основание будет принадлежать социализму».

1. Родоначальником какого течения в истории нашего революционного движения явился Герцен?

2. В чем сходство и различие в учениях Бакунина и Герцена?

ИСКАНДЕРУ [1])

(А. И. Герцену).

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежном, —
Всю жизнь мне все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:
Свобода! Свобода!

Измученный рабством и духом унылый,
Покинул я край мой родимый и милый,
Чтоб было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Взывать громогласно заветное слово:
Свобода! Свобода!

И вот на чужбине, в тиши полунощной,
Мне издали голос послышался мощный...
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мрак беспомощный,
Сквозь все завывания ветра ночного
Мне слышится с родины юное слово:
Свобода! Свобода!

И сердце, так дружное с горьким сомненьем,
Как птица из клетки, простясь с заточеньем,
Взыграло впервые отрадным биеньем,
И как-то торжественно, весело, ново
Звучит теперь с детства знакомое слово:
Свобода! Свобода!

И все-то мне грезится — снег и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И он говорит мне, снимая оковы,
Мое неизменное, вечное слово:
Свобода! Свобода!

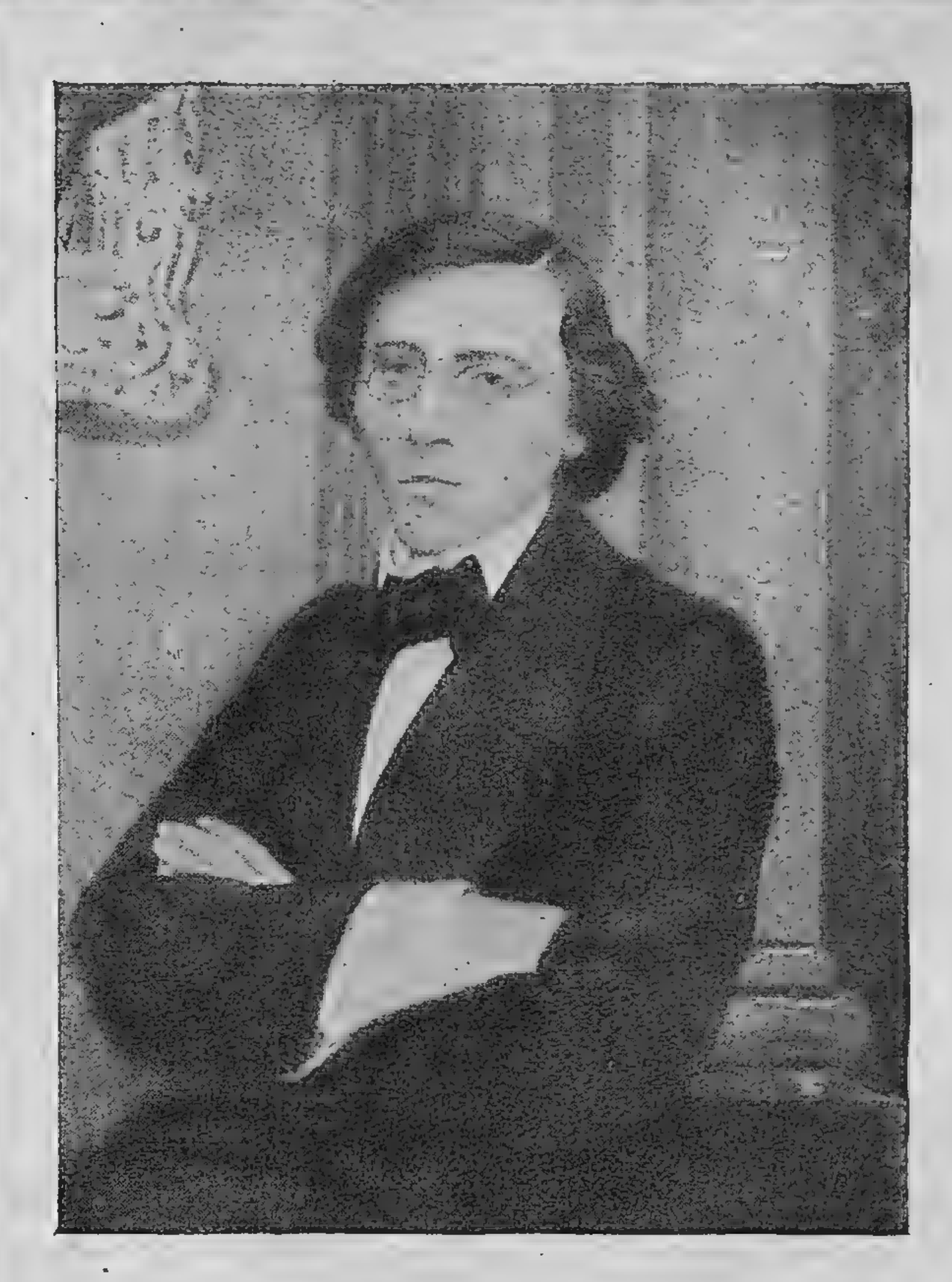
---

[1]) А. И. Герцен подписывал свои произведения именем Искандер. Искандером называли Александра Македонского в Азии.

Но если-б грозила беда и невзгода,
И рук для борьбы захотела свобода —
Сейчас полечу на защиту народа,
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! Свобода!

А если-б пришлось умереть на чужбине,
Умру я с надеждой и верою ныне;
Но в миг предсмертный — в спокойной кручине
Не дай мне остынуть без звука святого,
Товарищ, шепни мне последнее слово:
Свобода! Свобода!

Н. Огарев.

Николай Гаврилович
Чернышевский

1828 — 1889

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
(1828—1889).

«Я нисколько не дорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока. Если бы только был уверен, что восторжествуют мои убеждения, то даже не пожалел бы, что не увижу дня торжества и царства их. И сладко будет умереть, а не горько»...

Из дневника Чернышевского. 1848 г.

Н. Г. Чернышевский — знаменитый писатель и мыслитель-революционер, «властитель дум» русского передового общества 60-х — 80-х годов прошлого столетия, отец русского социализма.

Чернышевский родился в Саратове 12 июля 1828 года в семье протоиерея и инспектора духовных училищ Гавриила Ивановича Чернышевского.

Николя был первым и единственным ребенком Чернышевских. Детство его проходило в счастливой

обстановке. Родители его жили дружно. Оба души не чаяли в единственном сыне и окружали его лаской и заботой. Мать, простая и добрая, всецело ушла в заботы о доме и в особенности о страстно любимом сыне. Сын платил матери самой нежной привязанностью. Но большого влияния она на него не имела.

Зато влияние отца было огромно.

Гавриил Иванович Чернышевский был человек незаурядный. Добрый, умный, образованный, он выделялся из темной и грубой среды духовенства. Пытливый ум, широта и ясность взглядов, терпимость, твердость, прямота, честность и кротость были отличительными чертами Чернышевского-отца. Чернышевский-сын унаследовал и воспринял от отца эти черты характера и ума.

Хорошо зная недостатки обучения в духовных училищах, куда обычно священники отдавали своих детей, Гавриил Иванович решил дать сыну домашнее образование.

Николя с детства проявлял блестящие способности и отличался большой любознательностью. Ученье под руководством отца давалось ему легко. Отец не морил сына за книгами, не заставлял зубрить, не прибегал к строгостям, как это было принято в те времена. Г. И. урывками, между делом, но изо-дня в день, умел выбрать время, чтобы объяснить что-нибудь сыну, или рассказать, или сказать, что сделать; при этом он предоставлял ему свободу делить время между делом и игрой по своему усмо-

трению. Познания у Г. И. были обширные; он знал несколько языков, что в те времена для средних классов было редкостью; у него была отличная домашняя библиотека. Таким образом, и для отца и для сына часы уроков были легкими и радостными.

Особенно поражали всех способности Николи к языкам. К 13—14 годам он знал основательно латинский, греческий, французский, немецкий и даже английский языки. Не довольствуясь этим, он принялся за изучение татарского и персидского языков. С такой же жадностью он набрасывался на книги по истории, географии, физике и другим отраслям знания, увлекался литературой.

Но, несмотря на рано развившуюся страсть к чтению, Николя не был хилым заморышем, весь день проводящим за книгой в душной комнате. С раннего детства он любил устраивать игры и состязания на свежем воздухе с дворовыми мальчиками. В этих шумных играх и шалостях, где Николя был зачинщиком и коноводом, крепли его силы.

Семейная обстановка будущего писателя не ограничивалась родителями. Вместе с Чернышевскими на одном дворе жило семейство Пыпиных. Обе семьи были связаны тесными родственными и дружескими узами: Евгения Егоровна Чернышевская (мать будущего писателя) и Александра Егоровна Пыпина были родными сестрами и жили всегда вместе. Г. И. Чернышевский и его зять, мелкий помещик и чиновник, Николай Дмитриевич Пыпин, были большими друзьями. Словом, обе семьи жили, как гово-

рится, душа в душу, делили сообща все горести и радости, сообща воспитывали детей.

В противоположность Чернышевским семья Пыпиных была многочисленная. От первого брака у Александры Егоровны была дочь Любинька. За ней следовал сын Саша — будущий известный ученый и профессор по истории литературы Александр Николаевич Пыпин. Николя был старше Саши на пять лет, но несмотря на это братьев скрепляла с раннего детства самая нежная и преданная любовь. Эта редкостная дружба тянулась на протяжении всей жизни Чернышевского, и ничто — ни внешние обстоятельства, ни внутренние переживания каждого из братьев—не могло ослабить ее; наоборот, с годами их дружба только крепла. Николя сделался руководителем Саши, своего «брата и друга»—так всю жизнь Чернышевский называл Пыпина. Он следил за развитием брата, направлял работу его мысли, вел с ним задушевные беседы или переписку в годы разлуки, следил за его учением, чтением, первыми научными работами.

За Сашей в семье Пыпиных следовало еще несколько детей. Они были значительно моложе Чернышевского. Все братья и сестры Пыпины были самыми верными друзьями, а позднее и почитателями Чернышевского. В дяде и тетке, или, как их называли в семье Пыпиных — в «папичке» и «мамичке», он имел вторых родителей, таких же нежных и заботливых, какими были его настоящие родители.

Однако, семейная уютная обстановка, которая окружала Чернышевского в детстве и юности, не портила мальчика, так как в ней было все разумно. Изнеженности и баловства в семье не допускалось. В доме господствовала бодрая, рабочая атмосфера. Семьи Чернышевских и Пыпиных были небогаты, и все члены их работали с утра до вечера. Это был труд бодрящий и радостный.

Детство и юность Чернышевского не проходили в строго замкнутом домашнем кругу.

Благодаря той свободе, которая предоставлялась детям, Чернышевский рано познакомился с жизнью провинциального поволжского города, с его разнообразным, разноязычным, разноплеменным населением. Игры с дворовыми мальчиками и детьми соседей на обширном дворе Чернышевско-Пыпинского дома, на улице, на берегу Волги, сближали Николю с народной русской жизнью и воспитывали в нем истинного демократа. Служебное положение отца познакомило Чернышевского с бытом высшего, зажиточного и мелкого, бедного духовенства и провинциальной интеллигенции. Через дядю он узнал быт чиновничества, мелкопоместного дворянства, крепостных крестьян и дворовых.

Такова была обстановка, в которой рос мальчик Чернышевский. Как видно, несмотря на спокойное течение жизни, впечатления его детства были разнообразны и ярки; они впитывались его острым и жадным умом и способствовали тому, во что сформировался позднее Н. Г. Чернышевский.

Шестнадцати лет Николай Чернышевский поступил в один из старших классов саратовской духовной семинарии. Гавриил Иванович желал, чтобы сын пошел по его дороге. В семинарии Чернышевский, прекрасно подготовленный, начитанный, владеющий несколькими древними и новыми языками, выделялся в среде товарищей. Учителя и начальство гордились им. Товарищи любили. Правда, они часто подтрунивали над Николей и называли «красной девицей» за тихий, застенчивый нрав и мягкие манеры, которые сильно выделяли Чернышевского в среде грубоватых семинаристов. Но это не мешало товарищам искренно любить и уважать его, а также постоянно прибегать к его помощи. Николя охотно рассказывал, объяснял, писал сочинения на разнообразные темы для ленивых или неспособных учеников.

Приятелей у молодого Чернышевского было много. Но близко он ни с кем из товарищей не сходился. Сдержанный и замкнутый, он не делился с товарищами теми мыслями, которые волновали его ум, теми надеждами, от которых иной раз трепетало и замирало его сердце. О том, что переживал юноша, знал только Саша Пыпин, которого старший брат заражал своими стремлениями и надеждами.

Но что за стремления и надежды волновали подрастающего Чернышевского? Юноша задумывался над вопросами о смысле жизни, человеческих взаимоотношениях; он страдал за страдающее человечество и мечтал о служении этому человечеству.

Собственная счастливая жизнь не скрыла от мальчика многих темных сторон общественной жизни. Крепостное право, которое в своей родной семье он знал сравнительно с мягкой стороны, но все ужасы которого были ему известны из литературы и разговоров взрослых, заставляло его мучительно страдать и негодовать. Чем старше становился мальчик, тем меньше удовлетворяла его жизнь в родном городе. Мелочность узкой, душной, обывательской провинциальной жизни становилась все очевиднее. Даже родной уют начинал тяготить его. Ведь даже в его несомненно хорошей, порядочной, серьезной семье, чуткая совесть юноши открывала те же уже ненавистные ему черты благодушно-буржуазного отношения к жизни — терпимости к разным великим ее неправдам, ставшим привычным явлением. Он читал философские сочинения, ища в них ответа на мучившие его вопросы, и все больше убеждался, что только знания помогут ему разрешить эти вопросы.

Семинария с её учебой сделалась ненавистной молодому Чернышевскому. Он рвался к источнику настоящего знания. Из тихого, провинциального города его тянуло в столицу, где кипит жизнь, живая научная работа, где неустанно работает творческая мысль. Юноша видел себя среди этой жизни и работы. Он сознавал свои собственные могучие творческие силы и задыхался в семинарии, в Саратове.

Умный и чуткий отец догадывался о переживаниях сына и решил предоставить ему выйти на ши-

рокий путь жизни. Старый священник понимал, что в его сыне таятся большие силы. «Большому кораблю — большое плавание», думал про себя отец, с доброй усмешкой поглядывая на сына. На семейном совете было решено, что Николя поступит в петербургский университет.

Чернышевский покинул семинарию в 1846 г., после двухлетнего пребывания в ней. Учителя и товарищи расставались с ним с сожалением. Некоторые из его товарищей по школьной скамье, в преклонные годы, когда Чернышевский уже умер, с теплым чувством вспоминали о нем, чья судьба так резко отличалась от их судьбы. «Мы все просто благоговели перед ним», вспоминал впоследствии один из них.

Наиболее проницательные и чуткие из саратовских знакомых Чернышевского уже тогда начинали догадываться о сокровищах мысли и чувства, которые таились в этом скромном, застенчивом юноше. «Мне казалось», — писал впоследствии один из них, «что в глубине этой юной души лежит нечто таинственное, от всех скрываемое, что она недовольна окружающей ее средой и подозревает другого рода мировоззрение».

Чернышевский покидал семинарию, разрешив для себя остро мучивший его вопрос о высшем смысле жизни. Он разрешил его так: высший смысл жизни человека заключается в служении человечеству. Человечество несчастно, страдает в силу создавшихся несправедливых и неравных человеческих взаимоотно-

шений. Только наука, знание, могут уничтожить социальные несправедливости и водворить на земле справедливость и равенство, т.-е. счастье всего человечества.

Юноша мечтал о том, как сам он, вооруженный могучей силой — знанием, будет работать для процветания своего отечества, своего народа. Тем самым он будет служить всему человечеству, так как для него Россия, русский народ, были частью всей вселенной, всего человечества.

С такими восторженными мечтами ехал юноша Чернышевский в Петербург. С трепетом переступил он порог университета. Он был полон веры во всемогущество университетской науки и ждал от нее разрешения всех своих запросов.

Вначале, казалось, ожидания его оправдались. Первые письма Чернышевского домой полны восторженных отзывов о профессорах и лекциях. Но скоро наступило разочарование.

То была пора сурового николаевского режима. Во всех областях общественной жизни были выдвинуты лозунги: «самодержавие, православие, народность» и всякая передовая мысль, каждое живое слово подавлялись во имя этих лозунгов с неслыханной жестокостью. Даже научная мысль приносилась в жертву этим реакционным лозунгам. Николай I и его сотрудники старались превратить университеты в казарму, а профессоров в фельдфебелей. По красочному выражению Герцена, министерство народного просвещения напоминало пожарное депо, по-

стоянно тушившее знание из боязни, чтобы от его искр не воспламенилось слишком много умов.

Чернышевский вскоре разобрался в печальной действительности. «Храм науки» превратился в его глазах в гасителя живой мысли. Тяжело было молодому человеку перенести это разочарование. Он попрежнему продолжал посещать лекции, но настоящая его работа шла уже не в университете, а в тиши его скромной студенческой комнаты и в библиотеке. «Читать самому гораздо полезнее, — пишет Чернышевский домой, — если бы я знал, не поехал бы сюда»...

В стороне от университета Чернышевский углубился в изучение передовых мыслителей своего времени. Благодаря основательному знанию иностранных языков, он мог теперь ознакомиться в подлиннике с выдающимися произведениями французской и немецкой литературы, отражавшими философские и общественные мысли 40-х годов.

В студенческие годы Чернышевского русская передовая интеллигенция увлекалась идеями иностранных, особенно французских социалистов-утопистов: Сэн-Симона, Фурье, Роберта Оуэна, Кабэ и других.

Эти мыслители подвергали жесточайшей критике отрицательные стороны буржуазного строя. Они доказывали, что великие обещания Великой Французской Революции не оправдались, не вошли в жизнь, что эксплоатация человеком человека не уничтожена, а приняла лишь иные формы: рабство крепостное заменилось рабством, основанным на наем-

ном труде. Французские утописты рисовали яркие картины жизни будущего счастливого человечества, когда оно сбросит цепи рабства и даст простор своим творческим силам.

Но когда и как это сбудется? Вот на этот-то важнейший вопрос социалисты-утописты отвечали так, что сделали свои учения совершенно нежизненными, а потому и не давшими никаких результатов. Социалисты-утописты не были людьми науки. Они не занимались изучением основ капиталистического общества и законов общественного развития; и они не понимали, что именно только эти законы и должны привести к исчезновению капитализма и замене его другим строем. К такому выводу пришла позднее школа научного социализма. Утописты же, люди фантазии, верили в то, что найдутся такие умные, благородные капиталисты, которые поймут разумность и красоту нового социального строя и начнут сами осуществлять его, увлекая своим примером других.

Из всех утопистов в России наибольшим успехом пользовался Фурье.

Фурье доказывал, что все несчастья народа основываются на несовершенстве общественного строя; корень зла в неорганизованности труда, при которой «бедность порождается самим избытком», т. е. избыток для одних порождает нищету для других. Благодаря своей неорганизованности, труд в буржуазном строе является проклятием, ярмом. При социалистическом строе он будет наслаждением.

Человек рожден с разнообразными страстями и потребностями. Их надо не подавлять, а развивать. Тогда общественная польза совпадет с личным счастьем. Социализм должен найти такую форму общежития, при которой будет полное и равномерное развитие социальных и индивидуальных стремлений. Такая форма общежития, по мнению Фурье, должна быть построена на основе объединения или союза производства и потребления. Такой союз или ассоциацию Фурье называет «фалангой»; т.-е. тесно сомкнутым строем; фаланга представляет собой одновременно производительную ассоциацию — трудовую артель и потребительную — огромный кооператив. Общежития для членов фаланги—фаланстеры—прекрасные дворцы, где люди наслаждаются прекрасной жизнью. Фаланстер окружен садами, полями и огородами; при нем находятся обширные мастерские, где благодаря разумной организации труда, каждый работает по мере сил и способностей, в полном соответствии со своими наклонностями.

Взгляды Фурье нашли горячий отклик в Чернышевском. Он становится убежденным сторонником французского утописта. Он готов отдать жизнь за торжество своих идей. В 1848 году юный студент пишет в своем дневнике:

«Я нисколько не дорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока. Если бы только был уверен, что восторжествуют мои убеждения, то даже не пожалел бы, что

не увижу дня торжества и царства их. И сладко будет умереть, а не горько»...

Приняв ученье фурьеризма и положив его в основу своего социалистического мировоззрения, будущий знаменитый русский мыслитель, однако, не утратил способности относиться критически к этому учению. Чернышевский брал у великого утописта его беспощадную критику буржуазного строя, его мысли о будущем свободном обществе, его горячую веру в силу разума и могущество просвещения, его убеждения в конечном торжестве социалистического идеала. Но надежды, которые Фурье и другие утописты возлагали на просвещенных капиталистов, были чужды положительному уму Чернышевского. Он понимал, что тут надо искать других путей. В этих поисках новых путей ему помогло изучение материалистического учения немецкого философа Фейербаха.

Материалист Фейербах объяснял все существующее теми или иными свойствами материи.

До Фейербаха в Германии господствовало другое философское направление — идеалистическое, которое признавало основой всего — дух. Вся мировая история — это «разумное, необходимое развитие мирового духа», говорил величайший представитель идеалистической философии Гегель. Таким образом, по взглядам идеалистов началом всего является дух, материя же есть продукт духа. Фейербах и другие материалисты говорили наоборот: материя, основа сущего, порождает мир духовных явлений. Дух независимо

от материи не существует. Вся мировая история человечества есть последовательное изменение материальных условий человеческого существования. И в связи с этими материальными изменениями условий существования идет развитие мира идей человечества. В кратких словах сущность материалистической философии выражается так: не сознание определяет бытие, а бытие определяет сознание.

Размышляя над глубокими замечаниями немецкого мыслителя, Чернышевский сделал такой вывод: если бытие, жизнь определяет сознание, мысль, то надежды социалистов-утопистов на благодетельных капиталистов — напрасны. Бытие капиталиста подсказывает его сознанию важность и необходимость капиталистического строя, и он добровольно не откажется от него. Бытие пролетариата революционирует его сознание, подсказывает ему мысли о необходимости уничтожения этого строя. Поэтому ясно, что освобождение бедняков от рабства и эксплоатации богатых, может явиться только результатом борьбы самих угнетаемых с угнетателями, а ни в коем случае не свыше, от капиталистов. Другими словами, освобождение трудящихся — дело рук самих трудящихся.

Так постепенно перед Чернышевским открылся путь социальной революции, которая создаст новое свободное общество. Главной движущей силой к этой революции должно быть просвещение. Главная задача каждого социалиста — просвещение трудящихся масс. И когда все трудящиеся поймут преимущества

социалистического строя, настанет социальная революция безо всякого вмешательства и содействия каких бы то ни было просвещенных и добродетельных капиталистов.

Чернышевский глубоко усвоил социалистические идеи Фурье и материалистические Фейербаха. Он объединил их в одно целое и создал свое миросозерцание, которому остался верен до конца своей жизни. В то время Чернышевскому было около 20 лет.

Все свои главные знания, весь свой научный багаж, молодой Чернышевский приобрел вне университета, без посторонних влияний, работая углубленно и одиноко. Он жил очень скромно, почти не пользовался столичными развлечениями, не имел почти знакомых. По натуре замкнутый и застенчивый, он не искал сближения с другими людьми и хранил в себе все свои мысли и чувства. Между тем, вокруг Чернышевского были люди, переживающие родственные ему настроения. Среди его университетских товарищей были и фурьеристы. Они группировались вокруг М. В. Петрашевского, посвятившего свою жизнь пропаганде идей Фурье.

Чернышевский не посещал кружка Петрашевского, хотя знал о нем. Любовь к науке и литературе все же заставили его сблизиться с некоторыми товарищами, несмотря на всю его замкнутость, и посещать некоторые литературные кружки. Там он встретился

с Михаилом Илларионовичем Михайловым, будущим известным литератором, общественным деятелем, убежденным революционером. Это был богато одаренный юноша, демократ по происхождению и воспитанию: его дед был крепостным. Обоих студентов связала крепкая дружба, которая продолжалась и по окончании Чернышевским университета. Михайлов, увлеченный литературой и общественной деятельностью, университета не окончил. Жизнь же свою он кончил на каторге, где судьба свела обоих товарищей за несколько месяцев до смерти Михайлова.

В 1848 г. в Европе вспыхнуло революционное движение. Оно охватило Францию, Германию, Австрию, Италию. Вся Европа превратилась в кипящий котел. События развертывались с лихорадочной быстротой. Зато в России реакция становилась все сильнее. Самодержавие все крепче и крепче затягивало цепи рабства. Произошел разгром кружка петрашевцев.

Чернышевский с напряженным вниманием следил за всеми событиями. Революционное движение в Европе и дело Петрашевского потрясли его.

В 1850 г. Чернышевский окончил университет и уехал в Саратов. Он вернулся к себе на родину совершенно сложившимся, зрелым человеком. У него было твердое и стройное социалистическое и материалистическое миросозерцание. Многие старые, домашние, привычные взгляды, традиции и религиозность, которые до некоторой степени владели еще

Чернышевским в первые годы студенчества, были отброшены навеки.

Радостно встретила его семья. Не менее счастлив был сам Чернышевский. Но каким убогим и маленьким показался ему Саратов. Только бесконечные беседы с Сашей возвращали Чернышевского к той кипучей умственной жизни, которая сделалась для него теперь всем.

Чернышевский прожил в Саратове около 3-х лет. Он состоял преподавателем словесности в гимназии.

В то мрачное время сильнейшей реакции произвол царизма проявлялся, может быть, наиболее ярко и грубо в устройстве средней школы. Если высшая школа и наука приносились в жертву идее самодержавия, то можно себе представить, каково было воспитание и обучение в средней школе! Главной задачей царского правительства было подавить в подрастающих поколениях все чувства гражданственности и человечности и вырастить из них грубых и невежественных рабов самодержавия, опутанных нелепыми традициями и суевериями.

Среди педагогов этого «доброго старого времени» Николай Гаврилович казался каким-то чудом. Мягкий, приветливый, веселый, он сразу же завоевал симпатии всех учеников, даже самых отчаянных и озлобленных, каких в старой школе всегда было немало. Он сумел по-товарищески подойти к ученикам, щадил их самолюбие, чутко относился к их запросам. Уроки его были так увлекательно-интересны и раз-

нообразны, что даже самые ленивые и шаловливые мальчики занимались с охотой. Зубрежка, унизительные наказания, грубые и глупые сцены, которые раньше постоянно разыгрывались в классах, — все постепенно исчезло под влиянием молодого учителя. Он оказывал облагораживающее влияние не только на учеников, но даже и на некоторых учителей.

Деятельность Чернышевского в саратовской гимназии оставила глубокие следы. «Да, Чернышевский был истинным светочем, память о котором не изгладится у всех знавших его по педагогическим и литературным трудам, и у всех тех, кто был счастлив знать его лично», — вспоминал на склоне лет один из его воспитанников.

Эти годы саратовской жизни были ознаменованы двумя важными событиями в личной жизни Чернышевского: смертью матери и женитьбой самого Николая Гавриловича.

Чернышевский женился по страстной любви на дочери саратовского доктора — Ольге Сократовне Васильевой. Родные и друзья были недовольны выбором Николи. В действительности, О. С. мало подходила к Чернышевскому. Красивая, умная, задорная, яркая, она сразу же пленила молодого ученого. Она была первая девушка, которую полюбил Чернышевский, и он до конца остался верен своей первой и единственной любви. Но жена Чернышевского оказалась капризной, вздорной, несмотря на природный ум, черствой женщиной. В сущности

она любила только себя, свой покой, совсем не ценила мужа, не интересовалась его деятельностью и всю жизнь мучила его разными дрязгами и ссорами с его родными, даже тогда, когда он, больной и замученный, одиноко страдал в далекой Сибири. Но Чернышевский всю жизнь видел в жене только свою «Светлую радость», как он ее называл, и прощал ей все недостатки. Задумывая жениться, Чернышевский долго и мучительно раздумывал над тем, имеет ли он право связывать свою судьбу с другой жизнью. Его жизненный путь — служения общественности, путь тернистый, полный самоотречения. Он сам убеждал О. С. не выходить за него замуж, так как знал, что как бы сильна ни была его любовь к ней, эта любовь не заглушит его любви к человечеству, не заставит его отказаться от намеченного пути. И вся дальнейшая жизнь Чернышевского показала, что это были не пышные фразы, а непреклонная правда.

После свадьбы Чернышевский с женой переселились в Петербург. Молодая женщина мечтала о столичных развлечениях. Николай Гаврилович готовился к научной и общественной работе. Он чувствовал в себе запас огромных умственных сил и знал, что в столице его ожидает широкое поле деятельности.

«Поднимайтесь из вашей трущобы, друзья мои, поднимайтесь, это не так трудно! Выходите на вольный белый свет, славно жить на нем, и путь легок и заманчив, попробуйте. Развитие, развитие! Наблюдайте, думайте, читайте тех, которые говорят вам о чистом наслаждении жизнью, о том, что человеку можно быть добрым и счастливым. Читайте их — их книги радуют сердце, наблюдайте жизнь — наблюдать ее интересно, думайте — думать завлекательно».

Чернышевский
«Что делать».

Время от 1853 г. по 1862 г. — это время расцвета таланта и кипучей литературно-общественной деятельности Чернышевского.

Переехав в Петербург весной 1853 г., Н. Г. Чернышевский начал сотрудничать в журнале «Отечественные Записки». В то же время он принялся за большую научную работу для университета, которая должна была дать ему ученую степень магистра словесности.

Эта работа разбирала отношение искусства к действительной жизни. Молодой ученый подошел к этому вопросу, как материалист. Впервые учение материализма было применено к области искусства.

В противоположность сторонникам идеалистического воззрения, которое проповедывало, что искусство существует только для искусства, что оно должно быть свободно от каких бы то ни было целей, лишено общественного содержания, Чернышевский заявил: это неверно, искусство черпает свой смысл, свое содержание в самой жизни. Оно воспроизводит всю жизнь, все, что есть интересного для человека в жизни. Искусство отражает и объясняет жизнь, оно должно быть «учебником жизни», потому что жизнь выше искусства, как действительность выше мечты.

«Искусство для искусства, — говорил Чернышевский, — мысль такая же странная в наше время, как «богатство для богатства», «наука для науки». Все человеческие дела должны быть на пользу человеку, если не хотят быть пустыми и праздными занятиями».

Писатель, поэт, художник должен быть прежде всего гражданином, должен служить просвещению общества.

В своих рассуждениях «о прекрасном», «о красоте», Чернышевский высказывал те же материалистические взгляды. Он доказывал, что понятие о прекрасном тождественно понятию о жизни, так как жизнь для человека самое дорогое на всем свете и особенно такая жизнь, какую ему хотелось бы вести, какую он любит. Понятие о «хорошей жизни» у каждого человека и у каждой общественной группы различны. Барин, рабочий, крестьянин, богатый и

бедный — каждый представляет себе «хорошую жизнь» по-своему. Так же различны представления людей о красоте. Понятие о красоте не может быть неизменным. Оно также относительно и изменчиво, как и понятие о жизни, как и другие человеческие понятия. Понятие о прекрасном, как и понятие о «хорошей жизни» зависит от социальной среды.

Работа Чернышевского сыграла большую роль в истории развития русской общественной мысли и способствовала развитию нашей критики и литературы. Но в университете она произвела впечатление разорвавшегося снаряда. Официальные представители науки, придавленные железной рукой Николая I, пришли в негодование, и Чернышевский степени магистра не получил. Зато передовым обществом замечательная работа молодого мыслителя была оценена по заслугам.

Диссертация Чернышевского повлияла на дальнейшую деятельность начинающего писателя, доставив ему известность в передовых кругах русского общества. Вскоре Чернышевский был приглашен в качестве сотрудника в лучший журнал «Современник», основанный еще Пушкиным; он издавался поэтом Н. А. Некрасовым. У Некрасова было тонкое литературное чутье и он быстро распознал, что имеет дело с крупным талантом. Он, не колеблясь, передал в руки Чернышевского весь критический и политический отдел журнала. Чернышевский становится душой «Современника» и всецело уходит в ли-

тературную работу, к которой его давно влекло призвание. Он переживает вместе с Некрасовым все злоключения и успехи любимого журнала.

Через три года к Чернышевскому присоединяется другой крупный талант русской литературы — Добролюбов. Скромный студент педагогического института Николай Александрович Добролюбов явился однажды в редакцию «Современника», с рецензией на недавно вышедшую книгу. Прочитав статью, Чернышевский пришел в восторг: в статье молодого автора его поразил не только литературный талант, но и редкая вдумчивость, наблюдательность, глубокий ум. Проницательный Чернышевский сейчас же оценил дарование будущего крупного критика-реалиста, подобного тому, каким был Белинский. Он пригласил его постоянно сотрудничать в журнале. Добролюбов сделался ближайшим другом и единомышленником Чернышевского. Оба писателя работали рука об руку с полным взаимным пониманием до конца недолгой жизни Добролюбова.

Ради журналистики Чернышевский отказался от чисто научного пути. Он сделал это не потому, что его призвание к научной работе было недостаточно сильно. Но для Чернышевского главной целью его жизни было служение развитию своего народа. Он считал, что своей публицистической деятельностью он лучше всего удовлетворяет умственные запросы своего народа, а потому, не колеблясь, принес в жертву свои мечты о служении науке.

Чернышевский вступил на путь журнальной работы в пору оживления русской журналистики. В николаевское царствование никакая общественная жизнь, политическая борьба, гласность не были возможны. Только посредством печатного слова, конечно, с большими недомолвками и обходами, можно было проводить в общество передовые идеи. Поэтому, в то время журналистика была большим общественным делом. Чернышевский—все силы своего ума отдал этому делу.

Чернышевский чутко прислушивался к запросам читающей публики и всегда писал именно о том, что особенно ее волновало и интересовало. В то время русское общество интересовалось больше литературными вопросами, чем политическими. Это было понятно, так как оно было оторвано от политической жизни и борьбы. Н. Г. Чернышевский поместил в «Современнике» ряд блестящих статей о Пушкине, Гоголе, Льве Толстом, Щедрине и других выдающихся русских и иностранных писателях. Во всех своих критических статьях Чернышевский давал яркие картины общественной жизни и умственного движения эпохи того писателя, о котором он писал. Он указывал, что выдающиеся писатели, особенно такие как Пушкин, и, еще более, как Гоголь, являются писателями-гражданами, что они проповедуют любовь к социальной правде и истинно-человеческие отношения. Он возносил литературу вообще и поэзию в частности на недосягаемую высоту, подчеркивая их огромное воспитательное и образовательное значение.

Со времени вступления Добролюбова в число постоянных сотрудников журнала, Чернышевский передал ему критический отдел целиком, а сам отдался весь жгучим вопросам современности.

Тридцатилетнее царствование Николая I, царствование кнута и гнета, подходило к концу. Результатом его было разложение всей русской жизни во всех ее областях. Севастопольская война, ненужная и бессмысленная, начатая Николаем I в 1853 году против Англии и Франции и кончившаяся полным поражением, особенно ясно показала, что громадная Россия — это колосс на глиняных ногах, и что этот колосс шатается. Правительство, поглощенное войной, меньше занималось внутренними делами, и передовая печать начала смелее и открытее обсуждать ошибки и недостатки правительства и необходимость реформ.

Вскоре после падения Севастополя на престол вступил Александр II (в 1855 г.).

Передовое русское общество, во главе с печатью, громко заговорило о главной язве русской общественной жизни — крепостном праве. Вождем передовой печати и общества в вопросе о крестьянской реформе сделался Н. Г. Чернышевский.

Вначале Чернышевский, как и большинство лучших людей того времени, поддался обманным уверениям Александра II и поверил в его благие намерения. Но скоро он увидел, что либерализм сына Николая I приводил к той же черной реакции. Чернышевского очень волновал вопрос о наделении

крестьян землей. Он смело писал об этом, о крестьянской поземельной общине, как всегда, высказывая открыто свои социалистические воззрения. Не менее смело он жестоко высмеивал либералов, осуществлявших крестьянскую реформу. Основные положения Чернышевского в статьях по крестьянскому вопросу были следующие: «вся земля, которой владели крестьяне при крепостном праве, должна отойти к ним. Никакого выкупа за эту землю крестьяне не должны платить, — иначе теряет смысл все освобождение. Должно сохранить общинное владение землей».

В конце 50-х годов в обществе интерес к социальным вопросам сильно обострился, вследствие постоянных толков об уничтожении крепостного права. В связи с этим Чернышевский задумал ознакомить невежественную русскую публику с основами политической экономии — науки о законах экономического развития общества. В то время все политико-экономические учения европейских ученых отражали взгляды буржуазии. Чернышевский же задумал, излагая и дополняя учение творцов буржуазной экономии, сделать из него социалистические выводы. В 1860 — 61 гг. появился замечательный труд Чернышевского — перевод книги «Основания политической экономии» Милля, с критикой учения английского политика-эконома и с изложением собственной, Чернышевского, социалистической точки зрения.

Конечно, русский мыслитель и в этом труде продолжал быть социалистом-утопистом, последователем Фурье. Школа научного социализма еще только воз-

никала, и главные труды Маркса и Энгельса появились в печати тогда, когда литературная деятельность Чернышевского была уже насильственно прервана. Если же Чернышевский даже в пору зрелости своего таланта остался все-таки на почве утопического социализма, то это объясняется не недостатком его умственных сил, а тем, что он жил и работал при несравненно менее благоприятных условиях, чем знаменитые немецкие мыслители. Можно сказать, что Чернышевский не успел дойти до научного социализма и возможно, что именно для него этот путь должен был быть особенно долог и труден: в силу своей индивидуальности, воспитания и полученного образования, Чернышевский, несмотря на свое материалистическое воззрение, во многом был идеалистом. Он был последовательным материалистом в понимании природы, но был идеалистом в понимании истории. Чернышевский, подобно другим утопистам, объяснял капиталистический строй и все социальные несправедливости, хотя и экономическими условиями, но созданными злой волей, неправильными понятиями людей. Он верил, подобно другим утопистам, в конечное торжество социализма; залогом этой веры была разумность и справедливость социалистического строя, экономический расчет, который должен был, в конце-концов, быть понят, сначала единичными, а потом всеми людьми.

Научные социалисты — Маркс и Энгельс и их последователи — марксисты основывают свою уверен-

ность в неизбежности социалистического строя на изучении *экономической действительности*. В известное время, в силу внутренних законов развития экономических отношений общества, капиталистический строй неизбежен, он является *экономической необходимостью*. Такой же *экономической необходимостью* на известной ступени развития общества будет и социализм.

В сущности Чернышевский стоял на перепутьи между утопическим и научным социализмом. Он не верил в просвещенных капиталистов, а возлагал все надежды на класс разночинцев — «лучших людей», вышедших из низов интеллигенции и усвоивших социалистические взгляды. Разночинцы, по мнению Чернышевского, и подготовят трудящиеся массы к социальному перевороту. Эту же новую общественную группу выдвигал и воспевал в своей поэзии Некрасов.

Настоящие социалисты-утописты совершенно отвергали революционную политическую борьбу. Чернышевский же, сознавая, что «исторический процесс совершается медленно и тяжело», считал, что социальная революция необходима. Он даже придавал некоторое значение политической борьбе. Но Чернышевский, а за ним и почти все социалисты и революционеры 60-х годов считали, что политические «свободы» выгодны, главным образом, для «просвещенных классов» и мало затрагивают интересы «простонародья», т.-е. крестьян и рабочих. При всех своих огромных дарованиях и революционном чутье,

ни Чернышевский, ни его ближайший единомышленник и сотрудник Добролюбов, еще не пришли к сознанию, что борьба за политические права является могущественным средством к достижению цели — экономическому освобождению масс. К этому пришли только в 80-х годах русские марксисты во главе с В. Г. Плехановым.

«Будем учиться, знание освободит нас. Будем трудиться, труд обогатит нас»,

Чернышевский
«Что делать».

Популярность Чернышевского росла со сказочной быстротой. На него смотрели, как на вождя революционного движения, одинаково и в передовых кругах, и в реакционных. В первых — с уважением, восхищением и надеждой, во вторых — с опасением и ненавистью. На знаменитого писателя посыпались злобные письма, полные угроз и грязной брани. Но Чернышевский был человек не такого закала, чтобы испугаться угроз. Он твердо и мужественно шел к цели. Он написал для «Современника» статью «Письма без адреса», адресованную повидимому к Александру II, в которой он давал оценку крестьянской реформы 1861 года. В этой статье он писал, между прочим, что крестьяне, «несмотря на внушения и меры усмирения, остались в уверенности, что надобно ждать им другой, настоящей воли». Конечно, статья не была

пропущена цензурой и не дошла ни до публики, ни до царя. Тогда Чернышевский задумал обратиться непосредственно к народу, с целью подготовить его к широкому революционному движению. Он написал замечательное «Воззвание к барским крестьянам».

Вскоре после этого Чернышевский был арестован. Это случилось летом 1862 года. Следом за ним были арестованы еще два видных писателя — Писарев и Шелгунов. «Современник» был приостановлен. Обыск, произведенный у писателя, не дал ничего, улик против него никаких не было. Знаменитого писателя арестовали исключительно за его мысли. Это было снова преследование «заговора идей».

Но правительство решило во что бы то ни стало разделаться с ненавистным ему писателем. Вокруг Чернышевского создали целое политическое дело, построенное на доносах, клевете и подложных письмах.

Пока следственная комиссия и III Отделение занимались тем, что придумывали всевозможные способы погубить писателя, Чернышевский в Петропавловской крепости писал свой знаменитый роман «Что делать».

Роман «Что делать», написанный в мрачном каземате, весь проникнут светлым, жизнерадостным настроением. Это проповедь живого дела, свободного, радостного труда, свободы и искренности всех человеческих отношений. Герои романа «новые люди», воплотившие в себе все лучшие заветы и чаяния эпохи 60-х годов. «Учиться, развиваться, трудиться» — вот лозунги героев романа «Что делать». Об этом говорят

и мужчины и женщины. Но они не только проповедуют, они и действуют согласно своим воззрениям, бесстрашно отказываясь от старой морали, от всех предрассудков и традиций старого строя. В своем романе Чернышевский объединил все свои философские и социалистические взгляды. Фурьеризм Чернышевского ярко выразился в призыве к устройству мастерских на коллективных началах. Героиня романа, Вера Павловна, устраивает швейные мастерские, в которых хозяевами являются сами работницы. Увлеченная своим делом, думая только о нем, Вера Павловна видит во сне картины результатов своих трудов — жизнь и процветание фаланстера. В сны Веры Павловны Чернышевский вложил все идеалы Фурье и других великих социалистов.

Роман «Что делать» был переправлен из Петропавловской крепости в редакцию «Современника» и, благодаря необъяснимой оплошности цензуры, напечатан в журнале. Правда, едва роман появился в печати, правительство спохватилось, и книжки с произведением Чернышевского были изъяты. Но было уже поздно: роман «Что делать» в сотнях рукописных списков ходил по кружкам молодежи, жадно читался, вызывал жаркие споры и горячее преклонение и делал свое дело.

Чернышевский просидел в заключении около двух лет, пока правительство придумывало и расследовало дело писателя. Чернышевский спокойно и мужественно переносил свое заключение. Он давно был

подготовлен к этому. Он страдал только за жену и беспокоился о судьбе своих двух малолетних сыновей. Но сам он не терял своей обычной душевной ясности и бодрости и проводил время в усиленном умственном труде.

Только в феврале 1864 г. Чернышевскому был вынесен обвинительный приговор, основанный весь на ложных доносах и подложных письмах, сфабрикованных III Отделением (так называлось учрежденное Николаем I в 1826 г. отделение собственной канцелярии царя, ведавшее политические дела).

Чернышевскому вменялись в вину следующие три преступления:

1. Противозаконные сношения с изгнанником Герценом, стремящимся пропагандой низвергнуть существующий в России образ правления.

2. Сочинение возмутительного воззвания «К барским крестьянам».

3. Тягчайшее преступление — приготовление к возмущению.

Вина Чернышевского усиливалась, по выражению судей, «упорным его запирательством, несмотря на несомненность доказательств, против него в деле имеющихся». И действительно, указав на первом же допросе на то, что все обвинения основаны на клевете и подложных документах, Николай Гаврилович твердо повторял в следственной комиссии: «Сколько бы меня ни держали, я поседею, умру, но прежнего своего показания не изменю». Но судьи также твердо решили осудить Чернышевского.

Чернышевский был приговорен к ссылке на каторжную работу в рудниках на 14 лет и по отбытии ее—на вечное поселение в Сибири. Александр II уменьшил срок каторги наполовину.

Злобная мстительность царского правительства по отношению к крупнейшему русскому мыслителю и писателю не ограничилась жестоким наказанием.

Перед отправкой в Сибирь Чернышевский был подвергнут «гражданской казни».

Вот как происходило это позорное событие:

«19 мая 1864 года утро в столице было пасмурное и холодное. Бледное петербургское солнце встало в тумане. С раннего утра моросил мелкий дождь. Но, несмотря на дурную погоду, в окрестностях Мытнинской площади, к 10-ти часам утра, замечалось необычайное оживление. Хотя день был праздничный и не базарный, на площадь со всех сторон стекались толпы народа. Рабочего люда почти не было видно. Преобладала «чистая публика». Там и сям мелькали студенческие пледы, широкополые шляпы, розовые девичьи лица с коротко остриженными волосами. В толпе выделялась нескладная фигура известного петербургского писателя — этнографа Павла Ивановича Якушкина, широкоплечего человека в русском платье, с дубинкой в руках. Лица у всех были сосредоточенные и взволнованные. Среди молодежи раздавался сочувственный шопот.

«— Будут срывать мундир и эполеты, — громко сказал лавочник стоявшему возле мастеровому.

«— Поджигателя будут шельмовать, — подхватил другой.

«— Из бар, из поляков, — пояснил человек в рабочей блузе, неодобрительно поглядывая на двух изящно одетых женщин и длинноволосого студента, пробиравшихся через толпу.

«Посреди площади стоял высокий помост, выкрашенный в черный цвет. На одном конце его была лесенка, на противоположном стоял высокий черный столб с ввинченными в него кольцами, от которых шли цепи. Помост был окружен плотным кольцом пешей и конной полиции. За ним теснились толпы народа.

«Все ждали и мокли под дождем.

«— Едут, везут! — послышался сдавленный крик среди толпы.

«К площади подъезжала карета, окруженная жандармами с саблями на голо. Интеллигентная публика бросилась к карете.

«— Смирно! — раздалась команда у эшафота, и конные жандармы стали оттеснять публику.

«От кареты к помосту быстрыми шагами двигались четыре человека: правительственный чиновник, два палача и худощавый, бледный человек в очках, с белым высоким лбом и рыжеватыми волнистыми волосами. То был Николай Гаврилович Чернышевский.

«Чернышевский был возведен на эшафот. Палач грубо сбросил с него шапку и надел ему на шею деревянную черную доску с надписью «Государствен-

ный преступник». Затем чиновник стал читать сенатский приговор.

«Чернышевский, казалось, его не слышал. Он внимательно обводил толпу своим близоруким взглядом, словно отыскивая кого-то. «Преступник» был совершенно покоен.

«Палачи подвели «преступника» ближе к позорному столбу, привычным движением продели его руки в кольца и притянули цепями к столбу. Дождь пошел сильнее. Палач поднял шапку и надел ее на голову Чернышевскому. Последний вежливо поблагодарил его.

«У многих из присутствующих слезы туманили глаза и мучительно сжималось сердце. А «преступник» попрежнему невозмутимо обозревал толпу. Так прошли мучительные четверть часа, которые многим показались вечностью.

«Наконец, один из палачей поставил Чернышевского на колени. По бледному лицу Николая Гавриловича на миг пробежала судорога страдания. Палач переломил над его головой заранее надломленную саблю. В этот момент произошло нечто неожиданное: через головы жандармов перелетел большой букет цветов и упал к ногам «преступника». Красные розы дерзко сверкали капельками росы. Пышные гвоздики вызывающим красочным пятном алели на черном помосте. За первым букетом полетели еще два-три.

«Среди полиции поднялось смятение. Темные личности в штатском платье шныряли в толпе и

расспрашивали: — Кто бросил цветы? — Я, я! — возбужденно воскликнула молодая девушка с коротко остриженными волосами. Ее тотчас же арестовали и увезли.

«Преступника» поспешно подняли с колен и посадили в карету. Карета под конвоем жандармов шагом тронулась в крепость. Кучки молодежи догнали ее и пошли рядом с нею.

«— Прощай, Чернышевский! — крикнул Якушкин. Это послужило сигналом к овации: — Прощайте, до свиданья! — кричали возбужденные голоса. Букеты красных цветов снова полетели в карету. Чернышевский выглядывал из окна кареты и ласково раскланивался.

«— Рысью! — скомандовал жандармский офицер. Процессия с грохотом стала удаляться от толпы, несколько молодых людей бросились в погоню за каретой. Чернышевский с приветливой улыбкой погрозил им пальцем. Он понимал, что этой кучке горячих голов грозит арест, и призывал к спокойствию. Толпа медленно разошлась...»

Н. Г. Чернышевский был отправлен в Сибирь 20 мая 1864 г., на следующий день после позорной церемонии гражданской казни. Все заботы об отправке и возможном облегчении судьбы дорогого узника приняли на себя братья и сестры Пыпины. После приговора им были разрешены свиданья, и последние две недели все Пыпины целые дни проводили с осужденным и снаряжали его в дальнюю тяжелую дорогу.

Жена Чернышевского приехала из Саратова только за день до его отправки.

Путь до Нерчинских рудников был долог и мучителен. Физически слабый, привыкший к сидячей, комнатной жизни, Чернышевский переносил его очень тяжело. В Кадае Чернышевского поселили в маленьком домике на горе, плохо сколоченном. В этом ненадежном пристанище знаменитый писатель очень страдал от жестоких сибирских морозов. Политических ссыльных к работе не принуждали. Но и умственной работой заниматься было невозможно: холод и старый ревматизм, обострившийся в такой обстановке, не давали ему работать. Но Чернышевский не падал духом и находил еще в себе силы в письмах успокаивать родных, особенно жену, расхваливая свою жизнь, обстановку и природу.

Спустя два года в положении Чернышевского произошла некоторая перемена к лучшему. Он был переведен на Александровский завод в 30-ти верстах от Кадая.

Здесь жизнь была легче в смысле внешних условий. Но главное, здесь были люди, общение с которыми смягчало тяжесть ссылки. На Александровском заводе было много ссыльных. Тут были и сосланные поляки, необразованные, полуграмотные рабочие и мастеровые, и русские политические ссыльные, в числе их шесть «каракозовцев», сосланных по делу о покушении Каракозова на Александра II, 4 апреля 1866 г. Многие из русских ссыльных, — передовая, образованная молодежь, — уже давно при-

выкли почитать и любить Чернышевского. С таким же уважением и любовью стали немедленно же относиться к нему и необразованные ссыльные, которые никогда раньше не слыхали имени Чернышевского и не читали ни строчки из сочинений знаменитого писателя. Но своей простотой, приветливостью и отзывчивостью Чернышевский располагал к себе всех, даже стороживших его казаков.

Николай Гаврилович жил скромно, стараясь расходовать как можно меньше денег, присылаемых ему неизменным, верным другом Пыпиным. Обед он получал из кухни «государственных преступников». Зиму и лето он ходил в теплом халате, с растегнутым воротом, в валенках и шапочке. Почти весь день Николай Гаврилович проводил за письменным столом, с трудом отрываясь на полчаса для обеда и небольшой прогулки. Обязательных работ на Александровском заводе не было. Но иногда на ссыльных возлагались обязанности по дому, — как например: топка печей, доставка воды и т. п. Чернышевский всегда стремился помогать товарищам. Но у него обыкновенно ничего не выходило. Благодаря своей близорукости и неловкости, он больше мешал, чем помогал. «Вообще, в этом отношении, с ним была просто беда», — любовно-насмешливо вспоминал впоследствии один из его товарищей по ссылке. — «Он не мог видеть нас работающими без того, чтобы не вмешаться и не помешать. Работать по дому приходилось не мало: и дрова колоть, и печи топить, и воду на себе возить; и всегда он явится

и помешает. Да и страшно за него было: так он ловок был, что того и гляди, покалечит себя, так что частенько приходилось насильно отнимать у него режущие и колющие инструменты и дружелюбно его выталкивать. После мы выучились отделываться от него напоминанием о некоем дворнике, которому, по его собственному рассказу, он хотел помочь внести дрова на пятый этаж, и так ловко помог, что рассыпал всю вязанку, за что и получил надлежащее возмездие в форме крепких слов. Как сунется Николай Гаврилович «помогать» нам, так и крикнем ему: «А вспомните, стержень добродетели (как мы шутливо называли его), дворника, ну, и отстанет»...

По вечерам камера Чернышевского наполнялась гостями, велась оживленная беседа, поднимались споры. Говорил большею частью сам хозяин. Он мог говорить плавно, красиво, без перерывов, не умолкая, часами. Иногда Чернышевский читал своим слушателям целые лекции по истории. Ярко и красочно рисовал он картины большею частью мрачного прошлого и светлые картины будущего. Как завороженная внимала ему аудитория, упиваясь красотой его идей и образов. Но каково же было изумление всех, когда один из слушателей, заглянув однажды в лежащую всегда перед Чернышевским во время лекции тетрадь, увидел, что она совершенно чиста! Чернышевский не читал, а часами говорил, импровизируя. Огромные знания, богатая фантазия и дар слова делали Чернышевского необыкновенным

рассказчиком. Велись также волнующие беседы по вопросам современности. Франко-прусская война 1870 г., Парижская Коммуна и ее гибель — все это волновало ссыльных.

А по ночам ссыльный писатель писал. В литературной работе была его жизнь, она давала ему силу переносить неволю. Чернышевский в это время писал преимущественно в беллетристической форме. Самым крупным из его сибирских произведений был автобиографический роман «Пролог», в котором он изображал подготовительный период к крестьянской реформе и зло высмеивал пугливых и нерешительных либералов. В романе он вывел самого себя под именем неловкого, вялого чудака Волгина, и Добролюбова под именем благородного, возвышенного Левицкого; в обаятельной, красивой жене Волгина не трудно было узнать жену самого Чернышевского. Каждая строчка этого произведения Чернышевского, как и всех остальных, дышит любовью к людям и желанием ободрить, утешить и просветить темных и страдающих, горячим убеждением в счастливое будущее.

Ссыльные Александровского завода увлекались театром. И Чернышевский с таким же увлечением писал для них веселые, забавные пьесы. Но и в шутке всегда скрывались глубокие мысли и отражались политические взгляды автора.

Когда ссыльные разыгрывали пьесы Чернышевского, бесстрашно исполняя и женские роли, автор принимал горячее участие в постановке, а потом за-

ливался веселым детским смехом, присутствуя на спектакле уже в качестве зрителя.

Так прошли тяжелые 7 лет ссылки. Все эти долгие годы Чернышевского поддерживала лишь работа, переписка с женой и Пыпиными и надежда, что, отбыв наказание, он сможет вернуться, если не в самую Россию, то в какой-нибудь крупный город Сибири. А там уже он сумеет вернуться к жизни и вновь соединиться с семьей.

Но надеждам Чернышевского не суждено было сбыться. 2 декабря 1871 г., пришло секретное предписание перевести его, по отбытии каторжных работ, на поселение в далекую и дикую Якутскую область, в город Вилюйск. (Место ссылки декабриста М. И. Муравьева-Апостола, брата казненного Сергея Ив.).

Правительство Александра II имело основание опасаться Чернышевского и запрятать его, как можно дальше. Популярность знаменитого русского писателя-социалиста все росла. А те страдания, которые он переносил во имя своих идей, окружали его имя особым ореолом. Для передового русского общества, особенно для пылкой молодежи 60—70 г.г., Чернышевский стал тем «властителем дум», каким в 40-х годах был Белинский. Имя его произносилось с любовью, уважением и восхищением. Его романом «Что делать» зачитывались, число его последователей росло. Несколько раз революционеры разрабатывали план его похищения и не выполнили их

только потому, что Чернышевский наотрез отказался бежать. Он понимал, что это навлечет неисчислимые бедствия на головы многих, может также отразиться и на его семье.

Отправка в Вилюйск была для Николая Гавриловича ударом, быть может, сильнейшим, чем ссылка на каторгу. Но он вынес и этот удар с небывалым мужеством.

Все мысли Чернышевского были заняты заботой о жене, о том, как она перенесет этот удар. В Россию из далекого Вилюйска опять полетели нежные письма, полные трогательной лжи. В них говорилось, что он здоров, спокоен, хорошо устроился... почти счастлив, и только думы об ней, о жене, и чувство своей вины перед ней нарушают его хорошее настроение.

На самом же деле жизнь в Вилюйске, в этом заброшенном в глухой тайге маленьком поселке, была ужаснее каторги. Невыносимый климат — страшные морозы в течение долгой зимы, а в остальное время тяжелые, гнилистые испарения, отравляющие воздух — гибельно отзывался на хрупком здоровье писателя. Невозможность устроиться мало-мальски удобно, однообразная, грубая пища, гнетущий надзор жандармов — вот что такое была жизнь в Вилюйске. У Чернышевского день и ночь дежурили два урядника. Было приказано не выпускать его из виду днем, и даже ночью заглядывать к нему в комнату. Особенно предписывалось следить за узником летом во время прогулок по городу. За город, в лес и степь, выходить Чернышевскому запрещалось.

С внешними и материальными бедами Чернышевский мирился сравнительно легко, самое ужасное было духовное одиночество. В Вилюйске не было ни одного политического ссыльного, не с кем было обменяться живым словом. С тоской вспоминал Чернышевский о своих товарищах по каторге на Александровском заводе. Сношения с внешним миром, с родными затруднялись не только дальностью расстояния, но и цензурой. Он жил под вечной угрозой обыска, вследствие чего рвал почти все, что писал. К личным страданиям Чернышевского присоединялась еще щемящая тоска при виде жалких, голодных якутов. Было нестерпимо чувствовать свою полную беспомощность и невозможность помочь этим несчастным дикарям, частице того страдающего, угнетенного человечества, о счастье которого так много думал социалист-писатель.

Чернышевский чувствовал себя заживо похороненным. Всю энергию мысли, все страстное напряжение воли, он сосредоточил на одной цели: сохранить себя, не дать себе погибнуть, опуститься в глухой сибирской тайге. И Чернышевский огромным усилием воли заставлял себя отмежевываться от гнетущей действительности и уходил весь в работу. Он зарывался в научные книги, по разным отраслям знания, которые высылал ему в огромном количестве все тот же верный друг Пыпин, и писал, писал. А между тем у Чернышевского не было даже надежды увидеть свои труды в печати. На его имя был наложен запрет. «Я вижу, что мое имя никогда

не упоминается в русской печати», — с грустью пишет он жене. — «Мне ясно, что это значит»...

Тянулись, тянулись бесконечные, томительные годы. Прошло почти двенадцать лет вилюйской жизни...

Только в конце 1883 года Н. Г. Чернышевский был возвращен из Сибири и водворен на жизнь в Астрахань. Так, после 21 года разлуки, Н. Г. соединился со своей семьей. Своих сыновей он увидел уже взрослыми.

В 1889 г. семье Чернышевского удалось добиться разрешения переселиться в родной Саратов. После сурового сибирского климата, Чернышевский плохо переносил жаркий климат Астрахани и много хворал.

На родине Чернышевский прожил всего лишь несколько месяцев. В ночь на 17 октября 1889 года Н. Г. Чернышевский скончался.

Вернувшись из ссылки, Чернышевский прожил на свободе всего лишь 6 лет. Возможно, что это было счастьем для знаменитого писателя. Правда, 20-тилетняя ссылка не сломила могучих умственных и нравственных сил Чернышевского, но все-таки вернувшись к жизни, он понял, что за этот долгий срок жизнь ушла вперед и что сам он отстал от нее. Надо было приспособляться к новым общественным условиям. Кругом кипела молодая жизнь, назревали новые общественные силы, старые верования терпели крушения.

За те долгие годы, что Чернышевский был насильственно вычеркнут из жизни, в России произо-

шло много важных событий. 70-ые годы ознаменовались бурным социалистическим движением «в народ». Пропаганда и агитация в народе сменилась террористическими действиями партии «Народной Воли», приведшими к 1 марта 1881 г. В то же время в научном мышлении произошло тоже коренное изменение. Материализм сделался фундаментом всех наук. Научный социализм, разработанный Марксом, стал постепенно восприниматься и русскими социалистами.

Блестящий публицист 60-х годов чувствовал себя не у дел, усталым от жизни. И как всегда он искал спасенья — в труде. Но невольно Чернышевский отстранялся от чуждой ему теперь современности. В Астрахани Чернышевский перевел громадный труд немецкого историка Вебера — «Всеобщая история» и издал первый том «Материалов» для биографии Добролюбова. Чернышевский работал с лихорадочной поспешностью, — он чувствовал, что для любимого труда у него осталось уже немного времени.

Весть о смерти Н. Г. Чернышевского быстро разнеслась по России. И вся передовая интеллигенция — не только старые шестидесятники, но и молодежь 80-х годов — с глубокой грустью приняла известие о смерти крупнейшего русского писателя и мыслителя, вождя славной эпохи 60-х годов, сделавшего так много для развития революционных и социалистических идей в России.

1. Каковы главнейшие черты личности Чернышевского?

2. Есть ли соответствие между взглядами Чернышевского и его жизнью?

3. Сравните взгляды Чернышевского со взглядами предшествующих ему русских революционеров. В чем сходство? В чем разница?.

ПРОРОК.

(Посвящается Чернышевскому).

Не говори: «забыл он осторожность,
Он будет сам судьбы своей виной!»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.
Но любит он возвышенней и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»—
Так мыслит он — и смерть ему любезна:
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Н. А. Некрасов.

ПАМЯТИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО.

Ты звал на подвиг и свободу
Порабощенную страну,
И за любовь свою к народу
Ты, как изменник, был в плену!
Но душный мрак тюрьмы холодной
Не погасил мечты борца,
Осталась мысль твоя свободной
И непреклонной до конца!

А. Лукьянов.

СОДЕРЖАНИЕ.

РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

КНИГА ДЛЯ ЮНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

ДОПУЩЕНО ГОСУД. УЧЕНЫМ СОВЕТОМ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. СВЕРЧКОВА

ЧАСТЬ II

СОДЕРЖАНИЕ

ЦЕНА 1 руб. 75 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
ЛЕНИНГРАД — 1927 — МОСКВА

